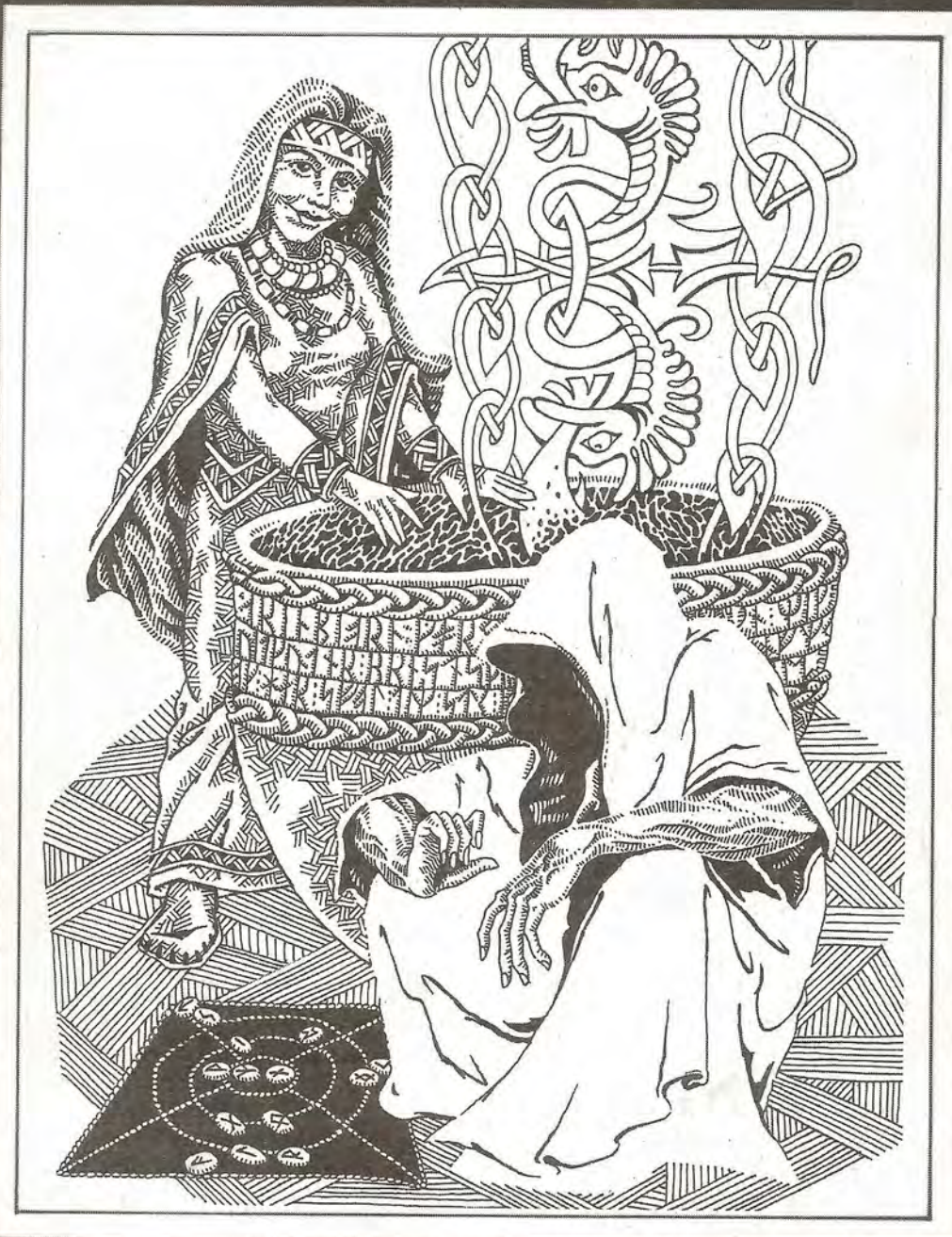

№ 2

УРАЛЬСКИЙ
снеговик

2003

Маршруты Уральского следопыта

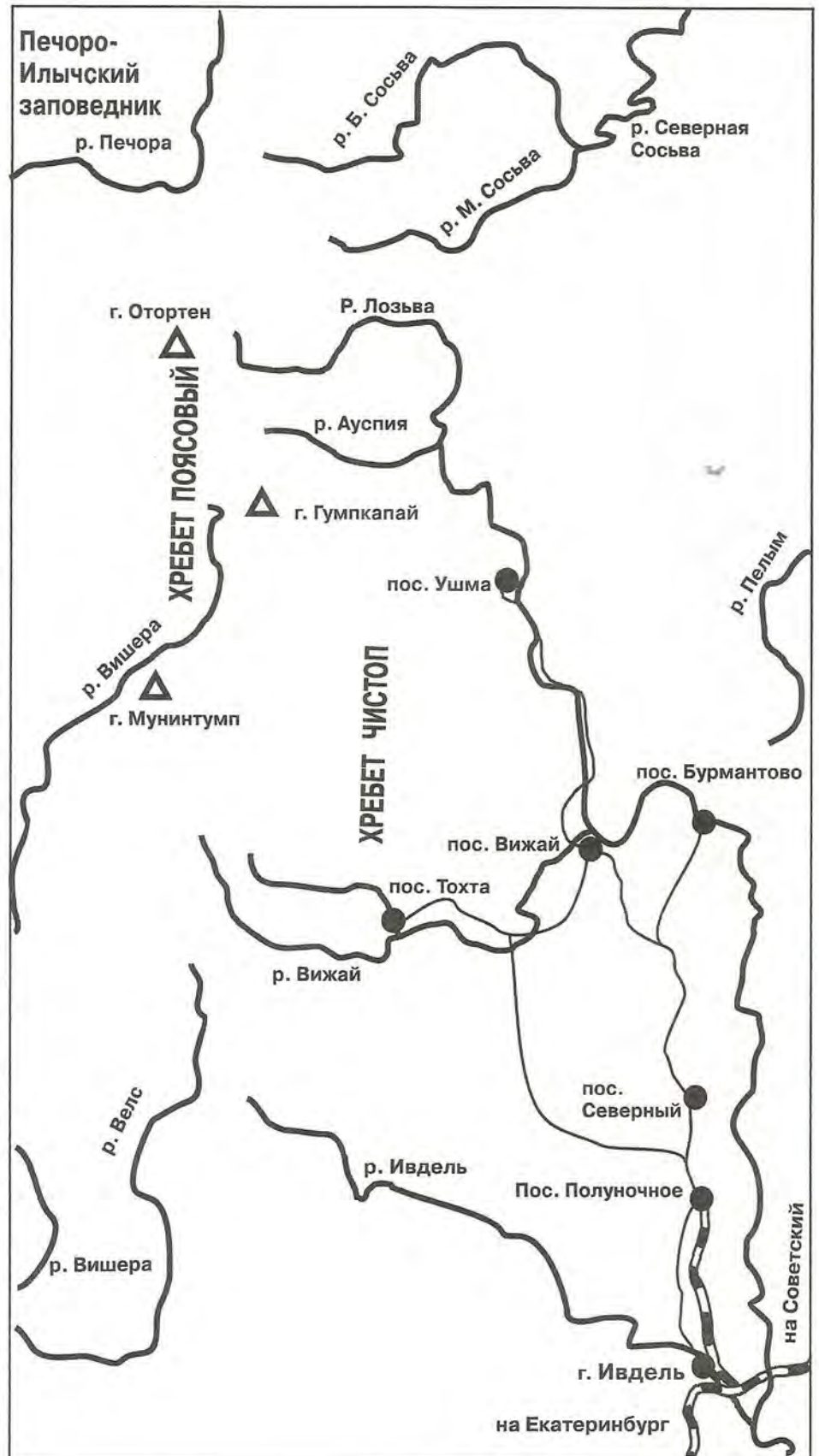
Отортен

Отортен, гора (1 182 м) на водораздельном хребте на самой вершине Лозьвы. Отортен находится на границе Свердловской области и Республики Коми, недалеко от него также границы Пермской и Тюменской областей.

Название, хорошо известное исследователям Северного Урала и туристам, возникло в результате ошибки, но утвердилось на карте. Это искаженное до неузнаваемости название горы *Вот-Тартан-Сяхыл*, более низкой и находящейся в нескольких километрах северо-восточнее Отортена.

Манси называют Отортен совсем по-другому: *Лунт-Хусап* — «Гусиное гнездо», или *Лунт-Хусап-Сяхыл* — «Гора гусиного гнезда». Дело в том, что юго-восточный склон Отортена круто обрывается к горному озеру Лунт-Хусап-Тур — «Озеру гусиного гнезда», откуда начинается река Лозьва (это озеро называется также Лусум-Талях-Тур — «Озеро в верховье Лозьвы»). Есть мансийское предание, что во время всемирного потопа в этом озере на большой высоте спасся один-единственный гусь. По другой версии, в куполе горы манси увидели сходство с гусиным гнездом.

А. К. Матвеев

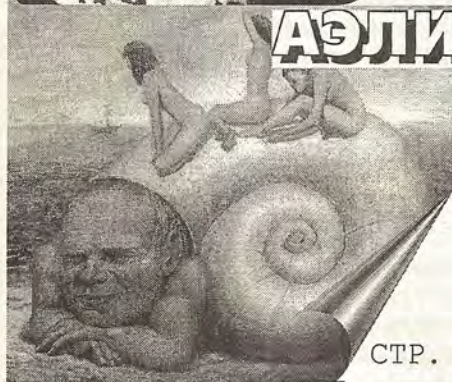
«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-28

АЭЛИТА

СТР. 29-58

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 59-80

УРАЛЬСКИЙ следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

2" 2003

Публицистика	
В. ОСИПОВ «Премия имени Бажова»	2
Тропой поиска	
С. ПАНИНА «Невеста из Подчегана»	4
Краеведческая копилка	
М. ПЕТРОВ «Судно на Серге»	7
В. ТРУСОВ «После набега»	9
Т. ТИМОХОВА «Иванка Нос из Нырба»	27
К. ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Н. СОЛОМИН «Опальный архитектор»	28
Мемуары	
Г. ПАВЛОВ «Оболенский в моей судьбе, или Почем в России пуд таланта» (начало)	11
Портреты	
Т. КРАФТ «Гармония со Зверем»	16
Занимательная нумизматика	
В. Пуронен «Самые первые» (продолжение)	19
Возвращение из Леты	
Н. МЕЗЕНИН «Демидовы в литературе»	22
Добрые попутчики «Уральского следопыта»	
П. РОДИМОВ «Стихи ветеранов»	30
Драматургия	
О. БОГАЕВ «Человек-корыто» (окончание)	32
Современная поэзия Урала	
Е. ШУКАЕВА Стихи	42
М. ЕРЕМЕНКО Стихи	51
Н. ПЕРЕТЯГИНА Стихи	57
Галерея	
Т. СУВОРОВА «Загадки изменений»	44
Современная проза Урала	
Б. ТЕЛКОВ. Рассказы	46
Литературное течение «Добряне»	
Н. ТЕРЕХОВА «Сапоги»	53
Уральские тропы	
Е. ТАМПЛОН «Каменные ворота»	60
Т. АФАНАСЬЕВА «Как мы ходили на Таганай»	62
А ты сумеешь?	
Марина ШЕСТАКОВА «Главное - дальше и дальше!»	65
Наши увлечения	
М. МОДЕНКО «Что нам снег, что нам зной...»	67
История туризма	
В. РОТБЛЮТ «Отортен»	69
Советы специалиста	
А. КРЮКОВ «Я выбираю спальник и рюкзак»	71
Проекты «Уральского следопыта»	
Внимание! «Майский экстрим»	72
Добрые попутчики «Уральского следопыта»	73
Дети в походе	
М. МЕЛЕКА «Тяжела и неказиста жизнь уральского туриста...»	74
Экспедиции	
В. ЮКЧУБАЕВ «Непройденный маршрут» (продолжение)	75

Вадим ОСИПОВ

Премия имени Бажова

Слева направо: Н. И. Тимофеев, генеральный директор промышленного химико-технологического холдинга «Драгоценности Урала»; В. В. Осипов — председатель оргкомитета по вручению Бажовской премии, член Союза писателей; В. А. Блинов — председатель правления Союза писателей России.

В свое время, в декабре 1969 года, Свердловской областной организации Союза журналистов СССР была учреждена ежегодная премия имени П. П. Бажова за лучшие журналистские произведения, опубликованные в печати, переданные по радио и телевидению. В 1999 году, к 120-летию со дня рождения писателя, была учреждена новая Литературная премия имени П. П. Бажова.

Ее учредителями стали Свердловское отделение литературного фонда России и Промышленный химико-металлургический холдинг «Драгоценности Урала».

В конкурсе на соискание премии имени П. П. Бажова могут участвовать произведения различных форм: от романов до журнальных подборок рассказов, книги стихов и работы в области краеведения или критики. Главное — это «значительность творческого достижения и органическая связь произведения с Уралом, уральской историей и культурой». Премии вручаются в нескольких номинациях: проза, поэзия, драматургия, публицистика, литературно-художественная критика. В этом году премии вручались уже в четвертый раз. За прошедшие годы состав жюри конкурса менялся, но в него неизменно входили авторитетные литераторы: прозаики, поэты, критики.

Самыми первыми лауреатами литературной премии имени П. П. Бажова в 1999 году были Ольга Славникова с романом «Один в зеркале», поэт Юрий Казарин — за книгу «Поле зрения», поэты — участники великой Отечественной войны Михаил найдич и Венедикт Станцев, а в номина-

ции «Публицистика» премию получил Дмитрий Суворов за книгу «Все против всех. Неизвестная гражданская война».

А произведения 2002 года оценивало жюри под председательством критика и публициста Валентина Лукьянина. В состав жюри вошли поэт Юрий Казарин, краевед Юний Горбунов (оба — лауреаты Бажовской премии прошлых лет), литературовед, доктор филологических наук Мария Литовская, народный артист России Алексей Петров. Оргкомитет конкурса возглавил поэт Вадим Осипов.

2 декабря жюри был утвержден список участников нынешнего конкурса. В него вошли 25 авторов из восьми городов Урала и Западной Сибири, а также из Москвы, которые представили прозу, поэзию, драматургию, публицистику, критику. Эти произведения были опубликованы отдельными книгами, а также в таких журналах, как: «Урал», «Уральский следопыт», «Знамя», «Континент», «Дружба народов», «Москва».

27 января 2003 года в Камерном литературном театре Объединенного музея писателей Урала состоялась торжественная церемония награждения новых лауреатов.

Премии вручал президент Промышленного химико-металлургического холдинга «Драгоценности Урала» Николай Иванович Тимофеев, а каждого из пяти лауреатов представлял один из членов жюри.

Майя Петровна Никулина получила премию за книгу «Камень. Пещера. Гора», в которой она в неожиданном ракурсе рассмотрела связь творчества Бажова с удивительными качествами Урала, как центра творчества и мифотворчества, рожающего истинных Мастеров.

Николай Владимирович Коляда стал лауреатом Бажовской премии за книгу пьес «Кармен жива».

Андрей Петрович Комлев — автор серии литературных портретов и одновременно — автор и ведущий радиопередач о деятелях литературы и культуры.

Прозаик из Перми Нина Викторовна Горланова получила премию за роман-монолог «Можно. Нельзя. Можно».

Вадим Геннадьевич Месяц удостоен Бажовской премии за роман «Лечение электричеством». Н. И. Тимофеев подчеркнул, что, хотя Вадим Месяц живет в США и в Москве, это уральский писатель, который расширил географию участников конкурса.

Премии в номинации «Поэзия» решено было никому не присуждать.

РЕКА ВРЕМЕНИ

**Невеста из Подчегана
Судно на Серге
После набега
Оболенский в моей судьбе
Гармония со Зверем
История денег
Демидовы в литературе
Иванка Нос из Ныроба
Опальный архитектор**

Русский Усть-Маш ждет

Продолжается культурно-просветительская акция «Уральского следопыта» и Содружества павленковских библиотек под девизом «Подари селу прочитанную книгу», часть большой культурной программы «Не дать свече погаснуть».

К счастью, как мы и думали, книжный источник не иссякает. Все новые и новые дарители звонят и приходят в редакцию с книгами и предложениями.

Единственное, что сдерживает более интенсивный ход акции, — отсутствие в редакции транспорта. Многие из дарителей готовы пожертвовать сельской читальне такое количество книг, какое они не могут сами принести в редакцию.

В числе дарителей много наших давних читателей и авторов: автор и ведущая телепрограммы «Екатеринбургские тайны» Инна Гладкова, искусствовед Людмила Хлебникова, знатоки и пропагандисты искусства русской иконописи Лидия и Юрий Рязановы, театровед, вдова поэта Льва Сорокина — Р.В. Сорокина, журналист и редактор Эдуард Молчанов и многие другие.

Напомним читателям и всем екатеринбуржцам, что акция журнала и Содружества длится уже третий год. При поддержке областных библиотек: им. Белинского и детско-юношеской, библиотеки главы города, — а также «фонда Язева» значительно пополнились книгами одиннадцать сельских павленковских читален Пригородного района Свердловской области, а также библиотека-музей села Мугай Алапаевского района.

На нынешнем этапе долговременной акции объектом книжных дарений выбрана павленковская библиотека Красноуфимского района в деревне Русский Усть-Маш — одна из 34 читален Свердловской области, открытых в начале прошлого века на средства русского издателя Ф.Ф. Павленкова.

Как и все сельские читальни, библиотека нынче остро нуждается в литературе (особенно современной) — художественной, детской, историко-культурной, справочной. Как и во времена Павленкова, сельская библиотека сегодня может и должна стать активным помощником школе и семье в подготовке подрастающего поколения. Ведь сельскую молодежь ждут те же колледжи и вузы, что и городскую.

И надо помочь селу обрести равные с городом возможности.

Ведь согласитесь, что российское село — наша с вами общая малая родина.

*Юний Горбунов
Фото. Е.В. Савенко*

Светлана ПАНИНА, г. Екатеринбург

Невеста из Подчегана

Летом 1989 года археологи Свердловского областного краеведческого музея проводили археологическую разведку по рекам Ница и Тура в Слободотуринском районе — по заданию Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры. Уже была пройдена основная часть маршрута, найдены памятники эпохи бронзы у деревни Фалино, Тимофеево I, распаханное городище юдинской культуры (X–XIII вв.) у заброшенной деревни Колмыково; директор слободотуринского краеведческого музея показал вещи из разрушенного могильника в селе Липчинское (бронзовую пряжку, браслет, бусины, керамику), найденного во дворе дома жителем села во время строительных работ...

Материал это был интересный, но почти утраченный из-за плохого состояния памятников. Неужели в этот раз нам не повезет?

Обследование среднего течения Ницы близ села Ницинского планировалось в последний день разведки. Спустившись вниз по реке, рядом с действующим кирпичным заводиком, по проселочной дороге двинулись к правому берегу реки. И почти сразу же вышли на длинный высокий мыс, похожий на двухпалубный корабль. Вокруг — заливные луга. Ница, разливаясь в половодье, подходит вплотную к мысу с северо-западной стороны, с восточной и юго-восточной стороны «нос корабля» омывает безымянная речушка, впадающая в Ницу. Летом она почти полностью пересыхает, и только кусты ивыняка, растущие по ее берегам, отмечают ее прихотливые изгибы.

Мыс имеет две площадки. Верхняя, размерами 80x50 м, сразу привлекла наше внимание, так как на ней расположено древнее городище. Без сомнения, этот правильный холм овальной формы с плоской чашевидной поверхностью был создан древним человеком. В восточной части городища сохранились следы вала и рва — укреплений, защищавших это поселение от врагов. Только вот от каких? Прямо посередине городища — две проселочные дороги, проложенные нашими современниками, расходившиеся в разные стороны. Уже простое обследование разрушенного слоя на дороге дало богатый материал: фрагменты лепной керамики без орнамента, кости животных, а среди них — две человеческие...

Словоохотливые местные жители, возвращающиеся с поля, рассказали нам, что место это издавна считается зимовкой Ермака — Албазиным-городком. Под его стенами якобы была сеча с татарами; поэтому местные жители, охочие до редкостей, находили здесь захоронения воинов. Говорят, что один из них лежал с кинжалом, одетый в кольчугу.

Разведочные шурфы и последующие раскопки не под-

Черепки из прошлого.

твердили эти сведения. Звучное название Албазин-городок пришлось сменить на более прозаическое: «городище и могильник Подчеган». Но могли ли мы тогда предполагать, что столкнемся с не менее интересными загадками?

Нижняя площадка мыса в древности тоже была заселена. Можно было определить мощность культурного слоя на этой площадке, поскольку в ее северо-восточной части находился глиняный карьер, в стенках которого фиксировался черный углистый слой, содержащий керамику эпохи ранней бронзы. Шурф, заложенный в нескольких десятках метров от карьера, дал те же результаты и вдобавок — фрагменты сосуда.

Дальнейшие раскопки нижней площадки дали нам представление о том, как использовалась она в эпоху бронзы. Постоянных жилищ не обнаружено, но слабые пятна прокала и наличие столбовых ямок свидетельству-

ют о посещаемости площадки в определенные сезоны года. Керамика, найденная в слое, в большинстве своем принадлежит эпохе бронзы. Это сосуды баночной формы с плоским венчиком, длинной шейкой, иногда с ребром на тулове и плоским дном. Сосуды орнаментированы рядами глубоких желобков, перемежающихся рядами подтреугольных вдавлений. Такая керамика встречается на памятниках Андреевского озера, известна она и в верховьях Исети. Исследователи относят ее к коптяковской. Возможно, это один из локальных вариантов этой культуры. В раскопе, заложенном на нижней площадке еще в 1998-м году, вместе с коптяковской керамикой найдены кусочки лимонита — минерала, который древние пережигали на кострах, чтобы получить бурый порошок — охру, использовавшуюся в различных обрядах, в том числе и в погребальных.

Доказательством того, что уже в эпоху бронзы мыс использовался для захоронений, служат находки в погребении № 4 (1991 г.). Само погребение находится на верхней площадке мыса. Позже, в эпоху раннего железного века, на этом месте было построено городище, и внешние признаки захоронения были уничтожены.

Но на глубине 110-115 см от поверхности земли в раскопе выделилось прямоугольное могильное пятно светлосерой супеси, в котором были обнаружены остатки зубов (эмаль), и в верхнем левом углу (изголовье?) — аккуратно разбитый на две половины сосуд черкаскульской культуры (вторая половина II тыс. до н. э.). Это был горшочек с маленьким плоским дном, слегка кривобокий, орнаментированный глубокими желобками, рядами подтреугольных вдавлений и двойным зигзагом.

Само городище было построено и использовалось как оборонительное сооружение. Мощность культурного слоя в центре не превышает 50 см, количество находок, относящихся к раннему железному веку (времени существования городища), очень мало и невыразительно. Это всего несколько фрагментов керамики гороховской культуры с резным орнаментом на прямой короткой шейке, бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы, фрагмент глиняного пряслица.

Возможно, к этому времени относятся и кости животных: крупного рогатого скота, лошади, бобра (по определению палеозоолога П. А. Косинцева). Городище было ок-

Археологический раскоп.

ружено земляным валом высотой до 1-5 метров и глубиной до 1,5 метров.

Прошло время... Территория городища заросла травой, вал оплыл, наполовину засыпав ров и сгладив поверхность мыса. Никто не знает, куда ушли люди, жившие здесь 3,5 тысячи лет назад.

Приблизительно в XIV-XVII веках мыс стал обитаемым в третий раз. Теперь он окончательно превратился в могильник, расположенный на верхней площадке территории городища и за его пределами. Раскопками в 1990-91 и 98 годах было вскрыто 14 поздних погребений, 9 из них были безынвентарными.

Судя по беспорядочно расположенным погребениям, различным обрядам захоронения, «кладбище» существовало достаточно долго и принадлежало не одной группе населения.

Найдены: погребение на выровненной древней поверхности, в неглубокой могильной яме, в деревянной раме, в деревянном ящике без крышки, в положении на спине с вытянутыми вдоль тела руками, в положении на боку с подогнутыми ногами — вот неполный перечень особенностей этого могильника.

Среди раскопанных погребений семь принадлежат детям (по определению антрополога Д. И. Ражева). Из них — два младенца в возрасте 1 и 1,5 года, двое шестилетних детей, один — девятилетний (возможно, мальчик), и одно погребение принадлежит подростку 12-14 лет.

Самое «богатое» детское погребение — подростка 12-14 лет (погребение №3). Школьники, работавшие на раскопе, окрестили его «погребением невесты». «Невеста» лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Голову ее украшали парные медные височные кольца и бусины-под-

В лагере археологов.

вески вытянутой формы из синего стекла, крепившиеся на медной проволоке. На ключицах были найдены два бубенчика из оловянистой бронзы. Одетая «невеста» могла быть в меховую одежду, расшитую на груди нитками мелких бусин белого, синего и голубого цветов, цельнолитыми бубенчиками из оловянистой бронзы и семью медными монетовидами (жетонами). Под монетовидами сохранились кусочки кожи с шерстью от одежды. К некоторым монетовидам снизу прикреплялись хвостики из красной шерсти с нанизанными на них бусинками по 5-7 штук. Дата погребения была установлена по сохранившейся надписи на одном из монетовидов, сделанных по образцу французской монеты начала XVIII века, — следовательно, захоронение не

могло состояться ранее середины XVIII века.

Часть погребений была совершена по обряду кремации. Так, в одно из них (погребение №7) остатки кальцинированных (сгоревших) костей были помещены вместе с бляшками из оловянистой бронзы, белыми и голубыми бусинами в неглубокую прямоугольную могильную яму.

Недалеко от «невесты» находилось погребение женщины приблизительно 40-45 лет (погребение №2). Оно было совершено на дневную поверхность, умершая лежала на спине, руки сложены в области таза, голени перекрещены. Слева у височной кости была найдена серьга из медной проволоки со вставкой из азурита, в завале над погребением — перстень со вставкой из синего стекла.

Предварительные исследования вещевого и антропологического материала могильника Подчеган, а также способов захоронения умерших, дают возможность предположить, что здесь обитали племена, имеющие смешанные черты угорского и тюркского типа. Как известно, начиная с XIX века с юго-востока на

территорию современной Свердловской области проникают племена так называемых «пашенных татар», которые в процессе бытования смешивались с местным угорским населением. Примером такого смешения служит могильник Подчеган. Примечательно и то, что недалеко от археологического памятника и теперь существует татарская деревня Юрты, жители которой считают, что на Подчегане захоронены их предки. Жители села Ницинское о предках не говорят, но народные гулянья на Троицу и 1 мая проводят на этом же мысу. Это значит, что традиции посещения места упокоения пращуров сохраняются, хотя и в усеченном виде. Никто не помнит, зачем нужно посещать это место, но то, что это делать необходимо, знают все.

Фотографии В. Семавина.

 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
телеграмма

ЕКАТЕРИНБУРГ УЛ ДЕКАБРИСТОВ ДОМ 67
КОМУ: РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ДНЕМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА ЭТО ДЕНЬ СЛАВЫ НАШИХ ВОИНОВ РУССКОГО ОРУЖИЯ ДЕНЬ ГОРДОСТИ ЗА НАШИ БОЕВЫЕ ЗНАМЕНА ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ ЖЕЛАЮ ВСЕМ НАМ МИРНОГО НЕБА БОГАТЫРСКОГО ЗДОРОВЬЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ В СЕМЬЕ И УДАЧИ В ДЕЛАХ С УВАЖЕНИЕМ

=ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ С Н ГВОЗДЕВА

Михаил ПЕТРОВ, г. Екатеринбург

Судно на Серге

Нижнесергинский металлургический завод, пущенный Никитой Демидовым в 1744 году, был куплен у последующих владельцев — наследников Губина — товариществом Сергинско-Уфалейских горных заводов в 1881 году. Новые предприниматели взялись за дело энергично, внося в устаревшее производство современные достижения науки и техники, а также не гнушались старинной, если эта старина помогала вывести завод из глубокого кризиса. Так, они решили удешевить метод доставки грузов к Михайловской пристани, применив простейшие речные суда — барки.

Об этой их затее поведала газета «Екатеринбургская неделя» за 1882 год. Вот как описывал событие местный корреспондент: «Сегодня, 26 апреля, Нижне-Сергинский завод был свидетелем следующего знаменательного, в своем роде, события. Предприимчивое управление новых владельцев Сергинско-Уфалейских заводов надумало сделать опыт: каменистую заводскую реку Сергу на протяжении ее от Нижне-Сергинска до Михайловска обратить в судоходную. Для этого оно выстроило здесь небольшую полубарку, нагрузило ее 1000 пудов железа и отправило в Михайловск.

Так как Нижне-Сергинск ранее сего еще не был знаком с подобными отправками, то торжество этой отправки было неопишанное: тысячи местных жителей в праздничных нарядах, как бы нарочно оповещенные, с самого почти утра толпились на берегу реки около случайной пристани. Вскоре на противоположном берегу пестрела уже и вся заводская знать. На обоих берегах и на полубарке развевались разноцветные флаги.

Погода как раз стояла благоприятная: благодатный весенний день царил во всей своей красоте. За полчаса перед отвалом был отслужен приличный случаю молебен и оное мизерное судно окроплено водой. После молебна, по обычаю, священники вкупе со всеми представителями заводской администрации были приглашены к роскошному (конечно, по-заводски) завтраку, сервированному тут же на берегу. Первый тост был провозглашен за благополучное путе-

Река Серга. Фотография Е.В. Савенко.

шествие оногo судна, а в ответ на этот тост мирные нижне-сергинские горы и долины огласились салютом из двух пушек, для того бывших на берегу, и, наконец, после известных условных выпалов герой торжества тронулся в свой недалекий, но опасный путь. Восторг толпы был выше всяких пределов. Оба берега реки волновались живыми, пестрыми массами и восторженные, радостные крики далеко оглашали окрестности.

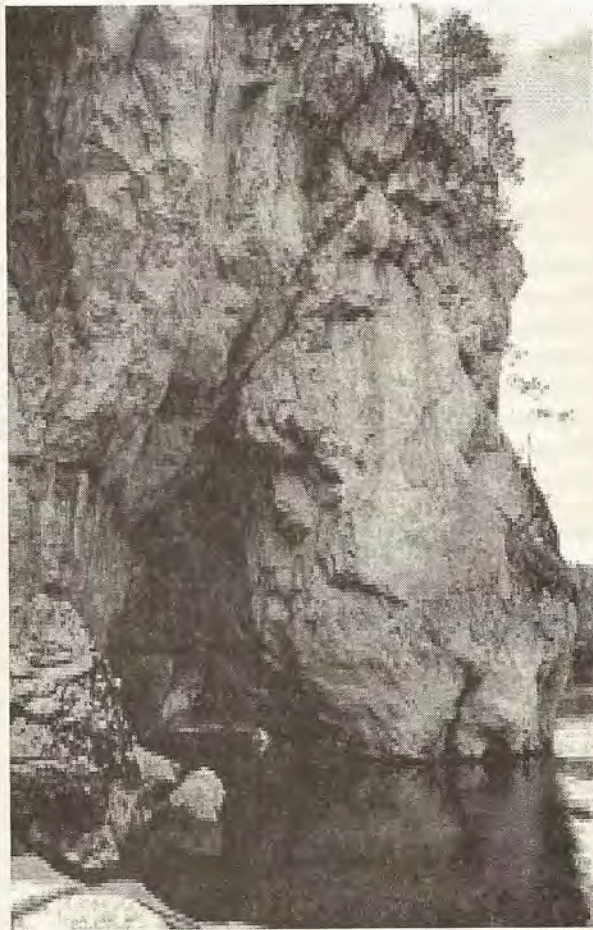
Вся заводская знать поехала за судном по берегу, провожая его до соседних минеральных вод стройною кавалькадою. До минеральных вод судно дошло благополучно и бросило якорь — ночевать. Тут провожавшие разделились на кружки и, каждый по-своему, приветствовали благополучный опыт. Конечно, не обошлось без обильных возлияний и пошленьких скандалов. Но, как бы то ни было, сегодняшнее торжество все-таки надолго останется памятным в прозаических летописях Нижне-Сергинского завода.

Желаю и я счастья новому предприятию, потому именно желаю, что счастливый исход его удешевит заводам железо, а это вызовет увеличение их производительности. Но сквозь удешевление железа и предполагаемого увеличения производительности не могу

не увидеть печального, безвыходного положения той крестьянской среды, которая (а среда эта составляет, если не ошибусь, почти 1/2 всего заводского населения), благодаря конкуренции нового предприятия, останется совсем без дела и без хлеба по справедливой крестьянской пословице «Дело из рук — и хлеб из губ».

Известно, что большинство Нижнесергинского населения единственно только тем и существовало, что получало заработок от перевозки в Михайловск железа, теперь же в случае удачи пробного сплава, заводоуправление намерено все железо, и не только из Нижне-Сергинского, но и из соседних Атигского и Верхне-Сергинского заводов сплавлять туда на полубарках водою. Спрашивается, где найдут работу тысячи свободных рук да вдобавок с лошадьми? Да, незавидная, очень незавидная участь ждет Сергинских «железников», как их здесь у нас называют. Впрочем, новые владельцы предполагают увеличить в за-

Река Серга.

Еще один вид Серги.

водах производительность настолько, чтобы все свободные рабочие были привлечены к делу. Это было бы хорошо, скажу более, это могло бы значительно поднять расстроенное благосостояние нашего бедного люда. Жаль только, что от предположения до самого осуществления — ой, ой, как далеко!

Н. Борисов»

В последующих номерах газеты о результатах опыта с полубаркой не сообщалось. Надо полагать, полубарка где-то села на мель и разбилась, так как река быстроходна, извилиста и порожиста. Видимо, предприниматели, как обычно все русские, понадеялись на «авось», не пройдя все 60 километров по реке хотя бы на лодке.

«Железники», как боялся корреспондент, не остались без работы. По рассказам моих родителей, железо из Нижних Серег в Михайловск возили на лошадях вплоть до 1914 года, то есть до прокладки в этих местах железной дороги.

Владимир ТРУСОВ, г. Первоуральск

После набега

На железнодорожной ветке Екатеринбург-Кунгур-Пермь есть станция Коуровка. Откуда произошел этот топоним?

В 1651 году Афанасием Гилевым и Фролом Араповым основана Чусовская слобода. В Московском архиве древних актов хранится перепись 26 дворов новой слободы 1659 года. В самой слободе записан двор, в котором живет оброчный крестьянин Ивашко Пиминов сын Коуров. А вверх по реке Чусовой в деревне Крылосовой — двор оброчного крестьянина Ярофейко Пиминова сына Коурова.

В 1662 году Чусовская слобода подверглась нападению башкир, поддержанному частью ясачных вогулов и татар. В том же архиве сохранился список крестьян, пострадавших от набега, с перечислением понесенных каждой семьей потерь — как в людях, так и в имуществе. После дворов попа Кирилы Федорова и церковного дьячка Олешки Маркова показано семейство Коуровых.

«У крестьянина у Пиминка Коурова з детьми и с Ывашком да сь Ярком убили брата болшого Ивашка з дочерю. У него ж Ивашка отгонено 2 лошади да жеребенок да рогатого скота 14 скотин. Да в онбаре созжено сухого хлеба 10 чети ржи да нежатово хлеба згнило 2 десятины ржи, десятина овса и ячмени. Да у Пиминка Коурова з детьми 3 двора созжено да скота отогнано 6 лошадей, да рогатого 30 скотин, 60 овец. Да нежатово хлеба згнило 4 десятины ржи, 4 десятины овса и ячмени и всякие крестьянские посуды и бошонину 200 рублей».

На основании этих документов можно считать, что семья Коуровых была первопоселенцами Чусовской слободы. По переписи 1659 года дворы записаны на сыновьях Ивашке и Ярофейке, а перечисление понесенных потерь после набега 1662 года приводится по главе семейства Пиминку Коурову.

В двух верстах на запад от Чусовской слободы находится лог, в котором у Коуровых были сенокосные угодья, и поэтому то место стали называть Коуров лог. Железная дорога, которую строили в 1909 году, прошла как раз через этот лог, и станцию назвали Коуровка.

Можно объяснить и название местожительства Ярофейки Коурова — деревни Крылосовой. Сохранилась челобитная крестьян Чусовской слободы от

«Башкирцы». Гравюра В.В. Мельникова по рисунку Е. Корнеева. 1809.

февраля 1654 года. Своего приказчика, сына боярского, они упрекали в том, что он крестьян «не дозирует», об их нуждах властям не докладывает, расправы и суда не чинит. А потому крестьяне решили, что «кормить... приказчика невозможно».

Об этом же пишет в «Пермской летописи» Василий Шишонко, но вместо Тыркова называет приказчика Нефедьева: «...стал утеснять тех слободчиков, заставляя их то строить для него дома, то сено косить, то дрова рубить и возить, а о том, чтобы заботиться прибирать вновь прибывших, он не думал и не заботился, да и крестьяне, видя его утеснения, ту новую слободу стали обегать». Они начали занимать места и ставить дома там, где впадает в Чусовую речка Черемшанка. И поныне деревня возле железнодорожной станции Бойцы называется Крылосова. Среди ее первопоселенцев документы называют Офонку Онтонова сына Кылусова, Микофорку Фомина сына Кылусова, Устинку Нестерова сына Кылусова, Мишку Тимофеева сына Кылусова и Сидорку Леонтьева сына Кылусова.

По этим старым спискам Чусовской слободы узнаем также основателей деревень Каменки на Чусовой и Гробово Поле.

«Двор. А на нем живет оброчный крестьянин Фомка Микитин сын Кузнецов» (1659 г.). «У Фомки Микитина двор создан. А во дворе создано хлеба изгибло 2 десятины ржи, 2 десятины овса и ячмени. Да посуды всякие и борошню на 15 рублей» (1662 г.). После пожара Фомка Кузнецов поселился рядом, на речке Каменке. По переписи Льва Поскочина в 1680 году Фомка Кузнецов проживал в деревне Фоминой над Каменкою (сейчас деревня Каменка Первоуральского района).

«Двор. А в нем живет оброчный крестьянин Трофимко Андреев сын Гробов» (1659 г.). «У Трошка Гробова отогнано 2 кобылы да жеребец. Да нежатога хлеба изгибло пол-2 десятины овса и ячмени» (1662 г.). После разорительного набега Трофим Гробов переселился на речку Утку на новое место, через которое много лет спустя прошел Сибирский тракт (сейчас там поселок Первомайский Нижне-Сергинского района).

Станция Коуровка. Фото Владимира Трусова

Вниманию библиотек-подписчиков!

«Не дать свече погаснуть»

В рамках этой программы редакция журнала и Содружество павленковских библиотек при активной поддержке Министерства культуры Свердловской области возобновляет издательскую программу «Павленковская библиотека».

Ее суть заключается в том, что библиотеки, подписавшиеся на журнал «Уральский следопыт», вместе с очередными номерами журнала будут получать и по экземпляру всех детских книжек, которые журнал и Содружество будут издавать специально для библиотек-подписчиков, чтобы помочь им в пополнении фондов детской литературы.

Первой книжкой, которую планируется издать приложением к журналу, будет эскимосская сказка «Великие приключения маленькой мышки» (для дошкольного возраста). Маленькие читатели впервые познакомятся с этой сказкой, которая печаталась только в малотиражном фольклорном сборнике.

Издание книжек приложениями к «Следопыту» возможно только с увеличением тиража журнала. поэтому приглашаем библиотеки Уральского региона подписываться на журнал и тем самым прокладывать к библиотекам дорожку новым книгам.

Редакция обращается ко всем библиотекам-подписчикам: известите редакцию о том, что вы оформили подписку на наш журнал и сообщите почтовый адрес вашей библиотеки. Если подписка оформлена через почтовую службу, то книги вы будете получать отдельными бандеролями.

Редакция журнала «Уральский следопыт»

Георгий ПАВЛОВ

Оболенский в моей судьбе, или Почем в России пуд таланта

*Однажды спросил свою я Судьбину:
«За что так безжалостно тычешь мне в спину?»
Она отвечала с усмешкою злою:
«Тебя погоняет твое же — Былое».*

Рабиндранат Тагор

Чем больше времени уходит с момента расставания с Леонидом Леонидовичем Оболенским, тем я все больше убеждаюсь в том, что наши судьбы схожи, несмотря на разницу возрастов. Мы познакомились, когда ему было за 70 лет, а мне — за 30. Разница еще в том, что его судьба начала бить после 30 лет и била до конца жизни, а меня — с рождения. Он, как человек воспитанный в духе православия, относился к этому по-христиански, не ропща и воспринимая свою жизнь такой, какая она есть. У него не было нужды доказывать, что он не верблюд, всем все было ясно. Мне же судьба со дня рождения не устает жестоко напештывать: «Сидишь в дерьме, так не чирикай». И я обижаюсь, причем с годами все больше, потому что все мое нутро протестует воспринимать свою жизнь такой, какая она есть. Получается, что я практически не жил, а только собирался жить: «Вот только выберусь из грязи...».

Стартовав в разное время в разном месте, векторы, указывающие направления наших устремлений, оказались направленными друг к другу. В определенное время, в определенном месте они должны были пересечься, и они пересеклись.

Но сначала немного расскажу о той моей жизни, что предшествовала нашей встрече.

Мои наставники

Моя бабушка Евдокия Степановна Долгорукова (Козина) была сиротой и воспитывалась, как она говорила, у тетеньки Катерины. Хозяин ее был углежогом, занимаясь добычей древесного угля для Верх-Нейвинской домны. (Добыча происходила в местечке Пальники за перевалом Уральского хребта, т. е. уже в Европе). Его подолгу не бывало дома, навещивался только на праздники. Это не облегчало участи двух женщин. Всякий праздник в окрестных поселках — Таватуй, Верх-Нейвинск, Верхний Тагил, Нейво-Рудянка, Шураля, Невьянск — превращался в затяжное пиршество.

Бабушка Дуся вспоминала, как ее «тятенька» (так она

Георгий Павлов (портрет с фотографии 1970 г.)

называла своего хозяина) любил спорить и по любому поводу биться об заклад. В основном это касалось лошадей. При возвращении с пьяной компанией с Невьянской ярмарки, он мог, загоня лошадей «в мыло», поспорить, что, как только он свернет в свою улицу и крикнет: «Ээ-х!», ворота его дома моментально распахнутся. Когда он вернется, было известно только Богу, и двум женщинам приходилось трепетать, пребывая в ждущем режиме, сутками. Ворота, как правило, распахивались вовремя. Если ему приходилось проигрывать пари, то весь гнев обрушивался опять на этих женщин, а то и на все, что попадало под горячую руку. Однажды ему чем-то не угодил его жеребец, так он, схватив его за уши, стал их кусать. Тем не менее, все воспоминания о тяжелом прошлом бабушки Дуси были добрыми. Она, воспитанная в духе православия, боясь «прогневить Бога», тоже воспринимала жизнь такой, какая она есть.

В то время у всех жителей поймы реки Нейвы (от Верх-Нейвинска до Невьянска), кроме основного непосильного труда, было еще более непосильное хобби — добыча золота. Мне тоже пришлось на себе испытать это досужее занятие. В каждом доме имелись запасы ртути, необходимые

для отделения золота от сопутствующих ему шламов. Все дети играли этой ртутью. Катали ртутные шарики по всей избе, а так как собрать ее обратно не хватало смекалки, то она так и оставалась между половицами. Если бы эта ртуть не имела свойства испаряться, то за 250-300 лет ее бы накопилось многие тонны. Детям не разрешали баловаться ею, но не потому, что ее пары вредны для здоровья (об этом даже не подозревали), а потому, что она необходима для важного дела. Я уверен, что ее глотал не один ребенок. Мне кажется, я сам в возрасте 2-3 лет едва ли мог удержаться, хотя бы не лизнуть ее, ведь она такая аппетитная для ребенка. Отец, застав однажды нас с братом за таким занятием, был возмущен тем, что мы разлили какие-то несчастные грамм сто. Мы были так еще малы, что он наказывать нас не стал, но предупредил, что ртуть ни в коем случае нельзя брать в рот и закапывать в уши. Если же мы это сделаем, то станем такими же, как Петя Таватуйский. Этот нищий был страшно уродлив. Было ли так на самом деле или было только нашим первым впечатлением (что вероятнее всего), но пережитый ужас не позволял нам взглянуть на него вторично. Чтобы его не видеть, мы прятались под кровати, а у меня надолго пропадал аппетит.

Будучи уже школьником, я был свидетелем того, как многие ученики натирали ртутью медные пятаки. Эта медь, таким образом превращенная в «серебро», была постоянно в их карманах и дома, и в школе. Я всегда с благодарностью вспоминаю Мишу Таватуйского, ведь я на эту ртуть долго не мог смотреть без содрогания. Больше мне в жизни не приходилось видеть людей столь тяжело пострадавших от ртути. Да, очень был удачный педагогический прием моего отца!

К любительской добыче золота привлекались все, даже дети. Придя домой после работы, перекусив, брали старательский инвентарь и отправлялись заниматься своим досугом делом до захода солнца. У большинства жителей золотоносной поймы было еще и свое хозяйство, состоящее из коров, лошадей, коз, овец, покосов, огородов и т. п. На сон оставалось не более 4-5 часов. Браконьерской рыбалкой никто не занимался. На это безделье времени не было. Рыбная ловля была семейным подрядом. Каждый водоем был поделен между теми семьями, которые жили на берегу водоема. Рыба всегда использовалась только живой. Все знали, что пирог должен быть только из щуки, которая водится в садках Федора Семкина, а уха — из ершей и окуней Тимофея Жигалова.

Душой и телом отдыхали только по религиозным праздникам. Алкоголиком в те годы считался уже тот, кто позволял себе выпить даже в неурочное время, включая воскресенье. Против таких людей настраивалось все общественное мнение, и эти горе-выпивохы, подвергаясь всеобщему презрению, ощущали себя всеми отверженными. На них показывали пальцем (особенно дети), и при встрече они, как шелудивые псы, опускали глаза долу. Зато в рели-

Кустарная добыча золота.

гиозные праздники, особенно престольные, все переворачивалось с ног на голову: никто никого не осуждал, даже за братоубийство. Беспросветная добровольная каторга требовала отдушины и непременно положительного, пусть даже формального, ответа на вопрос: «Ты меня уважаешь?»

Было золото и в нашем доме. Отрядным украшением нашего жилища была съемная, ажурная полочка для полотенец, с акварельным рисунком под стеклом. Этот рисунок мне очень нравился. Излучина реки, напоминающая нашу речку Нейву, с плакучими ивами на фоне красивейшего заката, который можно передать только акварелью. На полочке стояла красивая, с «золотой» кисточкой коробочка из-под духов, в которой находился маленький пакетик под вид аптечных порошков. В этом пакетике, с надписью «5 спичек», хранились крупинцы золотого песка (не менее сотни мельчайших песчинок). Почему оно было не востребовано, при нашей-то голодухе, и пролежало всю войну в этой коробочке, для меня оставалось тайной. Мы с братьями очень часто доставали этот пакетик, но не столько из-за золота, сколько из-за коробочки, которую мы, наперебой нюхали и блаженствовали от ее стойкого, неопишимо приятного запаха. Куда исчез этот пакетик с золотом, я не помню, видимо, мы его постепенно рассыпали. Это место в нашем доме служило оазисом в знойной пустыне. До сих пор при любом упоминании о золоте у меня возникают ассоциации, связанные не с его каторжной добычей, а с пейзажем плакучих ив у излучины реки на

фоне багряного заката и ароматом великолепных благоуханий.

Все эти золотари-любители назывались «хитниками», которых никто никогда не преследовал, и ясно почему. Ведь чтобы добыть даже столько золота, сколько находилось в нашем невостреванном пакетике, нужно было перебрать тонны серо-черной породы, одна лопата которой весила не менее двух пудов. От этого трудового безумия могли нажиться только скупщики, принимая золото нелегально, а потому по дешевке.

Бабушка Дуся была подключена и к этому традиционно-семейному хобби. Перед непогодой, когда все ее кости «кобенило», она вспоминала тяжелые годы молодости и приговаривала: «Ох, ноженьки, ох, рученьки, ох, вы мои милые, сколько гор песка и глины вами перелопачено в сырости? Только Бог один знает!». Когда я в школе впервые услышал выражение классика: «От работы не будешь богатым, а будешь горбатым», то понял, что это списано с наших «любителей активного отдыха».

В 1911 году родилась моя мама, но спустя восемь месяцев она осиротела. Отец ее (мой дед) погиб «в дружеской попойке» по случаю какого-то очередного религиозного праздника. Бабушка Дуся осталась с тремя малолетними детьми. Если учесть то, что вскоре началась непрерывная череда смут, войн, голодовок, то было «не до жиру, а быть бы живу». О каком образовании детей могла идти речь? Воспоминания о моем деду у нее были достаточно хорошими: простой, веселый, работающий, любящий ее и детей. Он, лежа в больнице, старался бодриться и постоянно успокаивал: «Не переживай, Дуняша, я скоро отлежусь». Но ему становилось все хуже и хуже. Потом попросил привести к нему детей, попрощался и умер. Похоронили его на Верх-Нейвинском кладбище, расположенном возле бело-голубой церкви с золотыми маковками и крестами (и тут золото).

Церковь и кладбище, в виду рощи могучих сосен, стояли на склоне горы Киндарейки и великолепно смотрелись со стороны железнодорожной ветки Свердловск — Нижний Тагил на участке от Мурзинки до Нейво-Рудянки. Еще большую красоту можно увидеть, если подняться до

Бабушка Дуся. 1957 г.

самой церкви. С этого места открывается великолепная панорама главного Уральского хребта. Она вмещает железнодорожные станции от Таватуя до Нейво-Рудянки, озеро Таватуй, два Верхнейвинских пруда и Нейворудянский пруд. Именно здесь проходит 60-й меридиан восточной долготы и именно здесь местное время отличается от Гринвичского на + 4 часа, 00 минут, (00 секунд. Даже побывав в последствии на Тянь-Шане, Памире, Кавказе, Сихотэ-Алине, прожив, в течение года на высоте четырех тысяч метров на высокогорной космической станции и снова очутившись на склоне горы Киндарейки, я смог убедиться в том, что Урал, оказывается, это тоже горы.

Бабушка Дуся была очень хорошей рассказчицей и делала это легко и непринужденно. Теребила ли она шерсть, пряла ли, или даже вязала, когда, помимо прочего, приходилось считать петли, она неизменно рассказывала. При этом ее речь была усыпана прибаутками, пословицами, поговорками, и все было к месту, органично, непринужденно и ничуть не мешало ее рукоделью. Ей никогда не приходилось ничего заучивать, поэтому область памяти была чистой, и черпать из нее было нечего. Из-за этого ее операционный блок памяти обладал такой скоростью обработки информации, что она, прежде чем включить язык или проделать какую-то операцию пальцами, успевала тщательно все обдумать. Поэтому ее речь шла не от ума, а от сердца и была гладкой и благозвучной. Память, не засоренная, лишенная шаблонов и чужих цитат, позволила ей самостоятельно выучиться читать и писать по-«церковному», а

Бабушка Дарья. 1951 г.

Верх-Нейвиснк 1960 г.

главное, ничего не сочиняя, быть великолепной рассказчицей.

Бабушка со стороны моего отца — Дарья Денисьева Коровина — не имела такого дара рассказчицы, какой был у бабушки Дуси. Хотя и она была воспитана в духе православия, но не умела воспринимать жизнь такой, какая она есть. Многие не могут побороть в себе такой грех, как справедливый гнев, карающий не за нарушение собственных прав, а за нарушение собственных понятий. Так и бабушка Дарья, считая свои наставления истиной в первой инстанции, требовала от всех строгого соблюдения обычаев и правил домостроя, не замечая того, что сама этой строгостью их и нарушает.

Это было причиной ее постоянных ссор с окружающими. Особенно доставалось детям, которые никогда не обижались на нее, а наоборот, специально досаждали ей, чтобы послушать, как великолепно она ругается. «Ироды рода человеческого, анафемы, трижды проклятые, супостаты, басурмане», и т. д. и т. п. — вот далеко не полный перечень ее ругательного лексикона, который существенно превышал лексикон Элочки Щукиной. В отличие от бабушки Дуси, из-за своей неграмотности она по утрам перед иконами не стояла и молитв не читала. Зато в ее доме стоял (не по габаритам избы) великолепный иконостас. С детства мои глаза радовал свет большой лампы из синего стекла, которая была подвешена тремя цепочками к довольно низкому потолку.

О моем деде бабушка Дарья никогда не рассказывала.

Видимо, не хотела ворошить неприятные воспоминания, связанные с его крутым нравом. К времени моего рождения и этого деда уже не было в живых. Он был заколот в 1919 году «белыми». «Белыми» оказались два соседских брата. Это произошло на глазах моего восьмилетнего родителя в поселке Нейво-Рудянка в Светлое Христово Воскресение — Пасху. Я уже рассказывал, что все подобного рода праздники оканчивались (независимо от правящего режима) драками со смертельными исходами, и это считалось нормой. Особой драчливостью отличались «зобуны». Так звали жителей Верхнего Тагила. Их престольным праздником был Ильин день — конец сенокосной страды, после которой они, как теперь говорят, «оттягивались по полной форме».

Отец не любил рассказывать о своем сиротском существовании. На вопрос сколько классов им пройдено, он всегда отшучивался, отвечая, что коридор точно проходил, а вот классы — не помнит. Кой-какие подробности о его «темном» детстве все-таки позднее прояснились. В 1962 году весь мир узнал об атомной подводной лодке, прошедшей подо льдами Северного Ледовитого океана под командованием адмирала Александра Ивановича Петелина.

Отец ликовал: «Это мой друг детства! Мы вместе с ним беспризорничали». Я в то время был уже студентом УПИ и усомнился, как тот Фома: «Можно ли из Назарета ждать чего-то доброго?». Но друзья отца после того, как сами убедились в том, что это тот самый Щурка Петелин, с ко-

Вид со стороны Нейво-Рудянки на Уральский хребет

торым они в 8-10-летнем возрасте, в поисках куска хлеба объездили всю Россию, вплоть до Средней Азии и Закавказья, рассеяли мои сомнения.

Если отца соответствующие органы вернули в родительский дом, то будущего героя Советского Союза Александра Петелина приютил Шуралинский детдом, который и дал ему путевку в жизнь.

Бабушка Дарья, разумеется, для моего отца этого сделать не могла. Ему же, как ни кощунственно это звучит, не повезло в том, что он оказался не круглым сиротой, а вот родители будущего адмирала за время его скитаний в поисках куска хлеба умерли в один день от голода. Они были типичными «хитниками»: «Золото добываем, а с голоду подыхаем». Стремление в один миг вылезти «из грязи в князи», как и следовало ожидать, привело к своему логическому концу.

За время войны мы так привыкли к постоянному голоду, что порой его и не замечали. Нам не с чем было сравнивать, так как мы никогда сытно не жили. Наш кормилец был взят на фронт не с государственного предприятия, а из старательской артели, поэтому мы не получали никаких пособий. За них, видимо, надо было хлопотать, но мама это делать не умела. Не раз меня возвращали «с того света», выводя из очередного голодного обморока пичканьем в безжизненный рот моченых корок хлеба.

Первого сентября 1950 года вместо восьмого класса мне пришлось идти на завод, взвалив на себя функции главного кормильца семьи. Отец в это время отбывал срок в ГУЛАГЕ. Работал я укупорщиком бочек с канифолью, но это не беда, а беда в том, что мне не было еще пятнадцати

лет, и принят я как бы нелегально. Такой безотцовщины, как я, в цехе было много. Нас и использовали в качестве бессловесных роботов и «затыкали пробойны нашими телами». Более несправедливой и бессовестной эксплуатации детского труда мне не приходилось видеть, причем делали это люди, хорошо знавшие нашу семью, будучи родственниками. Ко времени моего призыва в армию я, вероятно, разгрузил не один эшелон с углем и с медным колчеданом, причем делал это, как правило, в неурочное время и безо всякой доплаты. До армии мне пришлось поработать на двух заводах, и более тяжелого периода в моей жизни больше, слава Богу, не было.

Сейчас я удивляюсь, что вся молодежь «косит от армии». Для

меня армия в 1954 году явилась спасением. Я, наверное, впервые наелся досыта и стал питаться регулярно. Служить пришлось на Сахалине радистом, причем на боевом посту связи, с которого велось круглосуточное наблюдение над воздушным пространством Японии, поэтому большей части муштры и шагистики мне пришлось избежать. То есть условия проживания у меня сделались «не только сносными, но и приятными».

Неожиданно, как гром с ясного неба, я попал под сокращение вооруженных сил. Под ликвидацию попало все отделение связи, которым я уже командовал. В армию я пошел из 8-го класса вечерней школы. Я так старался учиться, что 7-й класс закончил чуть не с отличием. Из 10-ти экзаменов у меня было семь пятерок, и это при том, что я был костью в горле, как сын врага народа. Такое было желание порвать с той каторжной жизнью, в которой я очутился почти со дня моего рождения, что я старался из последних сил.

И вдруг — неожиданная демобилизация. Что делать? Дома меня ждала беспощадная борьба уж не за место под солнцем, а за кусок хлеба. Пришлось советоваться с командиром роты, служившим в армии с начала Отечественной войны. Он посоветовал мне вернуться в родительский дом, устроиться на работу и продолжать обучение в вечерней школе, а по окончании ее поступить на радиотехнический факультет.

Я внял его наставлениям.

(Окончание следует)

Татьяна КРАФТ

Гармония со Зверем

Корр: *Какие качества в людях ценят звери?*

Ю. Ф.: Спокойствие, уверенность, трудолюбие. И, конечно же, доброту.

Корр: *А какие качества нужны зверю для того, чтобы стать цирковым?*

Ю. Ф.: Опять же трудолюбие. А еще — желание идти на контакт со зверями других видов и игривость. Ведь любой трюк появляется только на основе игры. Во время игры зверей я смотрю, что они делают, что у них можно развить. Может быть, у животного хороший баланс, и оно сможет стоять, например, на проволоке. Может быть, есть задатки акробата, и тогда оно может научиться крутить сальто. Это делается так: зверь играет, а ты в ходе игры ловишь момент и, держа за голову и за попку, переворачиваешь. И тут же даешь ему лакомство. И у зверя закрепляется, что перевернуться через голову — это не страшно и к тому же приносит лакомство. И все другие трюки тренируешь так же — медленно, все время помогая зверю руками. Кто-то из моих артистов тратит на отработку номера несколько месяцев, кто-то — несколько лет. Способности разные.

Корр: *Они зависят от породы?*

Ю. Ф.: Нет. Это совсем индивидуально — как и у людей.

Корр: *А в ваших номерах заняты те звери, которые в природе враждуют?*

Ю. Ф.: Да. Обезьяны в природе нередко питаются попугаями, а на арене выступают вместе. Это вполне возможно, надо только очень много терпения. Работа начинается с молодыми: взрослые уже не могут переменить своих привычек.

Попугай и обезьяны месяцами сидят друг напротив друга так, что не могут дотянуться друг до друга или сбежать. Потихоньку привыкают, перестают видеть друг в друге как еду, так и врагов. Потом, смотришь: попугай

Юлия Филатова — шестая в знаменитой династии цирковых дрессировщиков Филатовых. Екатеринбургский государственный цирк носит имя ее деда — Валентина Филатова. Сама Юлия на арене с 7 лет, ее посвящение в артисты состоялось именно в этом возрасте, на арене Сочинского цирка. Там она выступала с собачкой — шпицем Маркизом.

Уже позднее, в 1981 году, началась ее взрослая профессиональная деятельность — с программой «Иллюзия с дрессированными животными», в которой выступали попугаи, питоны, собаки, шимпанзе и гиббон.

В Екатеринбурге гастролирует уже второй раз. Говорит, что выступать в цирке имени ее деда очень приятно...

Юлия Филатова, леопард Бутуз, Андрей Клыков.

начал кормить обезьяну. Ну, все — можно работать!

Корр: *А откуда вы берете молодых зверей?*

Ю. Ф.: Я считаю правильной позицию Гринписа и беру в номера либо третье поколение из зоопарков, либо зверей с физическими недостатками. И те, и те не могут выжить в природе. У одних уже многие навыки утрачены, другие

просто борьбы за существование не выдержат. Например, выложи перед нашими леопардами курицу — они ее, конечно, съедят. Но вот выследить ее же в природе, поймать — вряд ли будут в состоянии. Их этому никто не учил. Или Даша, медведица. К нам она полпала в Иркутске. Там в лесах бушевали страшные пожары. И вот в одном месте, когда огонь потушили, обнаружили в берлоге сгоревшую медведицу. Медвежата вышли, но один — Даша — получил сильный ожог сетчатки глаз. Даша слепая, она ничего не видит. Но на арене работать может и любит. Делает кульбиты по барьеру, лежит на спинке. Мы уже стали ей класть на лапы дощечку. Когда привыкнет к ней, еще обезьянку сверху посадим. Ведь ко всему зверя надо приучать медленно, чтобы не испугался. Ну, и еще подбираем выброшенных «наигравшимися» хозяевами собак, попугаев...

Корр: *А что бывает со зверями от испуга?*

Ю. Ф.: Сильный испуг, внезапное озлобление — это самое худшее, что может случиться со зверем-артистом. После этого все надо начинать с нуля: не только результаты дрессуры, но даже прирученность пропадают. Зверь снова совершенно дикий. Зверей надо беречь.

Корр: *Вы все время говорите о животных как о тех, кого вы обучаете. И ни разу не сказали об опасности зверей, с которыми вы работаете, а ведь вы и ваш муж, Андрей Клыков, работаете, в том числе, и с леопардами, и с медведями...*

Ю. Ф.: Опасным может быть кто угодно — даже вроде бы безобидный питон. Мы кладем его на барьер арены, даем детям его гладить... А точно такой же питон однажды прямо во время представления по локоть заглотил руку моего отца. Правда, отец тогда работал номер «Коррида». А игры с элементами агрессии на арене вредно влияют на всех: и на дрессировщиков, и на зверей. Можно перейти грань, и тогда сотрудничество в совместной игре кончится. Я же стою именно за сотрудничество, а не за запугивание и принуждение зверя. Мы, Филаговы, всегда были не укротителями, а дрессировщиками. Ощущаете разницу? Любых зверей — и хищников в том числе — мы воспитываем. Я частенько называю себя «заслуженным педагогом». И как-то не очень волнуюсь из-за клыков своих учеников.

Корр: *А как ваши звери ведут себя не на арене, а при контактах с другими людьми?*

На арене Екатеринбургского цирка - Юлия Филагова и ее пудели!

Ю. Ф.: Очень хорошо. Например, при съемках в кинофильмах. Совсем недавно обезьянка Иван играла в сериале «Улица разбитых фонарей», а конкретнее — в фильме «Портрет обезьянки». Попугай, питоны и другие звери играли в таких лентах, как: «Арго», «Потерялся слон», «Огни манежа» и других. Везде звери были на свободе, без поводков. Конечно, их надо было приучать к некоторым мелочам, следить за ними. Но все было хорошо.

Корр: *А что может выбить зверя из рабочей колеи?*

Ю. Ф.: Любое незнакомое ощущение: слуховое, зрительное, другое. Молодых артистов приходится приучать, например, к видеокамерам, снимающим цирковое представление: некоторые пугаются их мигающих красных глазков. Или еще случай. Мишка с удивительно спокойным характером, которого мы прозвали «золотым медведем», вдруг начал капризничать, нервничать на манеже, отказывался работать. В таких случаях надо не принуждать зверя, а понять, из-за чего же ему плохо, и убрать помеху. В том конкретном случае помехой оказался открепившийся и хлопающий угол плаката, висевшего над оркестром. Угол перестал хлопать, и с медведем все нормально. Звери не любят непривычное, оно их пугает. И предсказать, что и насколько сильно может его испугать, нельзя: зверь может выйти из-под управления из-за резко вставшего с места зрителя или из-за любого другого пустяка (пустяка с человеческой точки зрения).

Корр: *А звери понимают, плохо или хорошо они отработали представление?*

Ю. Ф.: Отлично понимают. И часто подстраиваются под человека. Ты идешь на арену в ударе, и звери все отлично отработают. Ты идешь разболтанно, думаешь: «Будь что будет», и звери тебя тотчас скопируют, начнут выступать кое-как. С ними нужна строгость. Например, наши леопарды отучили меня выступать в перьях и на высоких каблуках. А вообще-то звери воспринимают меня по-разному. Кто-то — как начальство, кто-то — просто как партнера по играм. И нельзя сказать, что какое-то восприятие лучше для работы. Если зверь захандрил еще до работы, то с ним надо поиграть, расшевелить его. Но если хандра серьезная, его настроение можно изменить только тогда, когда исчезнет причина. Например, доберман Аббат. Если он переволновался за заболевшего зверя и сторожил его, плохо спал, ему надо просто отдохнуть. Как ты ни танцуй в другом углу арены, его ничто не расшевелит.

Корр: *А что происходит с престарелыми зверями?*

Ю. Ф.: Не берусь говорить за других дрессировщиков, но мы с мужем либо сдаем их в те зоопарки, которым доверяем, либо возим их с собой. У нас есть 19-летний леопард Бутуз (в среднем они живут 15-20 лет) — он все еще на сцене. 29-летняя макака-резус Ника (средний срок их жизни — 25 лет), пони Девочка, 25 лет (обычно — 30 лет). Если даже зверь не может выступать, но мы видим, что без нас он умрет, мы его оставляем у себя. Девочка уже не может выступать, но она всегда стоит за кулисами, смотрит. Если ее туда не выводить, а держать в стойле, ей будет очень плохо...

Корр: *И последний вопрос: зачем вы все это делаете? В чем цель ваших представлений, кропотливой работы с ненормированным рабочим днем?*

Ю. Ф.: Сейчас вокруг людей мало красоты, мало гармонии, уверенности, взаимопонимания. Я хочу показать, что это возможно даже в отношениях таких, на первый взгляд, далеких друг от друга существ, как: человек, звери, птицы, рептилии... Любой зверь красив, во время номера звучит красивая музыка, костюмы подобраны к световому оформлению арены... Звери и люди могут понять друг друга. Не знаю, что в итоге выносят с моих представлений большинство зрителей, но, например, здесь, в Екатеринбурге, ко мне за кулисы недавно пришла женщина и сказала: «Знаете, после того, как мой сын погладил вашего питона, он внезапно перестал ненавидеть зверей, швыряться в них кирпичами. Просит купить ему какого-либо зверька. Спасибо Вам!»

P.S.: (Корр) *Вот так. Вроде бы несерьезное искусство, но... Невольно думаешь, что кое-кого из своих знако-*

Медведица Ляля.

мых людей стоило бы посадить друг напротив друга, чтобы они наконец-то увидели друг в друге не врагов, а тех, с кем можно сотрудничать... Цирк не читает моралей. Он просто показывает. А думать должен зритель. И если хоть один процент детей сами, без поучений взрослых, поймут, что звери — это здорово, то обретенное понимание останется с ними до конца жизни. А значит, работа дрессировщиков не напрасна. И не напрасна работа всех других сотрудников цирка, в данном случае, Екатеринбургского.

А более подробно об этом добром, по-настоящему культурном заведении, о тех удивительных людях, которые приезжают в нем выступать, об их целях, их профессиональных секретах мы продолжим рассказывать в следующих номерах нашего журнала.

До новых встреч под куполом цирка им. дрессировщика (или все-таки воспитателя?) Филатова!

Владимир ПУРОНЕН

Самые первые

Когда и где появились первые монеты?

Этот вопрос занимал еще древних. Многие авторы, к числу которых принадлежит и «отец истории» Геродот, вот уже на протяжении более двух тысяч лет утверждают: первые монеты выпущены в Лидии. Лидией когда-то называлось государство на западе Малой Азии, которое вело обширную торговлю со странами Востока и Средиземноморья. Так что появление, можно сказать, даже изобретение монет здесь не было случайным. Ведь развитие и совершенствование денежного обращения есть прямое следствие развития торговли.

Лидийские монеты чеканились из электрума — (иначе — электр или электрон), природного сплава золота и серебра — предположительно с начала седьмого века до н. э. по форме они отдаленно напоминали бобы и имели неглубокое клеймо с одной стороны. Лидия в то время была богата золотом и серебром. По мнению некоторых исследователей, именно золотосодержащие песчаные россыпи лидийских рек Пактола и Герма дали начало легенде о золотом руне.

Как бы то ни было, уже в середине седьмого века до н. э., при царе Гигесе, лидийские монеты были хорошо известны за пределами страны. За этими монетами закрепилось название «статеры», на них чеканилось изображение противостоящих друг другу льва и быка. (Лев — символ лидийской столицы, города Сарды). Известны статеры и с другими изображениями. Сегодня статеры Гигеса — величайшая редкость. Лидийскому же царю Крезу (6 в. до н. э.), о сказочных богатствах которого сложены легенды и имя которого стало нарицательным («Богат, как Крез!»), приписывают введение золотой и серебряной монеты — к этому моменту лидийцы научились разделять электрум.

Впрочем, существует предположение, что первые монеты — из чистого серебра! — отчеканены на острове Эгина. Они имели почти круглую форму и изображение черепахи на одной из сторон, отсюда прозвище этих монет — «черепахи».

Медная монета босфорского царя, вероятно, Рискунориса I, 14-42 гг. н.э.

Существуют и другие версии о месте первоначального появления монет... Но как бы то там ни было, чеканка монет из драгоценных металлов благоприятствовала торговле. И уже в 6 в. до н. э. многочисленные греческие государства и их колонии, разбросанные по берегам Средиземного и Черного морей от Испании до Египта и Крыма, в большом количестве выпускали собственные монеты, многие из которых внешне напоминали современные.

Можно сделать вывод, что монеты появились в

Монета-ключ и монета-мотыга (монетой-мотыгой называли круглые монеты). Китай, начало нашей эры.

Продолжение. Начало в № 1 за 2003 г.

результате длительного развития деловых отношений — от обмена природными товаро-деньгами через деньги-скот, деньги-орудия, а также большие слитки необработанного металла до удобных маленьких кусочков драгоценного металла. Если мы заглянем в словарь нумизмата, то узнаем, что «монета — слиток металла определенной формы, веса и достоинства, которое служит узаконенным средством обращения. Это обусловленная исторически и экономически форма металлических денег... в ходе исторического развития возникла и утвердилась как самая практичная форма — круглая монета с двусторонней чеканкой.

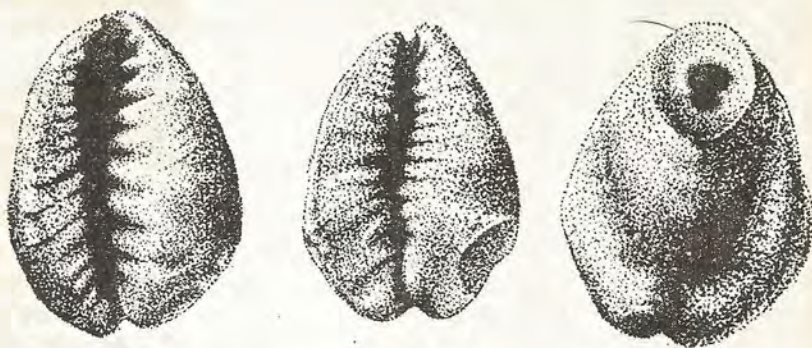
Преимуществом монетных денег по сравнению со слитковой формой денег являются: сбережение времени и металла, тратящихся при делении слитка, замена взвешивания счетом, установление типов монет в соответствии с номиналом при нормированном весе, нормированная проба, гарантированные государством проба и вес, большое удобство в обращении».

Разумеется, появившись, монеты начали вытеснять другие виды денег. Однако это происходило не так уж быстро, как может показаться. Ведь главное назначение денег вообще и монет в частности — обслуживать обмен, торговлю. Но там, где торговля раньше была развита слабо, особой нужды в чеканке монет не было.

Шли годы, десятилетия, века... со временем народы, населявшие даже самые отдаленные уголки земного шара, вольно или невольно втягивались в сферу таких хозяйственных отношений, когда обойтись без звонкой монеты было уже просто невозможно.

В наши дни монеты из драгоценных металлов в большинстве стран мира заменены или успешно заменяются бумажными деньгами, чеками, магнитными (кредитными) карточками, безналичными расчетами... (Правда, при некоторых видах торговых операций между разными странами иногда используются слитки золота).

Казалось бы, природные товаро-деньги и прочие предшественники монет канули в далекое прошлое, стали достоянием истории. Так-то оно так, да нет правила без исключений. А эти исключения достаточно любопытны и вполне заслуживают того, чтобы их назвали.

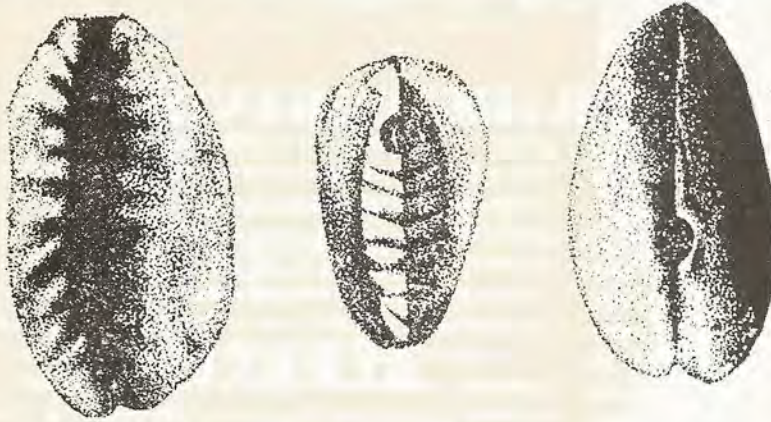
Раковины каури из клада, найденного под Псковом.

Исключения из правил

Еще в двадцатых годах нашего столетия в Монголии, Северном Китае и прилегающих районах Центральной Азии одним из видов денег был чай. Готовили эти чайные деньги так: листья чая мелко крошили, смешивали с бычьей кровью и водой, прессовали и сушили в брикетах примерно равной величины и веса. В Тибете, Непале и Северной Индии такие брикеты имели номинал в одну рупию. Между прочим, напиток из этих денег считался лекарством от многих болезней. А в королевстве Бутан, расположенном в Восточных Гималаях между Индией и Китаем, по свидетельству путешественников, на местных рынках вы и сегодня вполне можете получить сдачу ломтиками сыра, приготовленного из молока яков.

Есть в Тихом океане Каролинский архипелаг, а составе архипелага — небольшой островок Яп. За последнюю сотню лет он трижды переходил из рук в руки: от испанцев — к немцам, от немцев — к японцам, от японцев — к американцам. Формально на острове имели хождение валюты перечисленных стран (сейчас — доллары США). Однако местные жители с давних пор и до наших дней, не отказываясь от заморских денег, продолжают пользоваться и собственными: разного размера каменными дисками с отверстием в центре для удобства транспортировки. На местном наречии их называют «фе». Чем больше диаметр такой «монетки», тем она дороже. Самые крупные «фе» изготовлены в конце прошлого века и достигают трех с половиной метров в поперечнике. Кстати, вырубали «фе» на острове Палау, расположенном в трехстах милях от Япы. Всего на острове в начале нашего столетия насчитывалось более тридцати тысяч дисков, но часть этих камней японцы использовали как строительный материал. Все уцеле-

Раковина каури и китайские подражание яе из камня и бронзы.

шие «фе» имеют своих владельцев, но нередко лежат у обочин дорог. Хозяева могут не беспокоиться: украть такую монету дело весьма затруднительное. При совершении тех или иных сделок диски меняют своих хозяев, не меняя местоположения. Просто новый собственник ставит на деньгах свою метку.

Своеобразные деньги сохранились и на Соломоновых островах, расположенных к югу от Каролинских. Их называют ракушечными — по материалу изготовления. Из разноцветных раковин вырезают кружки размером приблизительно с трехкопеечную монету СССР, полируют, сверлят в центре отверстие и нанизывают на шнурки, так как отдельные «монеты» ничего не стоят. Длина одной такой связки — около девяноста сантиметров. На ее изготовление требуется около пятисот кружков. Самые дешевые деньги — черного цвета, самые дорогие — красного. И это неудивительно — красные раковины приходится добывать на большой глубине.

«Чеканят» такие деньги только на одном острове — Ауки. Монетчики — исключительно женщины. Хотя никакими законами ракушечные деньги официально не признаны, местные жители, а также европейские и китайские торговцы охотно ими пользуются, назначают в них цену товара, дают сдачу... Существует даже курс этих денег по отношению к фунту и доллару.

Помимо ракушечных денег, на островах Санта-Крус того же архипелага применяются деньги, изготовленные из птичьих перьев. Они представляют собой пояса длиной до десяти метров при ширине около шести сантиметров. Создание одного такого пояса отнимает очень много времени и стоит жизни великому множеству птиц.

Хранят такие деньги свернутыми в кольца и употребляют при некоторых традиционных платежах. Например, ими оплачивают выкуп невесты.

В столице Соломоновых островов городе Хониара услуги врача совсем недавно (а может быть, и сегодня) можно было оплатить картофелем. В будние дни визит к врачу обходился недорого — всего в одну большую картофелину. Но медицинская помощь по вечерам стоит гораздо дороже — пять катрофелин, а по субботам и воскресеньям такса превышает вечернюю вдвое.

Конечно, все эти каменные, чайные, ракушечные, перьевые и прочие деньги — всего лишь экзотика, исторические курьезы, сохранившиеся до наших дней свидетельства домонетного денежного обращения.

Современная гвинейская монета достоинством 50 каури. Западная граница древней зоны распространения раковин-денег.

(Продолжение следует)

Николай МЕЗЕНИН, Н. Тагил

Демидовы в литературе

На культурном поприще

Демидовых в русском обществе знали с давних пор. О них писали на страницах трудов, упоминали в переписке, с ними общались русские литераторы. А.Н. Радищев, проезжая в ссылку через Урал, писал в своих путевых заметках о Демидовых, их упоминали А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Одного из Демидовых вывел И.С. Тургенев в романе «Дым». Уральских промышленников, владельцев горных рудников и заводов, Лев Толстой в трактате «Так что же нам делать?» называл в числе первых богачей в России: «Морозовы, Демидовы, Юсуповы...» Много знал и писал об уральских горнозаводчиках их современник, уроженец Демидовской земли Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Огромное состояние предоставляло Демидовым неограниченные возможности для пополнения своих познаний в любой области науки и искусства. Они сполна воспользовались этим преимуществом: все получили образование в русских и иностранных университетах, слыли знатоками и ценителями искусств, много путешествовали; не только собирали книги в своих библиотеках, но и сами выступали на литературном поприще. Прокопий Акинфиевич в зрелые годы много увлекался садоводством. Особую нежность питал к цветам и пчеловодству, написал трактат «Об уходе за пчелами».

Из трех сыновей Акинфия Демидова наиболее просвещенным был Никита. Он собрал довольно солидную для того времени библиотеку, часть книг отослал в Нижний Тагил. Уральский заводчик объездил многие европейские страны, жил в Англии и вместе со скульптором Шубиным в Италии изучал сохранившиеся памятники древности. По возвращении в Россию издал книгу «Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова... по иностранным государствам» (1786 г.). Характеристики заводов в «Журнале» — едва ли не самые первые описания на русском языке крупных предприятий, возникших в период промышленного переворота в Англии.

Весьма плодовитым автором оказался правнук Никиты Никитича, Николай Петрович Демидов, известный в свое время учеными трудами по политической экономии, финансовому праву и политике. Из его исследований на русском языке можно назвать такие: «О бумажных деньгах», «Некоторые замечания на опыт налогов», «О государственной кредитной системе», «О теории владения». Большинство сочинений появилось на французском языке, хотя только немногие из них издавались за границей.

Павел Григорьевич Демидов, знаток природы, ученый-

Титульный лист книги В.В. Огаркова «Демидовы, основатели горного дела в России».

натуралист, знал в совершенстве математику, физику, минералогию, металлургию. Был не только исследователем, но и серьезным философом, искусным литератором, бойко владевшим пером. Он оставил на разных языках труды по химии, математике, минералогии; на немецком — описание принадлежащих ему коллекций монет, медалей и минералогического кабинета; на французском — каталог коллекции редкостей и атлас по естественной истории. Осталось семь томов рукописей на немецком языке — описание путешествия Демидова по всем тем странам и городам, которые он посетил с июля 1755 по март 1763 года.

Анатолий Николаевич Демидов организовал за свой счет в 1837 году научную экспедицию в Южную Россию, обзор ее результатов был издан в 4-х томах на французском языке. Сам же оставил несколько книг о своих путешествиях — тоже на французском. За одну из них отмечен Петербургской Академией наук Демидовской премией (1847), учрежденной его братом Павлом.

Демидовы писали книги о бумажных деньгах, пчелах,

путешествиях — их интересовали разные отрасли знания. Этому способствовала сама жизнь в миру, их окружение.

Среда обитания

Социально-бытовая обстановка, в которой протекала жизнь Демидовых, их окружение, совокупность людей, связанных с ними общностью жизненных условий и интересов, — словом, все то, что характеризует среду обитания человека, хорошо отражена в старинных мемуарах: какое созвездие имен выдающихся современников! Они дают возможность ощутить аромат той далекой эпохи блистательной европейской столицы. Многие Демидовы имели дома и усадьбы в Петербурге и его окрестностях.

Среди пригородов Петербурга особое место занимает территория, расположенная в юго-западном направлении по южному берегу Финского залива вдоль бывшей Петергофской дороги (ныне Петербургское шоссе). Здесь находятся уникальные приморские дворцово-парковые ансамбли XVIII-XIX вв.: Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум, возведение которых относится к петровскому времени. Там же расположены загородные дворцы и усадебные комплексы XIX в. — интереснейшие памятники архитектуры и садово-паркового искусства. Сегодня граница города проходит уже вблизи Стрельны, а вся огромная территория, занятая прежде загородными усадьбами, вошла в городскую черту.

Судьба Александра Григорьевича, его братьев и сестер весьма показательна. Они относились к тому поколению миллионеров-горнозаводчиков, которое не довольствовалось положением богатых высочек и приложило немало усилий к тому, чтобы в краткие сроки заполнить интеллектуальную пропасть, разделявшую их с сановной элитой русского, а затем и европейского высшего общества. Отец, Григорий Акинфиевич, почти всю жизнь провел в Соликамске, серьезно занимаясь садоводством и общаясь с видными учеными-естествоиспытателями. Он сделал все, чтобы трое его сыновей — Александр, Павел и Петр — посвятили себя науке: послал их учиться в Швецию к Карлу Линнею, с которым был знаком по переписке. Знаменитый ботаник высоко отзывался об одаренности всех троих уральцев. В науке особенно отличились младшие братья, о них много писали. О старшем, Александре, знаем меньше, а он был известной личностью, любопытен своим окружением.

Когда в ноябре 1761 года отец скончался, Александр Григорьевич остался во главе огромного хозяйства. До апреля 1765 года братья владели всем «имением без раздела», а затем «для лутчаго в экономии наблюдения согласно и полюбовно оно между собою разделили» на три части.

Старшему досталась Суксунская часть и 2 843 души крепостных крестьян. В его владении было семь заводов в окрестностях Екатеринбурга и Перми, Усть-Соликамские соляные промыслы и девять богатых домов в главных го-

*Прокофий Акинфиевич Демидов.
(Художник Д.Г. Левицкий.)*

родах империи. Младшие братья мало занимались заводами, увлекались наукой и службой. Александр Григорьевич оказался наиболее предприимчивым. Он построил своими силами три завода и довел число собственных «подданных» до 10 000 душ крестьян.

Будучи действительным статским советником, он принимал участие в работе Комиссии по составлению уложения 1767 года. В его доме бывали поэт В. Петров, скульптор Ф. Шубин, архитекторы-родственники. Александр Григорьевич был женат на П.М. Олсуфьевой — дочери гофмаршала Петра I, которая приходилась двоюродной сестрой А.В. Олсуфьеву, статс-секретарю Екатерины II, впоследствии сенатору, писателю и переводчику. Их сын Григорий Александрович путешествовал с Н.М. Карамзиным в начале 1790 года по Темзе в Лондоне, они посетили Гринвич — об этом сохранилась запись историка в его «Письмах русского путешественника».

Старшая сестра Александра — Пульхерия — была замужем за А.Ф. Кокориным, одним из крупнейших отечественных зодчих, проявившим лучшие черты русского классицизма. Удачная женитьба помогла архитектору за-

Павел Николаевич Демидов. (Литография Годфры).

нять независимое положение и вести широкий образ жизни. Он и Ж.-Б. Валлен-Дерламот — авторы проекта здания Академии художеств. Ему также приписывают авторство дома А.Г. Демидова по Мойке. А.Ф. Кокоринов был педагогом, с 1769 года — ректором Академии художеств. У него учились архитекторы М.Ф. Казаков и И.Е. Старов, выполнявшие крупные заказы Демидовых.

Старов был женат на второй сестре Александра — Наталье. Он много строил в столице и окрестностях, в других городах России. Наиболее известны его таврический дворец и Троицкий собор Александро-Невской лавры. Старов проектировал и построил для А.Г. Демидова усадьбный комплекс в Тайцах, дачу на Петроградской дороге. Именно в этом имении создавал в 1780-х годах виды парков под Петербургом известный художник С. Ф. Щедрин. На одной из его картин изображена деревня с сельским хороводом и стадом коров. «Пейзаж в окрестностях Петербурга», по мнению знатоков, представляет именно Тайцы.

Литературно одаренной оказалась третья сестра Александра — Хпония. Она первой в России перевела французскую сказку «Девушка и чудовище» («Аленький цветочек») С.Т. Аксакова — пятый по счету перевод-пересказ этого произведения).

Была в этой ветви Демидовского рода еще одна женщина-литератор — Елизавета Петровна Демидова, племянница Александра Григорьевича. Она перевела «Духовные оды и песни господина К.Ф. Геллерга» и составила сборник «Время, не праздно проведенное в чтении, или Полезные повествования разных авторов».

«Ревизор» — образцовое сочинение

на пятом году существования широко известной в России Демидовской премии ее учредитель Павел Николаевич Демидов ходатайствовал перед Петербургской Академией наук о присуждении оной Н.В. Гоголю за комедию «Ревизор». В письме к ученому секретарю Академии наук Н.П. Фуссу он писал: «Небезызвестно вам, что цель пожертвования моего двадцати пяти тысяч ежегодно в Российскую императорскую Академию наук содействовать пользе и славе отечественной на поприще литературном. Поприще сие ныне украшено новым произведением г. Гоголя под названием «Ревизор, комедия в пяти действиях». Нельзя не отдать справедливости точнейшему описанию нравов, поставленных им на сцену лиц и национальных наречий. Словом, по живописанию характеров оное сочинение г. Гоголя может считаться образцовым. Это уже и подтверждается тем восторгом, с каким оно принято публикой, и вниманием государя императора, удостоившего первое представление сей комедии своим присутствием».

Да, государь посетил премьеру «Ревизора», «хлопал и долго смеялся», как вспоминает один из современников, особенно в начале спектакля; но потом хлопки и смех перестали раздаваться из царской ложи. Однако не поэтому академики в Общем собрании 17 апреля 1837 года отказали учредителю премии в его просьбе. Ему вполне резонно напомнили им же утвержденное положение о наградах, где предусматривались премии в области литературы лишь за сочинения по теории изящных искусств и словесности. За все 34 года истории награды среди ее лауреатов не было литераторов-беллетристов и драматургов.

Гоголь не стал лауреатом Демидовской премии. Но для нас интересны сохранившиеся в переписке Гоголя высказывания об уральских богачах, оценки их личности, порой весьма суровые. Известно письмо Николая Васильевича Демидову, датированное предположительно январем-маем 1836 года, где он пишет: «...Нет, во что бы то ни стало, но я должен вас видеть... Не зная еще ваших достоинств личных, я вас почитаю по имени, которое слилось с народностью и Россиею и осталось с ними нераздельно с вашим подвигом для просвещения; но никогда бы я не приблизился к вам. Ваше богатство стояло передо мною рубежом, как вдруг ваш раздавшийся голос и ваше полное великодушие представительство о мне, вам неизвестном, внимание к малой крупице моего таланта — все это меня трогает сильно. Это уже вам известно. Это одно из приятнейших моих воспоминаний, какие только вывез с собою из России».

Тон письма Гоголя, видимо, объясняется ощущавшейся им разницей в общественном положении, о чем свидетельствует, в частности, упоминание о Демидове и в письме М. П. Погодину, где Гоголь сдержанно и критически отзываясь об аристократизме богатого заводчика, подчеркивая, что демонстративно не пошел к нему на обед. Желанием загладить отсутствие на этом обеде, вероятно, и объясняются начальные строки письма.

Александр Григорьевич Демидов.

Одним из мотивов, побудивших писателя желать встречи с Павлом Демидовым, было намерение просить его о материальной помощи для известного чешско-словацкого поэта и ученого-славяниста Колара. Однако договориться об этом не удалось, и Гоголь в письме Погодину от 23 апреля 1839 года сообщал:

«Ничего я до сих пор не сделал для Колара. Виделся наконец с Демидовым, но лучше, если бы не сделал этого. Чудак страшный! Его останавливает, что бы ты думал? Что скажет государь... Словом, это меня рассердило, и я не пошел к нему на обед, на который он меня приглашал на другой день».

В переписке Гоголя упоминается еще и Анатолий Николаевич Демидов, у которого до 1842 года занимал место секретаря В.М. Строев. Было трое талантливых братьев Строевых: историк Павел, журналист и переводчик Владимир и тоже историк, младший Сергей. Двое из них стали лауреатами Демидовской премии: Владимир Михайлович (1833) и Сергей Михайлович (1840). Ближайший друг Гоголя А.С. Данилевский обращался к нему с вопросом: не поможет ли Николай Васильевич, благодаря своим «близким» отношениям с Демидовыми, приискать снова службу для В.М. Строева. Отвечая Данилевскому, Гоголь писал из Рима в феврале 1843 г.: «Ты пишешь, не имею ли я каких путей пристроить к Демидову. Решительно никаких. Слышал о нем, что он что-то вроде скотины, и больше ничего. А впрочем, я об этом не могу судить, не видеv и не зная его».

Некролог Мамина-Сибиряка

Писатель с детства был знаком с заводским бытом демидовских мест. Мамины с 1852 по 1876 год жили в Висимо-Шайтанском заводе, принадлежавшем к группе Тагильских заводов, которыми владели Павел Павлович и Анатолий Николаевич Демидовы. Изготовленное железо сплавляли весной и осенью с караваном барж по Чусовой, Каме, Волге в Нижний Новгород на ярмарку. Молодой Мамин сам не раз плавал по Чусовой. Так что будущий писатель был непосредственным свидетелем производственной жизни, знал многих заводских служителей.

22-летний студент Дмитрий Мамин из Петербурга шлет отцу в Висим просьбу собрать о доме Демидовых сведения, которые лежат в конторских бумагах или ходят по рукам в виде рассказов и воспоминаний. «Особенно важ-

но, напоминает он, постоянно иметь в виду резкую разницу, отделяющую энергичных, деятельных представителей первых основателей дома Демидовых и распушенность последних его членов».

Писатель-краевед неоднократно подчеркивал разницу между поколениями знаменитых заводчиков. Причем он отмечал разность и между двумя первыми Демидовыми: «Главным носителем и осуществителем широких планов царя является гениальный сын Никиты Демидова Акинфий Никитич. Это был алтер эго (двойник) царя-работника, его недреманное око». И продолжает далее: «Что касается дальнейшей истории тагильских заводов, то после смерти Акинфия Демидова мы не встречаем ни одной выдающейся личности, которая улучшала бы их. В потомках Демидовых общего с их родоначальником сохранилась только одна фамилия, за исключением одного Николая Никитича Демидова, которому в Тагиле поставлен великолепный памятник. Мы видим целый ряд владельцев заводов, которые бывают на заводах раз или много два в течение целой жизни».

Мамин-Сибиряк был единственным крупным писателем-современником, писавшим романы о демидовских заводах, их хозяевах, управителях и рабочих. Высокая степень достоверности является главной ценностью его замечательных художественных произведений, дающих возможность представить ту эпоху зримо и наглядно.

Павел Павлович Демидов.

Экслибрис Анатолия Николаевича Демидова.

Живую реалистическую картину демидовских заводов нарисовал писатель в романе «Три конца» (1890). Демидовы изображены здесь под фамилией Устюжаниновых. С сарказмом обрисовал автор необдуманное новаторство одного из Демидовых, Николая Никитича, который решил из своих крепостных подготовить европейски-образованных специалистов. С этой целью отобрали несколько десятков детей и послали учиться за границу; а потом, вернувшись на заводы с европейским образованием, они попали под начало невежественному и полновластному крепостному управителю. И мало-помалу все погибли, не вынеся после пребывания за границей крепостного режима. Оказалось, что Демидов «по рассеянности» забыл дать своим инженерам «вольную»...

Роман написан на основе тагильского материала. Описаны господской дом, главное заводское управление, памятник Н.Н. Демидову, а также знаменитая фамильная галерея портретов Демидовых, ныне находящаяся в музее-заповеднике.

Многие демидовские заводы попали в произведения Мамина-Сибиряка. В «Привлаовских миллионах» под названием Шатровских изображены Кыштымские заводы, принадлежавшие Никите Никитичу Демидову; описано посещение заводов хозяином. Нижний Тагил и его заводы выведены в «горном гнезде» под именем Кукарских заводов; в романе «Три конца» — как Мурманские заводы, и там же Висимо-Шайтанский завод, названный автором Ключевским.

Сюжет романа «Горное гнездо» (1884) основан на действительных фактах, хорошо известных автору: приезд Павла Павловича Демидова в Нижний Тагил в 1863 году и посещение им заводов округа, введение уставных грамот на тамошних заводах. Современники писателя легко узнавали в образе Евгения Лаптева наследника семьи крупных уральских заводчиков. Автор показывает в образе Лаптева (П. Демидова), что он в глазах народа — сила, которая

все может. Однако дальнейшее развитие событий обнаруживает полное равнодушие Лаптева к заводам и к судьбам горного дела.

Павла Павловича Демидова романист вообще не жаловал. Ему писатель-демократ посвятил фельетон-некролог «Один из анекдотических людей». Автор оспаривает утверждение тогдашних газет, что П. Демидов был якобы гуманным и добродетельным заводчиком. Перечисляя многие должности Демидова, писатель сообщает: «Просматривая этот длинный список «деятельности» покойного уральского заводчика, является невольный вопрос: позвольте, что же Демидов сделал для своих громадных заводов и когда он успевал что-нибудь сделать для них, состоя помощником старшего экспедитора и советником подольского губернского правления?» Писатель заключает: «Демидов занимался решительно всем, кроме собственно заводского своего дела, да и на заводах почти не бывал».

В этом же фельетоне писатель представил мрачные картины нищеты и бесправности демидовских рабочих тагильских заводов. Особенно трудно приходилось увечным, престарелым, бесприютным рабочим, выброшенным на улицу. А с другой стороны, кучка демидовских служащих, получающих от трех до пятнадцати тысяч в год жалованья. Такова выразительная картина демидовского Урала в изображении уральского летописца.

Одна из книг библиотеки Сан-Дonato.

Тамара ТИМОХОВА, г. Чердынь

Иванка Нос из Ныроба

В 1995 году жители поселка Ныроб Чердынского района решили восстановить Никольскую церковь постройки 1705 года. Во время ремонтных работ внутри храма, в подвале, под алтарной частью были обнаружены череп и другие кости человека. Останки были отправлены в лабораторию антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая российской Академии наук (Москва). Результаты исследования черепа показали, что он принадлежит 40-летнему мужчине, жившему в XVIII веке. Палеоантропологам даже удалось установить болезни пришельца из прошлого: гайморит и опухоль головного мозга.

Как пишет профессор Пермского государственного университета Г.Н. Чагин, этот мужчина вполне мог быть очевидцем трагических событий, связанных с заточением и гибелью в Ныробе М.Н. Романова, родственника первого царя знаменитой династии.

Известно, что после смерти его похоронили метрах в 300-х от ямы, в которой он скончался.

В марте 1606 года тело узника было перевезено в Москву, но церковь чтит место его погребения, и в возведенной здесь в 1736 году Богоявленской церкви оно было отмечено выступом у северной стены храмовой части.

Расстояние между местами погребения жителей Ныроба (а этим местом является кладбище) и М.Н. Романова небольшое, около 100 метров. Это обстоятельство дает повод предположить, что в 1602 году именитого узника похоронили на том же погосте-кладбище, на котором хоронили жителей Ныроба и его округи (см. «Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России». Пермь, 1999, с. 101).

Ввиду уникальности находки, Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина заказал палеоантропологам выполнить по найденному черепу скульптурную реконструкцию мужчины и изготовить по ней гипсовую копию. Два варианта реконструкции были выполнены в 1997 году сотрудниками лаборатории под руководством Т.С. Балуевой. И в настоящее время эти экспонаты: профильный рисунок и скульптурный портрет Иванки Носа (был такой житель в Ныробе — судя по переписи Ивана Яхонтова 1579 г) находится в экспозиции музея рядом с кандалами М.Н. Романова.

Кандалы Романова

Это те самые ручные кандалы и неполная цепь с замком, которые остались в Ныробе после того, как в начале XIX века одну из них — ножную — взял для изготовления копии В.Н. Прокофьев (см. журнал «Уральский следопыт», 2002, № 8, с. 25) и которые в 20-е годы XX столетия были переданы в Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина.

Было бы логично подлинные цепи, хранящиеся в Красноуфимском музее, и подлинные цепи из чердынского музея соединить в один полный комплект и хранить на чердынской земле, где пребывал в заточении М.Н. Романов.

Константин ВСЕВОЛОЖСКИЙ, Николай СОЛОМИН

Опальный архитектор

В поселке Полуночное, что на самом севере Свердловской области, состоялось событие, выходящее за рамки местного масштаба. Здесь по инициативе вице-председателя Екатеринбургского дворянского собрания Л.Б. Всеволожской на здании Дома культуры открыта мемориальная доска в память об архитекторе Николае Александровиче Всеволожском, по чьим чертежам было построено это уникальное здание.

Талантливый архитектор был сослан в город Ивдель на поселение после отбытия несправедливого наказания на строительстве Беломоро-Балтийского канала. До этого он, выпускник Московского училища архитектуры, ваяния и зодчества, работал хранителем исторических памятников Кремля. По его проекту был реконструирован памятник, сооруженный в честь 300-летия династии Романовых. Тогда по приказу Ленина вместо имен царской фамилии на памятнике появились имена революционеров. Этот монумент до сих пор стоит в Александровском саду Кремля.

Благодаря самоотверженности Н.А. Всеволожского был спасен Покровский собор (он же собор Василия Блаженного), который по плану реконструкции Красной площади должен был быть разрушен. В знак протеста архитектор закрылся в соборе и просидел там четыре дня, пока не был отменен приказ о сносе. В 1936 году Николай Александрович был арестован и сослан на строительство канала, где занимался проектированием и сооружением производственных и бытовых зданий.

С 1942 года он жил на поселении в городе Ивделе, работал в Полуночном, в управлении Марганцовского рудника. Занимался строительством жилых домов, промышленных и бытовых зданий. В горняцком поселке Полуночное и расцвел талант архитектора Всеволожского. В северной тайге строились по его проектам дома-терема, школа, детсад, библиотека, магазин — все в стиле «ретро», в стиле деревянного русского зодчества. Красавец-поселок, похожий на музей, радовал глаз жителей и гостей.

Решением совета областного Общества охраны памятников истории и культуры от 29 июня 1990 года поселок Полуночный был отнесен к памятникам архитектуры. Жилые дома, улицы, а также планировка центральной час-

Л.Б. Всеволожская и О.В. Штраух на фоне Дома культуры (Полуночное).

ти поселка в соответствии с этим решением подлежат государственной охране.

Венцом творчества архитектора Всеволожского стал построенный по его проекту Дом культуры, который до сего времени остается одним из красивейших зданий на севере Свердловской области.

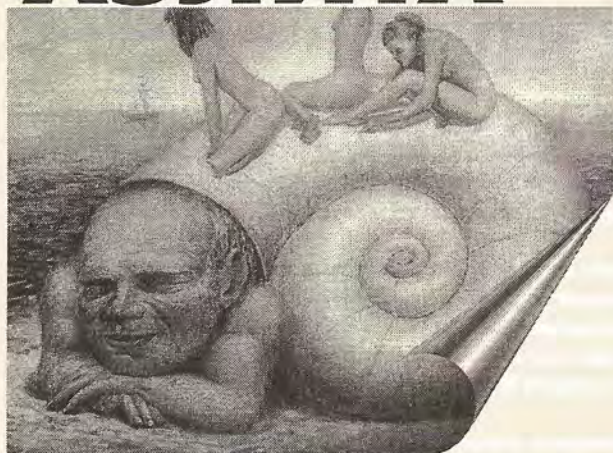
На митинге по случаю открытия мемориальной доски выступила внучатая племянница архитектора Л.Б. Всеволожская. Она произнесла взволнованные слова благодарности всем, кто поддержал ее инициативу и много делает для сохранения памятника архитектуры, и выразила уверенность, что полуночницы, администрация города приложат все силы, чтобы уникальное здание еще послужило людям.

Детские, школьные годы Л.Б. Всеволожской прошли в Ивделе. И сейчас, спустя много лет, они по-прежнему любят свою малую родину и даже написала песню о городе. На митинге прозвучал (в записи) этот вальс об Ивделе в исполнении солистки Уральского хора.

С большим вниманием собравшиеся слушали выступление Почетного гражданина города Ивделя, известного и в Полуночном человека, О.В. Штрауха, сохранившего в свое время уникальные чертежи и эскизы, по которым был построен Дом культуры. Он, лично знавший архитектора Н.А. Всеволожского, рассказал об этом интересном и талантливом человеке, высказал озабоченность тем, что многие памятники архитектуры в Полуночном безвозвратно исчезли, и поэтому Дом культуры необходимо во что бы то ни стало сохранить и сделать все, чтобы он стоял как можно дольше.

АЭЛИТА

Февраль. Морозы и оттепели. Утром по дороге на работу ты тычешь пальцем в автобусное стекло, пытаешься не проспять нужную остановку, а днем, как выглянет солнышко, невольно залобуешься замерзшим дыханием своим в окне: «Какой узор получился!» Февраль — это и метели. Сидишь ты себе в воскресенье дома, смотришь на спящего ребенка, и невольно приходит на ум:

Февральской тёплой непогоде
Нашла зима счастливый день.
И он по крышам деревень,
Облеплен хлопьями, проходит,
Метёт, пуржит, глаза слепит,
Мальчишкой мнётся за порогом,
Зовёт гулять, щенков потрогать,
Но дочка, наигравшись, спит...

Как в феврале на окнах появляются ящики с первыми садово-огородными жителями, так и в нашем журнале — новые рубрики, новые авторы, новые произведения. «Следопыт» ищет и находит. В этом номере вы познакомитесь с творчеством замечательного художника Геннадия Шаройкина (о нём рассказывает Татьяна Суворова). Здесь же — различные по географии, но созвучные по стремлению к добру и красоте — стихотворения только начинающих свой творческий путь екатеринбурженки Елены Шукаевой, жительницы Верхнего Тагила Надежды Перетягиной и Маргариты Еременко, проживающей в Каслях Челябинской области. Прозаик Борис Телков прислал нам свои прекрасные рассказы из Нижнего Тагила. Литературное течение «Добряне» представлено поэзией Натальи Тереховой. Она пишет не только стихи, но и прозу. Занимается в группе «Ремесло» при журнале «Уральский следопыт», учится в Литинституте в г. Москве. Этими произведениями редактору «Аэлиты» хотелось бы порадовать вас, дорогие читатели. Если у вас возникнет желание высказаться по поводу публикуемых материалов, пишите. Ваши отзывы будут опубликованы в журнале. Ваши мнения помогут сделать

Олег БОГАЕВ
«Человек-корыто»

Елена ШУКАЕВА

Стихи

Татьяна СУВОРОВА

«Загадки изменений»

Борис ТЕЛКОВ

Короткие рассказы

Маргарита ЕРЕМЕНКО

Стихи

Наталья ТЕРЕХОВА

«Сапоги»

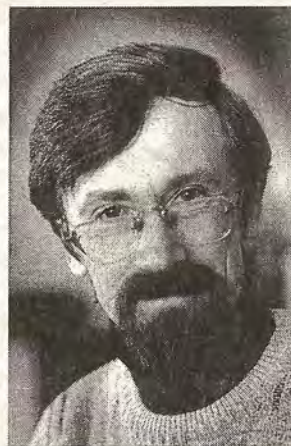
Надежда ПЕРЕТЯГИНА

Стихи

его лучше и ин-тереснее.

Закончился прием работ на творческий конкурс «Больные надежды — 2002», в котором приняли участие начинающие авторы. Жюри подводит его итоги. Имена победителей, их стихотворения и рассказы вы сможете прочитать в апрельском номере «Уральского следопыта». Подборка стихов, посвящённых памяти Алексея Решетова, тоже увидит свет в следующем номере.

Предваряя её, хочу предложить вам и своё стихотворение:

Памяти А. Решетова

Зима. Средь деревенского двора
На пожелтевшем фото — люди... мама...
Их лица помню, имена — не все, —
Стоят и улыбаются, — гулянка
В Казанке нашей, — счастливы, смеются, —
Невесте с женихом налили стопке...
И влажный запах снега ловит пёс,
Принюхиваясь к брошенной бутылке...
Беда одна: тревожит их забвеньё
Сейчас мой взгляд, как ветер, но и он
Иссякнет, иссмотрев своё пространство.

*Петр Родимов,
редактор отдела
художественной литературы*

Материал подготовил **Петр РОДИМОВ**

Стихи ветеранов

В январском номере журнала за 2003 год мы начали публиковать материалы из будущей книги, которая расскажет о коллективе и пациентах Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн. Впечатления Таначевой Али Ивановны, в прошлом пациентки, а сегодня директора Музея госпиталя, стали одной из частей яркой, образной и живой картины воспоминаний. Здоровье, а порой и жизнь этих людей, спас госпиталь и его персонал.

В февральском номере мы даем слово творческим людям: поэтам-врачам, поэтам-пациентам, — Поэтам.

При подготовке материалов нам в руки попала небольшая книжка стихов тагильских поэтов «Возвращение», подаренная музею госпиталя. Приводим посвящение и произведения двух ее авторов.

«На память Музею Свердловского госпиталя ВОВ, потому что мы с Николаем Маркиным («запевалой» сей немудреной книжицы) — не единожды поднимались и ставились в строй Живых для работы и для стихов — именно в этих стенах, в добрых руках его служителей.

Владимир Хайн, тагильчанин, инвалид ВОВ и один из соавторов этих стихов — единственный еще живой из их военной когорты.»

Маркин Николай Матвеевич

Родился в 1920 году в деревне Бабиново Алапаевского района. В Нижнем Тагиле, куда в 1931 году переехала семья, закончил семилетку. Учился в Свердловском архитектурном техникуме. В 1939 году перешел в педагогический институт. В 1940 году призван на военную службу. Воевал в составе 4-ой гвардейской дивизии артиллерийским разведчиком и помощником командира взвода противотанковых ружей. Участник Сталинградской битвы, освобождения Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. День Победы встретил под Веной. Награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, восемью медалями, в том числе двумя «За отвагу».

После войны, до ухода на пенсию, работал учителем русского языка, литературы, черчения.

Первое стихотворение опубликовал в «Тагильском рабочем» в 1948 году. Печатался в журналах «Наш современник», «Урал», альманахе «Истоки», коллективных сборниках «Суровая память», «Гроздь рябины», «Пейзаж по памяти». Автор первой в Тагиле книги стихов «Горная родина» (1960 г.).

Умер 21 февраля 1990 года.

В мае 45-го

С души, что камень, горе-лихо
Вдруг как бы в пропасть сорвалось.
И где-то сеяли гречиху,
И где-то сеяли овес.

А здесь металась по задворкам
Войны коричневая тень.

Но пахло русскою махоркой
У кирх альпийских деревень.

Валялись вражеские каски —
Разбитых армий агрибут.
А их хозяева с опаской
Свое талдычили «капут».

Но сердце колоколом било,
Еще не слышно вчера.
И парни Орска и Тагила
Глаз не смыкали до утра.

Блестели в сумраке медали,
Дымилась дали, что корье...
А мы и жизни не видали,
Мы только бились за нее.

Брату Александру

Седает земля, будто старость, зимой,
Метелит простуженным голосом...
А мы не дошли тогда по прямой
Всего на бросок до Полоцка.

И снег неглубок, и морозец втерпежь,
И ветер подбадривал с фланга.
Но разве ты знаешь, где упадешь
И сердце забьется подранком?..

Когда же отмаялись в госпиталях —
Нет доли солдатской горше! —
Ушли наши роты в другие края,
И нас развело под Оршей.

Сеем всю на глазах у родни,
Но так ли дела наши плохи?
И внуков, и внучек в хорошие дни
Рожают хорошие снохи.

Не жарко им летом, не стыдно зимой,
А лица светлы и справны.
По выправке бабьей, по сути самой,
Российской земли Ярославны.

А все же бывает, как ни держись, —
Собьешься с дороги ли, с голоса...
Такая она, не парадная жизнь.
А надо дойти бы до Полоцка.

Хайн Владимир Иосифович

Родился в 1926 году в Москве.

Подростком в 1941 году начал работать фрезеровщиком на заводе. С 1943 года в рядах армии. В девятнадцать лет командовал понтонным взводом 8-ой бригады на 3-ем Белорусском фронте.

С 1948 года живет в Нижнем Тагиле. Закончил Московский железнодорожный институт. Работал на железной дороге, грузчиком, плотником, прорабом.

Стихи начал писать в школе. Публиковался в городских газетах Тагила, Свердловска, Алапаевска, Невьянска и др., в коллективных сборниках «Гроздь рябины», «Пей-заж по памяти», «Нейва-речка», «Черная вода», в московских газетах: «Гудок», «Правда» и в журналах «Правды».

Сержантка

*Светлой памяти
«Строгой» Наташи, санинструктора*

Отчаянно солнце
Спешило к зениту.
Кончался войны
Обусловленный срок:
Девятого мая, —
В одиннадцать тридцать! —
В бинты набивался
Балтийский песок,
Когда мы с товарищем
Так неумело
В каком-то фольварке,
Сожженном дотла,
Вдвоем бинтовали
Наташино тело,
Что мина германская
Изорвала.

Ну, чтобы открыть ей
Глаза-незабудки?
Пусть даже ругнуть нас,
Корить бы опять,
Мол: «Вы, обормоты —
Четвертые сутки
Не бриты, а взялись
В бинты пеленать!»
Наташа-сестричка!
Наташа-чистюля!
Тебе ль было падать
В последнем бою?!
Мне тяжело стоять
Над тобой
В карауле:
Я ж пятый десяток
Наташа, стою...

Особый счет

Горчит упрек?
Слеза горька?
Обидам горек счет? —
Все лечит Времени Река,
Со временем — проходит все.
... Есть горечь —
Вытравишь едва ли:
Нам каждый день вино давали.
Пусть по сто грамм того вина,
Но вез — на роту старшина.
А рота убывала втрое,
И одному — за трех хмельное:
Пьешь за себя
И пьешь за них.
А завтра в бой —
За всех троих.
Что ж, пили,
Шли из боя в бой.
Считалось:
«спишется войной»,
Ан не списалось:
Те долги
Слепым укором залегли
В сердца вернувшихся солдат.
Мы живы,
Да не рассчитались,
И жгут холодные медали,
И медью кованой стучат:
«Ты виноват, ты виноват!
Не оплатил свой долг сполна,
В чужой вине — твоя вина.
И спрос с тебя,
С тебя — с живого!»
Мы лишку выпили
Чужого.

Олег БОГАЕВ

Человек-корыто

Комедия в двух действиях

Картина шестая.

Спустя три недели. Девушка сидит за столом, перед ней пухлая книга и чайник.

Д е в у ш к а (читает наизусть). Интеллектуальный интерфейс меняется в зависимости от новой ситуации, благодаря высокой степени интерактивности, а так же объема заложенной информации. (Устало встает, разгибает спину). Три недели хожу на компьютерные курсы, уже знаю слова: память, окно, килобай, штифт. Да я бы давно все выучила, только эта училка на курсах... я за ней умом не поспеваю... она так живо кнопки нажимает и языком: «Тыр-тыр-тыр». (Читает по слогам.) В векторном способе кодирования геометрические фигуры хранятся в виде математических формул и геометрических абстракций... (Закрывает книгу, наизусть, быстро.) В векторном способе кодирования геометрические фигуры хранятся в виде математических формул и ге... ге-уме...гео-мо...ге-мо-опа... (Не может выговорить, отбрасывает книгу.) Тфу! Белиберда! Такое понапишут!!! (Нервно ходит по комнате, достает новую книгу.) Вот, девчата дали... Говорят, мне быстро поможет... (Читает.) «Компьютер для чайников». (Перелистывает страницу.) «Друзья! Вы должны помнить, что компьютер — друг чайника. Поэтому смело ступайте в страну чудес. Для начала нажмите кнопку «пуск»... (Берет электрочайник, ищет кнопку). «Пуск»... Значит, есть где-то кнопка... (Ищет, открывает крышку чайника, просовывает руку внутрь, не находит, переворачивает чайник вверх ногами, выливается вода.) Нашла... (Ковыряет провода, бьет током.) Ах ты! Кусаться?! (Пауза.) Ладно, на сегодня закончим урок. (Приходит в себя.) Скоро купим компьютер... Главное — чайник уже есть, а мышшь подберем где-нибудь. (Смотрит в окно.) Вечер уже. Где мой старик ходит? Должен с работы вернуться, и — нет... (Вглядывается в темноту.) Темень какая... Опиять побьют, как на прошлой неделе... Страх божий... Ну одни волнения с ним! Сказал, пойду в коммерцию. И устроился работать на рынок в палатку. За три недели всем торговал: лапшой, гвоздями, трусами, книжками... Товар разоидется, но выручки нет! У него все прут из-под носа, а он стоит как лопух, всем улыбается, с каждым китайцем поздоровается... Домой идет, и как дурак, всю получку раздаст беспризорным, а они обкурятся и хохочут над ним. (Вздыхает.) Растяпа. Тоже мне, бизнесмен... Посмотрим, вчера встал на овощи.

Входит молодой человек, несет ящик гнилых яблок.

М о л о д о й ч е л о в е к. А вот и я! Заждалася, старуха?

(Окончание. Начало в № 1 за 2003 г.)

Д е в у ш к а. Так долго... Опять приключилось чего? М о л о д о й ч е л о в е к. День прошел хорошо. В царстве капитала светило солнышко! (Смеется.) Хозяин вот обещал меня застрелить.

Д е в у ш к а. Как?!

М о л о д о й ч е л о в е к. Да шутит он! Человек он добрый, я по глазам вижу. Только думает, что я всю выручку ворую себе... (Пауза.) Я малость задержался, братья из солнечного Узбекистана просили подсобить. Я «Камаз» разгрузил, а мне вот дали ящик спелых яблок, правда они чуток подгнили, пока я тащил...

Девушка смотрит: в ящике грязная, смердящая жижа.

Д е в у ш к а. Как шла торговля?

М о л о д о й ч е л о в е к. Отлично! Сегодня ко мне выстроилась громадная очередь. Всем приглянулись мои огурцы!

Д е в у ш к а. А выручка как?

М о л о д о й ч е л о в е к. Никак. Я отвечивал, а про деньги забывал как-то... Уж больно брали товар хорошо!

Д е в у ш к а (заплакала). 33 несчастья!.. За что мне это горе луково-е-е-е!!!

М о л о д о й ч е л о в е к (обнял девушку). Анфиса, успокойся... Все у нас будет...

Д е в у ш к а. Откуда?! Погляди, все воруют себе на карман! А ты... Даже деньги считать не умеешь!

М о л о д о й ч е л о в е к. Рядом со мной торгуют товарищи из далекой корейской республики! Они обещивают всех! А почему? Потому что у них все съел Ким Че Ныр! А у нас все есть! Старуха, мы же не пухнем с голоду!

Д е в у ш к а. Да я ем меньше кошки! (Плачет.) Я молодая, мне питаться, одеваться, краситься надо!... А на курсы я хожу в старушачьей обдергайке!... (Молчание.) А если тебя укушат на этом рынке?! Старик, ты обо мне подумал? (Плачет.)

Внутри ящика что-то забулькало, грязь закипела, появляется рыба голова, выплевывает струю грязи.

Р ы б а. Помогите... Я исполню любое ваше желание...

Девушка и молодой человек подходят.

Молодой человек. Оно говорит...

Девушка. Тс.

Рыба. Я исполню ваше желание.

Молодой человек и девушка смотрят друг на друга.

Молодой человек. Любое?

Пауза.

Девушка (тихо). Старик, шевели мозгом быстрее...

Пауза.

Молодой человек. Значит, вот что... Я страшно хочу то время. Ту, свою молодость, а не эту! Весенний воздух, праздники, демонстрации, улицы!... (Поет). «...Кипучая, могучая, никем не победимая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая». Понимаешь?! Никакого капитализма и рынка! (Рыбе). Рыбка, очень прошу... На колени встану...

Девушка (отталкивает молодого человека, тихо). Тс! Ты что?! Спятил?! А если там узнают, что мы жили в стране капитализма?! Нас обоих посадят!

Молодой человек. Точно...

Девушка. Старик, рыба помрет, думай быстрее...

Молодой человек. Так... Так... (Додумался.) Вот! Наконец-то! Я очень хочу, чтобы люди стали другие!.. Как тогда, и еще лучше! Как одна семья! Чтобы все люди любили друг друга!

Девушка. Это ж сколько народу перекраивать... Тут никаких чудес не напасешься...

Молодой человек. Это точно. (Думает, девушке.) Погоди... Я сделаю тебе подарок! Хочешь цветы? Золотое колечко? Может ведро земляники? (Придумал.) Вот что! Я хочу, чтобы ты была самой доброй, самой красивой, самой-при-самой счастливой! Короче, чтобы ты стала артисткой кино! Согласна, старуха?

Девушка. Да, они неплохо зарабатывают... (Рыбе.) Рыба, слушай меня. Я хочу стать артисткой кино, как Люба Орлова!

Рыба. Хорошо. А теперь отпустите меня...

Молодой человек берет ящик, уносит.

Картина седьмая.

На плите жарится картофель. Шипит сковородка.

Муж актрисы (открывает крышку, обжигается.) Черт... Опять пригорело... Значит это было не масло, а что-то другое...

Ковыряет вилкой, пробует на вкус, морщится, пытается отодрать от сковородки пригоревшую картошку, не получается, выбрасывает вместе с сковородкой. Моет посуду.

Хорошо быть артисткой экрана. Спи, ешь, на танцуйки ходи, развлекайся... Чем не сладкая жизнь? А мы, мужики, валандайся: мой, жарь, обстирывай их. Работаю как пчела... Весь день по магазинам, а вечером мою, готовлю... (бросает тарелку.) Надоела эта посуда!... (Солит, пакет соли рвется, соль просыпается.) К скорее... Придет вся такая «звезда», руки в боки, спросит: «Почему ничего не готовлено?». А я? «Прости, не успел, жена дорогая»... (Пауза.) Понятно, она теперь вся такая звездная, с простоквашей не подъедешь... Кругом кавалеры, поклонники — «Пардон, мадама, дайте ручку, вы — такая артистка»... А

она, кокетка такая, про мужа не скажет даже в газетке... Рассказала бы, как я пластаюсь тут!... (Смотрит в окно.) Когда молодой, время быстро летит. Опять уже вечер... (Вздыхает.) И что за старуха мне попалась?... Всю жизнь прожил с ней, а не знал, что она вот так выхлещет ногами... И глазки всем строит... Такая ветрянка... (Беспокойно.) Сиди тут, переживай про нее всякое... А может, сердце от плясок прихватило, упала где-нибудь, старая, и лежит?...

За окном подъезжает машина, через минуту входит молодая актриса с огромной охапкой букетов.

Актриса. Привет, старичок...

Муж актрисы. Здравьете, старуха...

Актриса. Что молчишь, невеселый такой?

Муж актрисы. К тебе тут негры с иностранцами приезжали. Ждали тебя и ушли. А ты где-то шляешься!

Актриса. Не шляюсь, а хожу. Чего хотели-то?

Муж актрисы. Сделать тебе катаракт.

Актриса. Может «кон-тракт»?

Муж актрисы. Не знаю, наверно...

Актриса. Поставь цветы... Поесть приготовил, бедняжка?

Муж актрисы. Нет!

Актриса. Старик, я страшно устала... Целый день на ногах!.. А дома шаром покати! Ты чем занимался?!

Муж актрисы. Да я с утра плюхаюсь тут! А она устала, видишь ли! Устала плясать, рожки корчить, шампанское дуть с ухажерами, свои фотки расписывать!

Актриса. Вот что! Я терпела всю жизнь! Если хочешь рассориться...

Звонит телефон.

Актриса (берет трубку). Алло? Да, это я. Вы откуда?... Откуда?! Из Голливуда?! (Слушает, отвечает.) Контракт?.. А как ваше кино называется? «Застенчивая красотка»?.. (Слушает.) Нет-нет! Эта роль как раз для меня! Да! (Слушает.) Миллиард долларов?.. Вы смеетесь... (Пауза.) Два! Плюс жилье!.. Плюс пропитание! И еще со мной мой старик будет... (Слушает.) Скажите, у вас есть в Голливуде областная баня?.. Просто дедушка любит... (Слушает.) Хорошо. Мы на это согласны. Будем. Приедем. Ждите. (кладет трубку.) Старик, собирайся. Нас позвал Голливуд.

Муж актрисы. Голий — кто?

Актриса. Голливуд. Мы едем в Штаты.

Муж актрисы. Какие???

Актриса. Американские.

Муж актрисы. Ты чо?.. Задумала стать изменницей Родины???

Актриса. Старик, проснись! Какой Родины?!

Муж актрисы. Нашей...

Актриса. Где она?..

Муж актрисы. Вот.

Актриса. Дурак, ты б еще на кровать показал!

Муж актрисы. Нет, ты как знаешь, старуха... А я — не предатель! Я свою страну... мертвым стану, не брошу!

Актриса. Хорошо. Поеду одна.

Муж актрисы. Езжай...

Актриса. И поеду.

Муж актрисы. Вот вам, скатертью дорога! Тебя лишь пальцем помани!..

Актриса. Слушай, ну что ж ты такой дурак? Ку-ку, рогами уперся. Чего тебе эта страна дала? Подзатыльник и могилку два на два! (Пауза.) А там море, пальмы, круглый год лето, финики, солнышко...

Муж актрисы. Там в домино не играют!

Актриса. Старик, вся Америка играет!

Муж актрисы. Там нет нашей бани...

Актриса. У тебя будет своя, отдельная баня!

Муж актрисы. Ты что! Я один не привык мыться... Мне с людьми надо, чтоб была куча народу... Так сказать коллектив дружный!

Актриса. Найдешь там сотоварищей. (Пауза.) Ты ж никогда за границу не был! (Вздыхает.) Ну, поедем? Можно сказать, только сейчас жить начинаем! Ну?...

Муж актрисы. Круглый год теплота, говоришь...

Актриса. Хоть бы глазком поглядеть, как настоящие люди живут!

Муж актрисы. Ну...

Актриса. Ну?!

Муж актрисы. Ну...Разве глазком...

Конец первого действия

Действие II

Картина восьмая.

Голливуд.

Большой дом. В окне побережье Тихого океана. Летают чайки.

У окна стоит полураздетый муж актрисы, ноги в банном тазу, подливает из ковшика кипяток, мылятся.

Муж актрисы. Что за вехотка? Всю спину исшоркал... (Моется.) Тоже мне Голливуд... Помыться и то негде! (Громко зовет.) Старух, а старух! Ты дома?! (Эхо, молчание.) Тишина. Значит еще не вернулась с работы. (Мылится.) Что говорить, живем роскошно. Большой трехэтажный домина... (Моется.) Только вот поболтать даже не с кем, тараканов и тех нет. (Обливает веник кипятком, хлещет себя.) Пальмовый веник — хороший, душистый... Правда, потом макакую пахнешь... (Выливает на себя воду, фыркает.) Не пойму я местный народ. Они в баню не мыться, а отдыхать ходят. А я, дурак, приперся со своей шайкой. У них тут нет ни мужских ни женских отделений. Все вместе. Таков закон. Поначалу мне было как-то неловко, а потом пообвык, осмелел. Мылось, вдруг чую: меня окружают. Встали кружком и тихо глядят. Я говорю: «Люди дорбые, американцы, я человек простой, извините, если грязь поливаю. Мне тут еще две рубахи постирать надо». Ну я помылся, белье постирнул, гляжу: а они прямо в бане голышмя киноленту снимают! (Одевается.) Что за люди? Одно кино на уме!

Крик актрисы. Стари-и-ик!!! Стари-и-ик!!!

Муж актрисы. Пришла... (Натягивает штаны и рубаху.)

Крик актрисы. Стари-и-к!!! Стари-ик!

Муж актрисы. Ты где?! Я тут! (Идет по коридору.)

Зачем для двоих столько места? Заблудиться же можно! Вот вчера потерялись, три часа искали друг друга, кричали как черти в лесу. (Громко.) А-у!

Крик актрисы. Старик!!!

Муж актрисы. То ли дело на квартирной Руси: теснота, до кровихи лбами спшибались и были довольны! А тут трехэтажный домина, пока по нужде добежишь... А-у!!!

Крик актрисы. Стари-и-ик!!!

Муж актрисы. А-у!!!

Сталкиваются в холле. Глаза актрисы заплаканы.

Муж актрисы. Привет... Рано сегодня... Случилось чего?

Актриса. Случилось! Пока ты тут спишь, меня к срамоте принуждают!..

Муж актрисы. Кто?

Актриса. Пошляки! Разпутники! Хулиганы! Я вам не продажная девка! Я — артистка!.. Я приехала в кино сниматься!

Муж актрисы. Стряслось чего?..

Актриса (плачет). Ты видел, чтоб Любовь Орлова в кино без штанов играла?

Муж актрисы. Нет...

Актриса. А меня принуждают! «Разденьтесь, — говорят, — мы уже снимаем». Да я перед мужем родным и то всю жизнь в крошечной темноте. А тут — зеваки стоят, яркие лампы сверкают... Вы что, обалдели совсем?! (Пауза.) Ну я понимаю: слова нежные, обняться там, к герою плечиком прижаться, ручку погладить... Ну поцелуй на крайний случай... И то, только один, когда в самом конце! Вот это кино про любовь! Я понимаю. А тут... Тьфу! ... Срамота! (Плачет.)

Муж актрисы. Сама Америку хотела.

Актриса. Старик, ты очумел?! А кто меня привел в артистки?..

Муж актрисы. Сама просила...

Актриса. Дурак, твоя идея! Я бы в жизнь не догадалась! (Плачет.) Идиот, такой баран, лопух... Вечно мне с тобой одни несчастья... Такой разврат!.. До гроба жизни не забуду!

Муж актрисы. Ну и дела... (Задумчиво.) Глядишь, еще день тут поживем, и обоих заставят сниматься... (Пауза.) Нет уж, старуха, давай-ка быстрее чемодан! Будем в Россию обратно собираться!!!

Быстро собирают вещи. Сталкивают все в чемодан, быстро уходят.

Приглушенный звук (кто-то икает). Йык... Йык... Йык...

Актриса и муж осторожно оглядываются, видят под стулом банный таз. Из мыльной воды выглянула рыбка голова.

Муж актрисы. Откуда она здесь?..

Актриса. Не знаю... Видишь, мыла наглоталась...

Рыба (пускает изо рта мыльные пузыри). Помогите... Я исполню любое ваше желание...

Муж актрисы. Как же так... Мы чуть шайку мою не забыли!

А к т р и с а. Помолчи. Надоел... (Слушает рыбу.)
 Ры б а (тихо). Любое желание... Помогите... Любое... Любое... Йык...
 М у ж а к т р и с ы. Старуха, давай загадаем, чтобы в России на соснах бананы росли...
 А к т р и с а. Какие сосны?! Дурак, отойди!...
 Муж отходит.
 А к т р и с а (тихо, рыбе). Рыба, я не хочу быть артисткой, это все он! Видишь, стоит — дурак дураком... Я всю жизнь из-за него мучаюсь... Я хочу, чтобы он наконец-то поумнел... Понимаешь? Я хочу умного мужа! Такого умного, чтобы... Умней всех людей на Земле!
 Ры б а. «Умней всех людей на Земле».
 А к т р и с а. Хорошо, ладно?
 Ры б а. Будет. Ждите. (Тяжело дышит.) А теперь помогите... (глотает мыльную воду). Йык... Йык...
 Актриса берет таз с рыбой, муж — чемодан, уходят.

Картина девятая.

Спустя три недели. Все та же квартира. Стол завален книгами.
 На стуле сидит близорукий ученый с бородкой, читает. Входит жена ученого в пестром, нарядном платье.
 Ж е н а у ч е н о г о. Какой ты у меня умница... (Гладит ученого по макушке.) Целыми днями книжки читаешь...

Погляди, я новое платье купила.
 У ч е н ы й. «Умбра» — отвратительный цвет. (Читает.)
 Ж е н а у ч е н о г о. Тебе не нравится?..
 У ч е н ы й. «Нравится — не нравится», все субъективно. Существует вкус эстетический, как способность отличать прекрасное от безобразного.
 Ж е н а у ч е н о г о. Ах вот как, значит я тебе безобразна?!
 У ч е н ы й. Всякое суждение строится на гипотезах, как единый субстрат. Чтобы данный дискурс не выглядел многословным, предлагаю закончить обширную полемику.
 Молчание.
 Ж е н а у ч е н о г о. Сходим вечерком на танцы?..
 У ч е н ы й (читает). М-м?.. Что?
 Ж е н а у ч е н о г о. Пойдем на танцы?
 У ч е н ы й. Послушай меня. Танцы — это самый сложный вид искусства, где позы нашего тела поэтически осмыслены, организованы во времени и пространстве и составляют некую единую художественную систему! Не знаю, как ты, а я не способен на это. (Читает.)
 Ж е н а у ч е н о г о. Целыми днями читаешь, можно загнуться от скуки...
 У ч е н ы й (читает). Что?..
 Ж е н а у ч е н о г о. Читаешь, говорю, целыми днями! Ослепнуть можешь!

«Праздник в деревне», художник Александр Вохменцев.

Ученый. Да, в самом деле... (Откладывает книгу.)
Давай развлечемся. Где наши шахматы?

Жена ученого. Опять... Ты же знаешь, я не умею.

Ученый. Пустяки, я один за двоих поиграю. (Расставляет фигуры, играет сам с собой.)

Жена ученого. Старик, а старик...

Ученый. Дебют... Гамбит... Комбинация Розеншталя...

Жена ученого. Слышишь меня?

Ученый. М-м?.. Что?.. (Играет сам с собой.) Помолчи, не мешай! Блокировка... (То и дело переворачивает доску, быстро и ловко переставляет фигуры, как фокусник.) Раз... Два... Шах и мат! (Жене.) Поздравляю, ты опять проиграла.

Жена ученого. И давно ты так поумнел, старик?

Ученый (записывает шахматные ходы в тетрадку). М-м?.. Что?..

Жена ученого (громко). Три недели как поумнел, вот козел старый!..

Ученый (протирает очки). Ты по-прежнему настаиваешь на своей антинаучной теории, что я был стариком? Пусть так. Предположим. Но тогда, исходя из твоих абсурдных утверждений, объясни, каким образом я радикально помолодел?! Только не надо мне сказочной утопии... Объясни кардинально научно!

Молчание.

Ученый махнул рукой, садится за стол, смотрит в микроскоп, делает записи.

Жена ученого. Может, кофе?

Ученый. М-м?.. Что?

Жена ученого. Кофе хочешь?!

Ученый. Я работаю.

Проходит время. Жена ученого по-прежнему смотрит на мужа, а тот в микроскоп:

Жена ученого. Дак я кофе принесу?

Ученый. Что?..

Жена ученого. Кофе принесу, говорю?!

Ученый. Нет, спасибо... Я работаю...

Жена ученого. С сахарком?

Ученый. М-м?.. Что?.. (Вдруг в микроскоп, неистово.) Кто мог подумать?! Потрясающий эффект!.. Я совершил переворот в науке!!! (Жене.) Иди, посмотри!..

Жена ученого (подходит, смотрит в микроскоп, брезгливо). Кто это?

Ученый. Моль. Насекомое.

Жена ученого. Фу-у, какая гадость...

Ученый. «Наука всегда прекрасна». Это еще Бойль-Мариотт говорил... А я совершил глобальный прорыв! (Пауза.) Я клонировал моль. Точней, ее биомассы.

Жена ученого (тошнит). Зачем?!

Ученый. Дилетантский вопрос! С точки зрения теории вероятностей мою новую популяцию насекомых можно применять в широчайших областях. Например: медицина, общественное образование, школьное питание, но самое главное...

Жена ученого. Дурак! За этим столом мы едим!.. (С омерзением хватает со стола склянку и микроскоп, выбрасывает в окно)

Пауза. Ученый в шоке.

Ученый (сдерживая ярость). Знаешь, ты кто?! Ты — масса покоя частицы, помноженная на скорость света в вакууме!!!

Жена ученого (обомлев). Как ты меня назвал?! А ну, повтори!

Ученый. Невежа... Плебейка... Молекула...

Жена бьет мужу пощечину. Очки ученого летят в сторону.

Ученый. Варвар... Что ты наделала?

Жена ученого. Так тебе и надо. За две недели хоть бы разочек глянул на меня... Сраный ученый. А я вокруг юлой и так и этак: «Птенчик, хочешь кофе? Хочешь чай?» Как идиотка наряжалась, «химию» сделала... Нашелся, тоже мне, «интеллигент»! (Пародирует мужа.) «М-м?.. Что?» Родной жене ни капельки внимания, ни говоря о крохотной любви!

Ученый. Разве это любовь?!

Жена ученого. Молчи, одни микробы на уме!

Ученый. Жена ученого должна любить науку! Вспомни жену Дарвина, она сделала все для теории мужа! А ты даже в шахматы играть не умеешь! О чем вообще с тобой говорить?! Стоит тут, два класса образования!... И это моя жена! Жена без пяти минут лауреата Нобелевской премии!.. Позор! Стыдоба!

Жена ученого. Ну и ладно! Я теперь молодая! Найду мужа современного, молодого... Уж получше тебя — барахла!

Звонит телефон.

Ученый. Закрой свою ротовую полость! Хватит мне гадости говорить!.. (Снимает телефонную трубку, слушает.) А?.. Что?.. Алло?... Да, это я... Как? Это правда? Благодарю вас... Когда? (вешает трубку, рассеянно жене). Можешь поздравить меня, я только что стал лауреатом Нобелевской премии... (Пауза.) О чем мы только что говорили?.. Ах, да... Все! Прощай! Я ухожу от тебя! Я ничего с собой не возьму! Где мои шахматы?! (Берет шахматы, чемодан, хлопает дверью, громко.) Да здравствует наука!!! Ура!!! (Уходит.)

Жена ученого. Свинья... (Плачет.) Ну зачем же он так?.. Я всю жизнь угробила на него... А он просто взял и ушел, бросил меня как собачонку... (Плачет, открывает окно, выбрасывает книги, кричит.) Проваливай к черту!!! Зазнайка! Найдем в сто раз лучше!!! Ага!

Картина десятая.

Та же квартира. Спустя три недели.

На столе открытая бутылка красного вина и роза.

Жена (кричит кому-то в прихожую). Позорник бесстыдный!.. (Подбирает с пола разодранные мужские брюки, бросает в открытую дверь.) Да как ты мог подумать такое?! Чтобы я?! С первым встречным?! Тыфу! Чтоб тебя!!! (Захлопывает входную дверь, закрывает на замок, тяжело дышит). Нахал... (Возвращается в комнату, садится, переводит дух.) Люди добрые, не успел парень придти в гости к девушке, как штаны уже снимает! Это что за любовь нынче такая?! До чего докатились! Я к таким номерам не привыкла! С девушкой надо подружить, походить пару

годики! Потом через год расписаться! А уж потом когда-нибудь все остальное... Вот так у нас со стариком любовь делалась! А это что?... Охульник! Похабник! (Берет со стола розу, ломает). Вот тебе! Вот тебе! (Заталкивает розу в мусорное ведро, которое и так до краев забито завядшими цветами).

Садится за стол, достает из рук занозы.

Ж е н а (от боли на глазах выступают слезы.) Так больно, силушек нет... (Выщипывает занозы.) Не пойму я ношеию молодежь! Она теперь какая-то чудная... Девчонки танцуют с девушками, парни — с парнями... В клуб ихний придешь — все трещит, все сверкает... Вместо патефона голые негры скачут... Раньше вальс танцевали в нарядных рубашках. А сейчас трясут нагишом, «умца-умца» одно... (Вздыхает.) Скромная девушка лучшей невестой считалась, а теперь надо задом вихлять... (Пауза.) Вот тоже на днях вроде с приличным парнем познакомилась... В больших чувствах клялся. Как люди сидели в кино, как люди по парку гуляли... Пошел меня провожать, вошли в подъезд... И начал ртом хулиганить!.. (Плачет.)

Телефонный звонок.

(Снимает трубку.) Да?! Кто это?! Генрих?... Какой? Я сказала, нахал, не звоните мне больше! (Бросает трубку, устало) Да, нелегко... (Смотрит на старое свадебное фото на стене, снимает, ставит перед собой.) Три недели прошло, а кажется — вечность. (Говорит фотографии.) Ну что, стоишь? Доволен?... Видал, все ухагеры дарят мне розы... А ты за всю жизнь цветочка не подарил! (Смотрит на фото.) Пропал, и с концами. Все бродишь где-то в науке... Небось забыл про меня... Ходишь наверно грязный, бесхозный... Растяпа, 33 несчастья... Кто с тобой нянчиться будет, как я? (Пауза.) Может стряслось чего?... (Фотографии.) Я тебе никогда не говорила, а сейчас скажу... (Пауза.) Старик, ты — самый, самый, самый лучший на свете. Слышишь меня? Родненький мой, возвращайся, пожалуйста... (Молчит, вытирает слезы.)

Телефонный звонок.

Ж е н а (быстро снимает трубку). Алло?... Да?... Справочная?... Да, я справку заказывала!.. Я мужа потеряла!.. Он самый главный ученый!.. Самый умный человек на земле!.. Что?... Не существует такого?... Как?... Как?

Короткие гудки.

Жена сидит за столом, долго смотрит в одну точку. Наливает вино, залпом выпивает, плачет.

Где-то совсем рядом слышится бульканье и тихий смех.

Жена смотрит по сторонам, с удивлением видит — в бутылке плавают что-то. Встряхивает вино.

Р ы б а (из бутылки, пьяным голосом, язык заплетается). Чего вы хотите? Отпустите меня... Я исполню любое ваше желание...

Ж е н а. Опять она! (Трясет бутылку.) Что ж такое... (Пытается достать рыбу из горлышка, не получается.) Сейчас... Сейчас... (Оглядывается по сторонам, подходит к батарее, разбивает бутылку. Находит в осколках стекла рыбу, берет в руки.) Живая?... (осторожно гладит рыбу).

Р ы б а (открывает глаза, трезвым голосом). Где я?

Ж е н а. Узнала меня? Это я. (Пауза.) Не хочу быть молодой... Ничего не хочу!.. Ничего! Только бы старик

назад вернулся! Слышишь?

Р ы б а. Ничего не хочешь? Только бы старик назад вернулся? Хорошо. Будет.

Ж е н а. Ты уж не забудь, милая...

Р ы б а. Не забуду, отпустите.

Жена идет в уборную, бросает рыбу, спускает воду. Возвращается старухой.

Садится у окна, ждет. За окном медленно темнеет.

Картина одиннадцатая.

Следующий день. Раннее утро. Старик в пиджаке и галстуке стоит у кровати старухи.

Ст а р у х а (просыпается, сонно). Проснулся? Чего так рано?... (Смотрит.) Ты чо это вырядился?

Ст а р и к (улыбается). Вставай-ка, хватит дрыхнуть. Проспишь.

Ст а р у х а. Цветешь прямо, весь улыбаешься... Случилось чего?

Ст а р и к. Вот. (Достает маленький букетик цветов, дает старухе.)

Ст а р у х а. С чего это вдруг?

Ст а р и к. Склероз? Забыла?

Ст а р у х а. Что?..

Ст а р и к. День рожденья у тебя!

Ст а р у х а. Ну?!

Ст а р и к. Ну.

Ст а р у х а. Закрутилась совсем... (Быстро встает, ищет тапок.)

Ст а р и к. Ты куда, торопыга?..

Ст а р у х а. Дак одеться надо... К празднику пожевать приготовить.

Ст а р и к. Старуха, не надо, уймись.

Ст а р у х а. Это как это... (Пауза.) Стой, чем так вкусно пахнет?..

Ст а р и к. Я пирог с рыбой приготовил.

Ст а р у х а. Сам???

Ст а р и к. Сам.

Ст а р у х а. Да врешь поди. И что, не пригорело?..

Подходят к столу.

Ст а р у х а (смотрит на пирог). Чудеса...

Ст а р и к. И чай, гляди, заварен.

Ст а р у х а. Да-а.

Пьют чай, режут пирог, едят:

Ст а р и к. Тебе не горячо?

Ст а р у х а. Нет. А тебе?

Ст а р и к. Мне — в самый раз.

Ст а р у х а. Очень?

Ст а р и к. Очень. (Пауза.) Ешь осторожно, костями не подавись.

Ст а р у х а. И ты тоже.

Едят.

Ст а р и к. Вкусно?

Ст а р у х а. Вкусно. А тебе?

Ст а р и к. И мне.

Ст а р у х а. Поперчу, хочешь?

Ст а р и к. Поперчи. Может, тебе еще пирожок отрезать?

Ст а р у х а. Отрежь с краю. И себе возьми.

Старик. Вот, для тебя самый румяный.
 Едят.
 Старуха. Ешь аккуратно, на пол не роняй.
 Старик. Ем, не роняю.
 Старуха. Роняешь, вон под стулом уже...
 Старик. Это не мое.
 Старуха. А чье?
 Старик. Не знаю...
 Старуха. Как же ты не знаешь, если прямо под тобой лежит?!

Старик. У меня нет такой манеры — свинячить.
 Старуха. Молчал бы! Каждый раз за тобой выгребаю.

Старик. Вранье!
 Старуха. Я поражаюсь... Сидит, и нагло, как ребенок, отпирается!
 Старик. Это не я!
 Старуха. Ты!
 Старик. Нет!
 Старуха. Все! Замолчи, а то поругаемся...
 Едят, молчат.
 Старик. Едим чего-то, молчим, как сваты на похоронах.

Старуха. Дак именинницу никто не развлекает! Сплясал бы чего, ногами подрыгал...

Старик. Я не артист балета, чтобы на полный желудок плясать... (Пауза.) Слушай, мне сегодня сон приснился... Чудной до чего. Снится мне, что я самый умнейший на земле человек, и меня награждают большой премией. Как она, Мебелевская что ли?.. И вот, я сажусь в карету и еду тыщу верст за деньгами. Приезжаю... Меня встречает сам шведский король, сажает, чаем поит, я про деньги, а он говорит: «Э, брат, тут еще есть одна загвоздка. Чтобы получить Мебелевскую премию, ты должен окончательный выбор произвести. Выбирай, что тебе важнее: слава и деньги или старуха твоя». Я подумал, прикинул... Слава пройдет, деньги закончатся, а старуха... она — одна у меня навсегда.

Старуха. Ерунда какая-то...
 Старик. Да.
 Старуха. Поумней ничего не приснилось? Ну вот, например, что у нас куча детей?
 Старик. Нет...
 Старуха. Почему?
 Старик. Не знаю... Сны не кино по заявкам. Сны сами выскакивают.
 Старуха. Вечно все у тебя так.
 Старик. И потом, детей ты сама не хотела...
 Старуха. Кто?! Я?! (на глазах появились слезы).
 Старик. Да если бы ты их очень хотела, они бы появились как-нибудь...
 Старуха. С чего?! Дурак! Да дети от нежности появляются! А у тебя все «как-нибудь»! (Плачет.)
 Молчание.

Старик. Старух...
 Старуха. А?!

Старик. Ты же знаешь, я...я человек стеснительный...
 Впрочем...я...я тебе... Чудно, всю жизнь прожили вместе, а я еще не говорил... Впрочем... Ты самый дорогой мне человек... Я очень рад, что мы прожили эту жизнь вместе!

Старуха. Спасибо.
 Старик. Тебе — спасибо.
 Старуха. Не за что.
 Стоят молча, прижавшись друг к другу.
 Старуха. Старик, а старик...
 Старик. Чего?
 Старуха. Не чевокай. Спросить хотела...
 Старик. Ну?
 Старуха. А вот если бы у нас были дети, ты бы любил их?

Старик. Понятное дело. Мы бы их в ванне шампунем купали...
 Старуха. А я бы фартучки им шила, в школу водила...
 Старик. А я бы в домино играл с ними.
 Старуха. Две девочки и четыре мальчика.
 Старик. Нет, зачем? Четыре девочки и восемь мальчиков.
 Старуха. И все умные, как ты.
 Старик. А когда бы выросли, мы к ним в гости ходили и подарки дарили.
 Старуха. Да.
 Старик. Да.
 Старуха. Да-а...
 Старик. Да-а...
 Грустно молчат. Протяжный, печальный звук.
 Старуха. Что это у тебя живот так журчит?
 Старик. Не знаю...
 Старуха. Дай-ка послушаю... (Прикладывает ухо к животу старика.) А теперь бурлит... Внизу, верху, опять внизу... Расслабь кишки. Встань прямо.
 Старик (испуганно). Стою... Чего там?
 Старуха. Молчи! (Слушает.) Оно говорит... Говорит!

Глухой крик (из живота старика). Эй!.. Есть кто?! По-мо-ги-те!

Старуха. Пирог с чем был?..
 Старик. Кто?..
 Старуха. Пирог!..
 Старик. С рыбой...
 Старуха. А ну, становись поперек! (Старуха нагибает старика, толкает в бок.)
 Старик. Ой, больно!..
 Старуха. Терпи... (Сажает старика на стул животом, толкает.) Нагнись...
 Старик (нагибается, приседает, хохочет). Щекотно внутри... Она прыгает!..
 Старуха раскачивает старика, пытается вытолкнуть из

живота рыбу, не получается.

Старуха. Становись на голову... Смелей, смелей!.. Башку не сверни! Я ноги держу...

Старик прислоняется к стене, кричит, с огромным трудом встает на голову, старуха держит его ноги, трясет. Из штанов сыплется мелочь.

Изо рта старика выпрыгивает рыба. Старуха поднимает рыбу, старик встает, тяжело дышит. Оба смотрят на рыбу, переводят дух.

Старик. Ну, старуха, давай, говори...

Старуха. Рыбка, мы хотим ребенка...

Рыба. Сколько?

Старуха. Хоть бы одного.

Старик. Мальчика!

Старуха. Девочку!

Старик. Лучше мальчика, мужик все-таки!

Старуха. Мальчика!

Рыба. Хорошо. Будет.

Старуха. погоди, рыбка... Еще такая просьба... Сама понимаешь, ребенок не кошка, его долго растить надо, а мы люди уже пожилые... Можем не успеть поднять. А нам бы еще так хотелось его свадьбу увидеть, на счастье его

посмотреть. Пускай наш сыночек уже будет взрослым! (Пауза.) Можно?

Рыба. Можно.

Старуха. Правда?!

Рыба. Ага.

Старуха. Эх, милая, как мы тебе благодарны... (вытирает слезы). Прямо не знаю, как... Пойдем на волю, пойдем на реченьку...

Старик и старуха бережно уносят рыбу.

Сцена двенадцатая.

Спустя три недели. Та же квартира. Старик и старуха сидят молча.

Старуха смотрит в одну точку.

Старик. Кушать хочешь?

Старуха. Нет.

Молчание.

Старик. Может, скушаешь печенье?

Старуха. Нет.

Молчание.

Старик. Давай, я кашки наложу.

Старуха. Нет.

«Праздник в деревне», художник Александр Вохменцев.

Молчание.
 Старик. С голоду помрешь...
 Старуха. Пускай помру.
 Молчание.
 Старуха. Как же так? Родненький сын и на свадьбу не пригласил?
 Старик. Оно всяко в жизни бывает.
 Старуха. Всяко — не всяко, а родителей мог бы позвать! Раз в жизни такое.
 Старик. Да.
 Старуха. И невестку мы даже не видели. Хоть бы дал фотографию. (Пауза.) Ты ходил к ним туда, где невестка живет?
 Старик. Ходил.
 Старуха. Ходил?! А что молчишь?!
 Старик. А что рассказывать...
 Старуха. Да хоть что! Какая невестка, кто она из себя, когда будут внуки? (Пауза.) Ты сказал Лешеньке, что мать волнуется, извелася вся, очень ждет звонка...
 Старик. Сказал...
 Старуха. И что?
 Старик молчит.
 Старуха. Наш Лешенька не болеет?
 Старик. Здоров еще как. На порог не пустил.
 Старуха. Как?!
 Старик. Так.
 Старуха. Видно, это... занят был. Надо им варенье отнести. Лешенька сладкое любит.
 Старик. Да я спросил. А он говорит: «Папа, засуньте свое варенье себе...»
 Старуха. Куда?
 Старик. Не помню слово, на букву «А» начинается...
 Молчание.
 Старуха. Скучаю я шибко... Сил нет. Сыночек у нас вышел такой стройный, умный, красивый... А, старик?
 Старик. Да-а-а, три недели прошло: ты -мать, я — отец, и все еще не верится.
 Молчание.
 Старуха. Слушай! А может, молодые к нам жить переедут?.. Они на кровати, мы на раскладушке.
 Старик. А что?.. Места всем хватит! (Пауза.) И чо мы раньше не догадались?
 Старуха. Растяпа ты у меня, горе луковое... Значит, так, будем все вместе жить, а внуки родятся — станем няньками. Я знаю: Леша согласится, и невестку уговорим.
 Старик. Они, кстати, хотели в гости зайти, попрове-
 дать нас.
 Старуха. Когда?
 Старик. В субботу.
 Старуха. Дак это седня уже! Что ж ты молчишь, старый?! Надо стол накрывать!
 Суетятся, накрывают на стол.
 Старик одевает свежую рубашу, старуха — праздни-
 чное платье.

Волнительное ожидание: сидят, ждут, старик пригла-
 живает волоски на голове, старуха поправляет брошь на
 платье.
 Пауза.
 Звонок в дверь.
 Старики вскакивают, быстро идут к двери, открывают
 с улыбками.
 Старуха. Сыночек!...
 Старик. Здравсьте вам!
 Голос молодого человека. Здравсьте...
 Голос девушки. Здравсьте...
 Пауза.
 Старуха. Что ж вы? Проходите!.. (Распахивает
 дверь).
 Пауза.
 Голос молодого человека. Папик, выйди,
 поговорить надо.
 Старуха. Лешенька, что ж вы на пороге? Пройдите
 же!
 Пауза. Никто не входит.
 Голос молодого человека. Папик, разговор
 есть...
 Старуха. Лешенька... Да что вы как чужие?.. Ей
 богу, странно... Доченька...Сыночек...
 Голос молодого человека. Выйди...
 Старик. Лешенька...
 Голос молодого человека. Выйди, сказал.
 Старик и старуха непонимающе переглянулись, старик
 выходит на лестничную площадку.
 Старуха. Лешенька... (хочет выйти следом за стари-
 ком, берется рукой за дверной косяк).
 Дверь резко с силой захлопывают.
 Старуха(кричит от боли). Ай! Руку!.. Руку!!! Руку!!!
 Лешенька!!!
 На лестничной клетке мат и тяжелый грохот.
 Тишина.
 Дверь отпускают. Быстрые шаги вниз.
 Старуха сидит на полу в прихожей, поджала под себя
 распухшую руку, стонет.
 Пауза.
 Входит старик, лицо в крови. Наклоняется к старухе.
 Старик. Что?!
 Старуха. Рука... Больно...
 Старик бережно поднимает с пола старуху, несет в ком-
 нату, кладет на кровать.
 Старик(смотрит руку старухи). Заживет... Ничего...
 (Осторожно бинтует полотенцем). Потерпи...
 Долгое молчание.
 Старуха. Что это было?
 Старик молчит.
 Старуха. Что это было?..
 Старик молчит.
 Старуха. Что это было?!!
 Старик молчит.

Старуха. Сыночек... Сыночек...

Старик. Он, значит, это... справку принес от Судебного органа, и... Сказал, что мы должны валить из этой его квартиры... Велел долго не думать, дал 24 часа...

Молчание.

Старуха (смотрит на ссадины на лице старика). Лицо у тебя... И тут под носом... Давай зеленкой прижгу. (Плачет, вытирает кровь). В кого он такой жестокий?..

Старик. Детей воспитывать надо.

Старуха. Да Бог с этой квартирой, пожилы свое, не жалко. Сыночек, отдали бы так...

Старик. Он сказал, что разделит нас на две половины: меня сдаст на дурку, а тебя отправит в дом стариков. Так вот. (Пауза, смотрит на руку старухи.) Шибко больно? Завтра врача позову.

Старуха. Рука — ничего. Сердце больно.

Старик дает старухе таблетки.

Старуха. Куда же мы пойдём...

Старик. Ничего, утро вечера мудренее.

Старуха (вытирает слезы). Мы же так его хотели!

Пауза.

Старик. Все, все... (Успокаивает старуху). Закрой глаза, уснешь, может, а я рядышком посижу...

Старуха закрывает глаза.

Старик сидит.

Ночь.

Старик видит под ногами рыболовную леску.

Смотрит, вся комната опутана леской. Старик идет, сматывает леску, ищет конец. Леска тянется за окно. Старик пыхтит, изо всех сил тащит леску на себя. Не поддается. Старик дергает леску, на другом конце рыбок такой мощи, что старик мгновенно вылетает в окно, и пропадает с леской в небе.

Картина тринадцатая.

Утро. Долго звонит телефон.

Старуха (сквозь сон). Старик... Старик... Трубку возьми, слышь...

Звонок замолкает. Старуха протирает сонные глаза. Оглядывается.

Старик, ты где?.. (Встает.)

Пауза.

Ты где?..

Медленно идет по комнате, останавливается.

Ты где?..

Пауза.

Ушел? Или что?..

Пауза.

Что?..

Пауза.

Сон? (Смотрит по сторонам, все вещи на прежнем месте.)

Пауза.

Сон все??? (Закрывает глаза, садится на кровать). Молчание.

Фу-ты, ну ты... Приснится же... Вернулся старик с того свету... И артисткой я была, и молодой, и всякой разной... (Смеется, разводит руками). Делов-то. Приснилось!

Идет на кухню, ставит на плиту чайник, долго глядит на огонь. Вспоминает что-то, тихо смеется.

Возвращается в комнату, смотрит на фотографию.

Сны, брат, дурацкая штука. Спишь, видишь Тридевятие царство, а потом как дурак просыпаешься... Глазами хлоп-хлоп, руками хват-хват, а чудес как не бывало!

Долго молчит. Берет тарелку, ест.

Селетка, килька говорящая... (Жует, качает головой, вдруг видит на оберточной бумаге буквы, расправляет, читает). «Доброе утро, старуха! Я стал летчиком-космонавтом! Сейчас ночь, я улетаю, писать некогда. Тут чо говорят: на небе появилась новая звезда специально для нас. Там будем жить с тобой как ангелы вдвоем. И еще говорят: там счастье одно и любовь. Слетаю, проверю обширно. И сразу вернусь за тобой. Гагарин вот опять говорит, что на небе микробов не любят. Поэтому одень все чистое. Последняя новость: смерть придумали астрономы. Так что, старуха, для нас смерти нет! Собирайся, не мешкай. Как доберусь, позвоню».

Дочитывает, суетится, собирает вещи.

Старуха. Космонавт... Улетел на босу ногу... Растяпа.

Находит чемодан, складывает туда альбом, фотографию со стены.

Заболело сердце, садится, глотает таблетки. От волнения не находит себе места, встает, ходит из угла в угол, болит сердце, снова садится в кресло.

Резкий телефонный звонок.

Старуха (покачнувшись от неожиданности, замирает). Старик?!...

Звонит телефон.

Старуха (радостно). Старик... (Хочет встать, не может.)

Звонит телефон.

Старуха задыхается от боли в сердце, крепко вцепилась руками в подлокотники кресла, с трудом поднимается, делает шаг, устояла на ногах.

Иду я... Старик... Иду...

Идет к телефону медленными, мелкими шагами, переводит дух.

Прихватило... Как оно... Видишь... Сейчас я... (Делает шаг, еще, глотает воздух).

Звонит телефон.

Старуха. Старик... (не может вздохнуть, с трудом делает шаг). Смерти же нет... Для нас... Я иду.

Темнота.

Звездное небо.

Одна из звезд мерцает.

Занавес.

Елена ШУКАЕВА

33 года. Родилась и живу в Екатеринбурге. Окончила заочно в 2001 году филологический факультет УрГУ, во время учебы работала кондуктором в трамвае, о чём свидетельствуют некоторые стихи. В настоящее время ищу себе другое применение.

* * *

Меня, наверное, с юга ждали,
А я внезапно нагрюну с норда.
Я — хлёткий ветер из синей дали,
И ваш уклад отвергаю гордо.

По нраву мне путевые были,
Но избегаю дворцов и башен;
Напрасно форточку вы открыли,
Ещё теснее мне в доме вашем.

И вот я рябью бегу по лужам
И в трубах вою, как пёс голодный:
Кому я нужен? Кому я нужен?
Кому ж я нужен, такой свободный...

* * *

Когда решусь открыть свой лик,
Увижу, что меня не ждали;
Здесь обитает мой двойник,
А я при нём, как тень, в опале...

Жить поздно, рано умереть,
И дух томится на приколе;
Здесь только мутная Исеть,
Но не уплыть, и нету воли.

Здесь груб и не устроен быт,
Под тяжестью врастаю в землю;
Но связан быт с глаголом «быть»,
И значит, я его приемлю...

* * *

П. 3.

К тебе я тайно прилечу,
Тоскуя по желанной весте,
Легонько прикоснусь к плечу,
Ревнуя к свитеру из шерсти...

И стану тенью на стене,
Почти гордясь такою ролью,
И вострепёшься ты невольно,
Готов спешить навстречу мне,

А тень метнётся — и замрёт,
Твой жест копируя вслепую;
Но кто-то третий вдруг войдёт,
И вместо свечки тень задует...

* * *

И что теперь? Кому кричать: «Не тронь!» —
Когда и так никто не потревожит?
Всё потому, что мы с тобой похожи:
Две рукавицы — на одну ладонь...

* * *

Может, просто дело в погоде,
Эту ночь словно пьёшь из блюдца.
Если сон ко мне не приходит,
Значит, я не смогла проснуться.

Словно акт слепой милосердия,
Словно южный цветок капризный,
Сон, длиною до самой смерти,
Сон, ценою в остаток жизни.

* * *

Проплывать в карусельной чашке,
Да не знать ни рубля, ни метра.
С крыши башни — многоэтажки
Приручать все четыре ветра.

К Самому заглянуть в палатку,
Иль на Млечной дорожке встретиться,
И Творцу подсказать отгадку,
Совместив половинки месяца.

И заплакать в траве отзывчивой,
Зазвучав, словно ноты в песне,
Чтобы нам, таким половинчатым,
Хоть во сне просыпаться вместе...

***

В чаще леса поселилась тоска,
Там последняя волчица живёт,
Завести бы ей, волчице, щенка,
Только норов у волчицы не тот.

Так случилось — не нужна никому,
Роковой своей тоски не тая,
Ходит, воет по ночам на луну
Одинокая волчица... моя.

***

Приходи, убедись наяву:
Стоит только вспорхнуть ресницами —
На таком этаже я живу,
Что встречаюсь глазами с птицами,

Если выйти глазеть на балкон,
На спешащих в рассвет прохожих.
Это обморок или же сон,
Это я, или кто-то похожий?

Шаг до неба всего-то лишь, но
Не исполнилось что-то важное...
Забирается небо в окно,
На столе — облака бумажные...

И кровавый прибой в ушах —
Между птичьими междометьями,
Тошнотворный кайфовый страх
Перед высью, судьбой, столетьями...

***

От чьей-то машины — скользящего света полоски,
И хоть ненадолго, пробита ночная броня;
С какой это стати ночные закрыты киоски?
И скомкан в кармане червонец, ненужный, как я.

Ночная прогулка... Зима, и собаки не лают,
Никто не звонит, и не ждёт у железных дверей.
И беды проходят, и грусть иногда покидает —
Вернее бессонницы я не встречала друзей.

***

Глаза открываю за шторами мрака,
Не греет любовь, не спасают стихи,
Как призрак из детства, возникнет собака
И варежку стащит, играя, с руки.

А если прикрикну — сожмётся от горя,
И ждёт, чтобы я улыбнулась опять;
А мне бы — добиться, открыть, переспорить,
И всё переделать, и всем доказать!

А мне-то казалось — и этого мало,
И так не терпелось во взрослую жизнь,
Что съёжились платья, уменьшилась мама,
А в доме понизились все этажи.

Но всё не решится судьба, как задача,
И в ней не хватает какой-то строки,
Так долго ли мне тосковать по-собачьи
По ласке привычной хозяйской руки?

***

Спешу, не выучив урока,
Не заплатив ещё долгов,
Как хлеба, выпросить у Бога
Любви, страданий и стихов.

Значки выстраивая в строчки,
Всему придумывать резон;
Идти по звёздам, как по кочкам,
И взглядом двигать горизонт.

Там оборваться будет больно,
Где воздух вытесняет речь,
Так звёзды, вырванные с корнем,
Всегда ладони будут жечь.

Памяти отца

То водки просит, то болит,
И восемь пятниц на неделе;
Душа — пришелец, паразит
В здоровом и красивом теле!

Науки ей не помогли
Найти серьёзную причину:
Что держит около земли —
То — привязь, или — пуповина?

Кулак на стол, и не реви!
Как беглый росчерк на заборе —
Летит молитва о любви
Бутылкой, брошенной в море.

Но люди кажутся Творцу
Смешными, глупыми птенцами...
Пробить однажды скорлупу
И повстречаться с ним глазами...

Татьяна СУВОРОВА

Загадки изменений

Высокий уровень художника Геннадия Шаройкина легко виден — достаточно посмотреть на любую из его картин. Но для того, чтобы понять этого автора, нужно познакомиться со многими его полотнами. Они очень непростые и, на первый взгляд, даже противоречат друг другу. Прекрасные, спокойные пейзажи России — и змея, заглатывающая живую курицу. Вполне реальные рыбаки, едущие в автобусе — и откровенно фантазмагорическая группа гуляющих женщин... Что же их объединяет? Только одно: все картины, взятые вместе, складываются в мозаику миров, или проходящих через стадию серьезных изменений, или готовящихся к ней.

Те же пейзажи, в основном, изображают раннюю весну и позднюю осень — те периоды года, когда природа переходит к многомесячному сну или такой же многомесячной активности. В это время вода ненадолго может стать странно неподвижной — почти как лед. Грязь, снег, лужи перемешиваются, и все вместе оказывается почти непроезжей проселочной дорогой (еще один частый мотив пейзажей). В этих мирах не может быть цветенья, веселья, уверенности — и деревенские дома на таких картинах тоже далеко не добротны. В них явно обитают люди, чья жизнь неустойчива, как и изображенная вокруг природа. И не случайно, что в числе увиденных мной пейзажей нет ни одного городского — жизнь в мегаполисе гораздо более автономна, и ее резкие изменения, как правило, больше связаны с деятельностью самих людей, а не с природными переломами. Их действительно лучше всего показывать на деревенском материале... И, понятно, что в изменения эти вовлечен мир далеко не совершенный — а реальный, со всеми его плюсами и минусами.

Лица людей в период перелома... Они смазаны, глаза закрыты. Трудное время, непонятно, что придется видеть через секунду... (Полотна «Сын», «За чертой прошлого», «Спонтанная пьянка», др.). Или глаза тревожны, пропорции тел откровенно нарушены («Грани скрытого», «Кризис»). Иногда персонажи картин вообще сидят спиной к зрителю («Ксюша», «Человек с мешком»). Гамма таких картин — темные, неяркие цвета, часто почти незаметно переходящие друг в друга. Нередка легкая нечеткость очертаний окружающих предметов — при том, что выписаны они вполне достоверно, неусловно. Мир меняется, еще ничего в нем толком

не определено, не выражено. И человек оказывается похожим на него — немного нечетким, принявшим на себя ту самую смазанность, нестабильность окружающего, на которую жалуется немало наших современников.

Особенно в этом плане характерна эротическая живопись Геннадия Шаройкина. Именно в ней четче всего видны изменения пропорций — которые, судя по уровню письма художника, явно не могут быть следствием неграмотности. Женщины времен становления, когда старые законы уходят, и еще не сменились ничем новым и гармоничным, исхудалы, странны, но не отталкивающи. Просто окружающее стало менять даже человеческие тела...

И на этом фоне вполне естественно, что немало картин Геннадия уходит в область откровенной ирреальности («Духи леса», «Вот так ничего себе за клюквой сходил»,

«Спонтанная пьянка». Художник Геннадий Шаройкин.

«Странная улитка», др.). В мире перемен обычная, прозрачная вода может затягивать, как тряпина («...за клюквой»). И люди могут спать на зимних ветках (безымянная картина)... Пожалуй, последнее полотно является символом всего мира Шаройкина: неустойчивое равновесие, временность, которые распространяются буквально на все. Глядя на «Духи леса» ты уже не так уверен в том, что, идя за грибами, случайно не увидишь этих существ. И некоторых людей от такого понимания окружающего действительно тянет замкнуться в раковине — там стабильно, там ничего тебя не достанет... («Улитка».) Интересно, что именно в этих полотнах несколько меньше темных красок, смазанности. Не потому ли, что вымышленное в такое время становится нередко более реально, чем настоящее, начинает его определять и перекраивать?

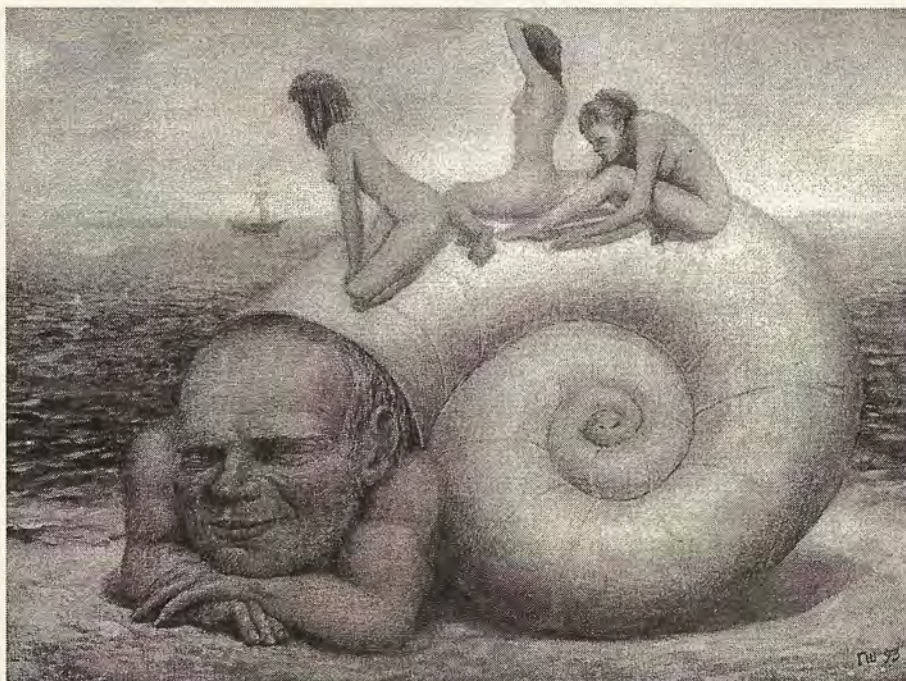

«Без названия». Художник Геннадий Шаройкин.

Еще одна интересная деталь творчества этого художника — анималистический цикл. Это вообще достаточно редкая тема в живописи, а тут, вдобавок, в качестве природы берутся свиньи, лягушки. Особенно много именно лягушек — в разных позах, в разные моменты их жизни. Земноводные, живущие на грани воды и суши и все время переходящие из одного мира в другой... Что ж, это вполне естественное дополнение к создаваемой автором вселенной.

Что еще можно добавить об этом интересном художнике? То, что он в 1959 году родился в Екатеринбурге, закончил Свердловское художественное училище им. Шадра, с 1986 года участвует в художественных выставках... Можно говорить и говорить о его биографии — но, по-моему, произведения любого творца говорят о нем много больше и много вернее, чем любая анкета, даже самая подробная. Геннадий Шаройкин говорит с нами на языке своих полотен.

То, как они воспринимаются людьми, очень сильно зависит от того, чем же является этот смутный мир перемен для каждого конкретного человека: ассоциируется ли он с деградацией, смертью — или с неуклюжим становлением нового. Сам художник не дает подсказки. Просто показывает. Как, например, в картине «Лес» можно увидеть и молодое дерево, теснимое старым — и молодое, вырастающее на месте отжившего. Это загадки мира изменений. И, вероятно, даже сам автор не знает ответа на них. Он просто рисует то, что ему интересно понять, почувствовать.

«Странная улитка». Художник Геннадий Шаройкин.

Борис ТЕЛКОВ

Полет слепых

*«Роскошен и лишнь, как палец,
Указывающий слепым...».*

Г.Оболдуев.

Засыпающий вскрикнул, испугавшись открывшейся ему темноты.

Он спрыгнул с лежанки так спешно, что кровь, едва обретшая покой, забилась о виски, как плещется вода в нечаянно задетом стакане. От неприятного ощущения он обхватил голову руками, даже зарычал, и видение небытия вновь прошло перед глазами. «Спокойно, Лохов, спокойно... Выйди на свежий воздух, и все пройдет...» — проборкотал он, уговаривая себя не волноваться. Ощупью он отыскал ледяную плоскость железной двери и винтовочно клацнул затвором замка.

Свобода встретила его ночным пейзажем городской окраины и запахом свежерезанного арбуза. «Вот и весна пришла...» — подумал он незаметно и тут же забыл об этом. Кутаясь в дряненькое пальтецо, Лохов потоптался возле торгового ларька, ожидая, когда уляжется, обретет покойное движение встревоженная кровь в его непримечательном теле. Когда-то кровь Лохова была бардовой и студенисто-густой, как церковный кагор, но годы и вечный неуют выпили это вино, а вместо него залили розовой, пресной водицы, и теперь она при каждом нервном толчке сердца больно била по вискам и норовила выброститься через ноздри. Лохов не любил это состояние себя, он даже имел дурные предчувствия, что когда-нибудь оно плохо закончится для него.

Он всегда старался не волновать себя, жить, легко перепрыгивая с камешка на камешек, но грязный, кем-то побитый зверек угрюмости, однажды заползший в него, с годами превратился в жирную, наглую скотину и, кажется, облюбовал его душу навечно. Если раньше он тайком надкусывал лишь сладкие макушки лоховских радостей и удач, то теперь хищник, урча, обгладывал даже робкие надежды.

Кроме того, зверюга отпугнула от Лохова близких ему людей: жена, едва ли не нагишом, ночью сбежала из дома, услышав, как в груди у мужа кто-то скулит и подвывает. Друзья тихо исчезли, как опадают листья с мертвого дерева.

Однажды Лохов сам проснулся ночью от странной грызущей тоски и понял, что зверь проголодался и вот-вот начнет есть его тело. Он забежал по квартире, весь в поту и ужасе, вскрикивая, бил себя кулаками по груди, желая,

если не убить, то хотя бы напугать зверя. Неизвестно, что в это время чувствовал хищник, но вскоре шевеление внутри утихло, и Лохов измождено повалился в кресло, избитый сам собою.

Растекшись по креслу, он думал о том, что каждый раз так умирять зверя он не сможет, здоровье не позволит, тогда уж лучше сразу пойти на кухню и насадить себя и хищника на один нож. Но это был хотя и верный, но не самый лучший способ избавления от приступов тоски, на его мрачном, кровавом фоне гораздо привлекательнее выглядело старинное купеческое средство — кутеж в большом городе. В два дня собрав все сбережения в кармане нового пиджака, он оставил за спиной свой провинциальный городишко, как недостойный красивой жизни.

***

Стараясь не делать резких движений, чтобы не взболтнуть кровь, уже начинавшую густеть на ночном морозце. Лохов обошел вокруг своего ларька. Заметив на его железной обшивке спешно начерканное мелом неприличное слово, он поморщился и, подойдя к ларьку вплотную, вращением локтя долго и старательно растирал надпись рукавом пальто. Свой ларек Лохов называл конурой и относился к нему по-собачьи — любя и ненавидя.

Как богатый человек, Лохов продержался в большом городе ровно три дня — на четвертое утро он отъехал прочь на пустой электричке без единого рубля в кармане. Упав на речную скамейку, пахнущую пивом, Лохов обмотал голову снятым пиджаком и тут же забылся полосатым дорожным сном.

Он слышал голоса подсевших к нему людей, хруст яблок на чьих-то зубах, нечеткие названия станций. Одновременно в его сознание, как в чулок, проскальзывали сумеречные женские бедра, гнались друг за дружкой золотис-

тые искорки шампанского, подташнивало от крутящегося диска казино.

Уже дома, на незамутненную голову тщательно и единожды перебрав вереницу ощущений, пройденную через него за эти три дня, Лохов торжественно заключил: зверь угрюмости победим — за все время, проведенное в городе, ни зверь, ни сам Лохов не вспоминали друг о друге. Значит, зверя можно вытравить из себя лишь богатой красивой жизнью, но для этого нужно было много денег.

Так на городской окраине появился железный ларек-конура, в котором Лохов продавал для аборигенов и приезжих круглосуточно водку. В свою квартиру неподалеку он забегал лишь для того, чтобы справить неотвратимости и приготовить еду. Потом, завернув горячую кастрюлю в телогрейку, относил ее к себе в ларек, как хозяин относит в миске еду сторожевому псу.

Спал он там же на старом матрасе, в основном, в дневные часы. Это было более безопасно, да и посетителей меньше. Страда начиналась с сумерек, когда закрывались винные магазины, и темные, хмельные силы начинали бродить в поисках выпивки. Лохов зажигал над узеньким, не больше горлышка бутылки, окошечком зеленый таксистский огонек. От этой крашенной лампочки в округе распространялась какая-то кладбищенская благодать, а Лохов чувствовал себя заживо похороненным в склепе.

Первое время зверь угрюмости еще беспокоил Лохова, поэтому он раз в месяц выезжал в большой город выгравливать скотину, но по мере того, как богатство Лохова прибывало, хищник как-то поутих, поджал хвост. Теперь его можно было зашугать одной лишь мыслью о растущем ежедневно богатстве.

Когда зверь угрюмости вовсе перестал покусывать своего хозяина, тот уже начал верить, что матерый хищник покинул его, вновь превратился в щенка и теперь сиротским клубком свернулся в чьей-либо доверчивой душе.

Но скотина оказалась настойчивее, чем о ней думал Лохов. Она не оставила его в покое, а лишь выжидала удобный момент, когда он расслабится. Она искала в нем новое уязвимое место. И нашла...

Однажды Лохов, около полуночи почувствовав маету и удушье, выбрался из своей конуры. Он по — привычке обошел вокруг ларька, обнюхал стены, не пахнет ли бензином — по ночам ларьки стали вспыхивать, как подбитые танки. Все оказалось в порядке, и Лохов, бросив в лицо горсть сухого черствого снега, собрался было вновь нырнуть на место, как услышал хрумканье снега под чьими-то спешащими ногами. Торговец глянул на звук: три черных силуэта приближались к ларьку. То, что это были его клиенты, Лохов определил сразу: во-первых, в такое время гулять небезопасно, во-вторых, они были радостно возбуждены, громко смеялись и постоянно дергали друг друга за рукава, в-третьих, несмотря на то, что они шли быстро, в их походке было что-то странное. Тогда Лохову показалось, что они попросту пьяны.

Торговец закрыл за собой дверь: встречать троих поку-

пателей вне железной защиты ларька было рискованно и, достав из ящика три бутылки водки, стал ждать. В эту ночь ему не везло на клиентов, и теперь он заранее радовался этим ночным посетителям. Вот голоса их уже приблизились к будке (среди них оказалась одна женщина) и вдруг начали удаляться. Раздосадованный Лохов кинулся к окошку так спешно, что едва не расшиб лоб о засов, но увидел лишь спины трех неизвестных. Его вновь поразила их походка, хотя теперь он был уверен, что все трое были трезвы: они шли, держась друг за друга и, казалось, плыли над землей. Торговец никак не мог понять, отчего у него могло возникнуть ощущение полета, ведь все трое часто спотыкались, но потом догадался: у незнакомцев были запрокинуты лица к ночному небу, как будто они держали курс по звездам.

Ночные прохожие еще не успели раствориться в темноте, как Лохов ощутил в груди знакомое шевеление. «Неужели он еще во мне?!» — испугался Лохов. Он никак не мог понять, почему хищник вновь решил напомнить о себе, ведь все хорошо, теперь денег у него столько, что он в состоянии купить себе небольшой магазинчик, и это не предел. Что же произошло?..

Зверь вновь ворохнулся, блаженно вытянулся и запустил когти в Лохова. Торговец, обхватив руками живот, согнулся пополам, опустил на топчан и стал медленно раскачиваться...

* * *

Если Лохов кого и ненавидел за всю свою жизнь настоящего, так это трех ночных незнакомцев! Они, как бумагу, скомкали его душевный покой и, может быть, даже слопали жизнь. Зверюга, как выскочивший из засады волк, рвал его душу в клочья. Лохов потерял сон, деньги не приносили радости, в ларьке он сидел лишь по привычке, часто с закрытым окошечком. Можно было бы поехать в большой город, но Лохов инстинктивно понял, что это его не спасет. Он хотел лишь одного: встретиться с этой троицей. Что он будет делать дальше, Лохов не знал. Хотелось накричать, нахамить, плюнуть в глаза, вывалить в снег, насладиться их жалкостью, может быть, даже убить, но за что? Лохов не знал, что они сделали ему плохого, и почему зверь угрюмости, дремавший в нем два года, вновь зарычал, защелкал зубами. Чем они могли разбудить его? Ведь он даже толком не разглядел их, просто три силуэта, таких прохожих за ночь он видит не один десяток, обычные люди, спешащие.. Стоп! Они — необычные, что-то в них было странное, что же... что же... Ага! вот что — ОНИ ЛЕТЕЛИ!..

Лохову повезло. Он повстречал трех незнакомцев днем, когда убирал возле ларька снег. Торговец выделил их сразу среди многих прохожих, бредущих с авоськами по тротуару. Люди их тоже сторонились, долго глядели вслед, потому что те оказались слепыми — два парня и девушка. Один из парней, что шел чуть впереди, щупал землю тро-

стью, остальные — слегка держались за него. Те же блаженно запрокинутые к бледному солнцу лица, качающаяся стремительная походка, похожая на полет. Они о чем-то говорили, как показалось Лохову на непонятном языке.

Ночью зверь угрюмости безумствовал.

Торговец катался по своему топчану, уворачиваясь от укусов, выбегал на улицу. Он матерился сквозь стиснутые зубы, называл слепых придурками и дармоедами, которые веселятся за счет трудового народа, что они притворяются слепыми, чтобы не работать и не служить в армии, девушку называл проституткой, и его воображение рисовало гадливые сцены разврата ее с двумя парнями.

Лохов прострадал всю ночь, а к утру он забылся сном, похожим на беспамятство. В его окошечко молотили страждущие, но он не в силах был подняться.

***

Зверь угрюмости чуял приближение слепых даже сквозь грудную клетку Лохова и железные стены ларька. Ощувив волнение зверя внутри, торговец сползал с топчана и хмуро наблюдал пролетавших мимо слепых. Каждый их пролет приносил ему такие страдания, как если бы пуля пролетала сквозь него, и однажды Лохов понял, что жизни ему осталось на несколько таких выстрелов.

И тогда он положил в карман пальто молоток и притаился. Несколько ночей Лохов отсидел в своей конуре, как в засаде, с готовностью убивать.

Время пришло, и хищник предупредительно зарычал.

Лохов запер свой ларек на замок и пристроился следом за слепыми, слегка загибаясь от боли в груди. Зверь, почуяв близкую добычу, готов был вырваться из Лохова и прыгнуть на спины слепых, рвать их когтями и тянуться сахарными клыками к их тонким шеям.

Торговец шел следом, держась за удлиненные тени слепых и с неудовольствием замечая, что мысли в голове мешают одна другой. Все к черту! — только одно: нападать подальше от ларька, до времени не подходить близко, чтобы не испугать звуками шагов. В сущности, они беззащитней, чем дети, так как не видят нападавшего и ничего не могут запомнить.

Преследуя слепых уже не один квартал. Лохов с удивлением стал замечать, что стал невольно подстраиваться под их шаг; его даже начало покачивать. Но тем не менее, слепые шли быстрее его. Лохову все чаще и чаще приходилось делать перебежки. Наконец он понял, почему опаздывает: «У слепых легко на душе, они не боятся темноты». И чем дальше Лохов шел следом, тем сильнее завораживало его это ночное движение, он вспомнил себя мальчиком, бегущим по зеленому лугу за воздушным змеем. Ему стало непривычно радостно, тоже захотелось взлететь, и Лохов закрыл глаза, сделал несколько неуверенных взволнованных шагов и вдруг неожиданно легко побежал за слепыми.

Это было необыкновенное ощущение простора, полета за счастьем на обетованную землю. Лохов так и не успел

набрать высоту... Он вспомнил о молотке, судорожно дернулся и неловко, боком повалился вниз с небес.

***

Утром дворничиха обнаружила на дне траншеи, перерывтой поперек тротуара, припорошенного чистым снегом Лохова. Он был уже холоден и спокоен, удар при падении пришелся о лежащую на дне трубу, как раз тем местом, где таился зверь угрюмости.

Второй этаж

Это был нелучший год в его жизни.

Впервые болезнь лично нанесла ему визит, неожиданно засиделась допоздна, даже хотела заночевать — перепуганные домашние уже приготовили постель — но она вдруг передумала и ушла в темноту, пообещав вернуться.

Неудачи уныло волочились следом, цеплялись за любое начинание. Труд поразило бесплодие, вдохновение страдало бездарностью.

По ночам он слышал, как трещат стекла его родного дома от внутреннего давления воспоминаний, гнутся половицы под шагами тех, кого уже нет. Он задыхался — воздух умирал, едва проплыв сквозь форточку, как рыба, попавшая в неживую воду.

Он был не так молод, чтобы кричать, но и не так мудр, чтобы терпеть. Он решил уйти.

Как-то, лаяя после тяжелого дождя крышу, он взобрался на конек и увидел то, чего не было в его теперешней жизни — покой, и чем дальше он глядел, тем очевиднее становилось, что ему никогда не выкарабкаться из этого года жизни без замшевой зелени далекого леса и полуовала пруда, похожего на осколок упавшего неба.

Возвращение с крыши показалось утомительным и противоестественным, как путешествие вспять, а встреча с землей неприятна воспоминаниями. Он вошел в огород, к одомашненной природе, внимательно пригляделся к ней и с досадой отметил среди зелени ту же суету и борьбу за выживание, что и среди людей.

Все хотели жить, только одним достаточно счастья обнять щепотку земли нежными корешками, похожими на нитяную бахрому, другие захватывают весь огород, запустив под землей бледные от ненависти, стремительные, как торпеды, корни, которые с безу-

мием смертников пронзают все на своем пути. Выволоченные наружу, они жестки, как алюминиевые прутья, и порубленные лопатой, но едва окропленные утренней росой, они вновь ныряют под землю. Дождевые черви, багровощекие самодовольные бюргеры, набитые вкусной требухой, боятся этих фанатиков.

Он присел на скамейку под яблоню и вновь задумался о том умиротворении, что посетило его на крыше. «Конечно же, покой возможен лишь там... откуда природа и люди — лишь сочетание красок, ощущений, иллюзий...»

Он оглядел дом внимательно, особенно верхнюю его часть и сделал для себя открытие: судя по взлету чердака и крепким окостенелым стропилам, бывший хозяин этого дома, он же его строитель, планировал жизнь не только снизу, но и сверху. Может быть, он так же был умиротворен видом с высоты или же хотел жить вечно, теперь этого никто не узнает. Остается лишь очевидное — неожиданная смерть хозяина и найденная после в чердачной паутине и пыли школьная тетрадка со странными расчетами, где цифры чередовались с зауемно знаков.

Впрочем, есть еще одна очевидность: тетрадь так

же, как и хозяин, вскоре исчезла.

«Жаль, было бы занятно и даже весьма...» — пробормотал он, уже почти осязаемо ощупывая взглядом чердак и проводя траекторию лестницы с земли вверх. «Надо будет окно поднять повыше, чтобы видеть только небо и дальний лес с прудом — это очень важно! — и довольно...»

* * *

Новая жизнь для него и дома началась с объявления во время завтрака о начале строительства второго этажа. Он не желал вопроса: «Зачем?», боялся его, слишком странен был бы честный ответ, но, к счастью, никто его не задал. Он счел это добрым признанием. Когда он добавил, что работать будет в одиночку, отец удовлетворенно покачал головой, а жена потревожилась, чтобы он не брал на себя много тяжести, не спешил. Обрадовавшихся было детей предупредил, что во время работы лестницу будет забирать наверх, а после — набрасывать на двери висячий замок.

Он не был новичком в строительстве и поэтому с первого же удара по гвоздю понял, что ему предсто-

Компьютерная графика Т. Ложниной.

ит необычная работа. Это не простое обшивание досками верха дома, а отгораживание себя от всех, закрывание входа.

Работая, он не чувствовал времени, голода. Всего этого здесь наверху просто не существовало. Строгая доска, он даже ни о чем не думал, пребывая в каком-то благодном усердии. Лишь в сумерки, продев серьгу всячего замка на двери второго этажа, он спускался вниз по лестнице. Усмехнувшись, замечал, что мир мало изменился за время его отсутствия.

Работа двигалась так быстро, что уже через месяц верх дома приобрел вид кельи. Он обдуманно не украшал его дачными излишествами. Хотелось придать ему пахучую древесную чистоту и скромность спичечного коробка.

В полдень солнце опускалось к нему на второй этаж и отвлекало от работы: нагая древесина слепила глаза, сладко кружилась голова от теплых смоляных испарений. Порой он не выдерживал и, спешно разувшись, долго бродил по свежим половицам. Опилки приятно щекотали босые подошвы.

Однажды, после спуска вниз за гвоздями, он забыл подтянуть за собой лестницу, и к нему наверх поднялся отец. Оба смутились, не зная, как себя вести. Отец осторожно ступил башмаками на пол, огляделся и, слабо улыбнувшись, тихо сказал: «Хорошо. Тут можно и отдохнуть». Отец присел на табурет посреди комнаты и посмотрел в окно на пруд.

Он, чтобы не мешать отцу наблюдать вид из окна, ушел в угол комнаты и долго перебирал обрезки досок. Он вскоре забыл про отца, а когда вспомнил, вернее, увидел, то несколько секунд пребывал в растерянности: неожиданно заснувший отец четко напоминал ему старую больную птицу. Упавшая на грудь маленькая высохшая голова с длинным хищным носом, сухие, слипшиеся и как будто горячие пряди волос, похожие на перья, вздернутые плечи в рваном пиджаке. Поджатые под табурет ноги как бы цеплялись за корявую ветку.

— Отец, — позвал он, слегка испуганный увиденным.

— А-а, задремал, кажется... Устал сегодня, — неловко улыбаясь, отец поднялся. — Хорошо тут у тебя.

Отец как-то вразвалку, неуклюже пошел к выходу, а когда уже нащупывал ногой первую ступеньку, он едва сдержался от искушения подтолкнуть спускающегося отца в спину, чтобы тот, тяжело хлопая крыльями, низко полетел над картофельной ботвой куда-то в сторону леса.

Перемены, произошедшие с отцом, столь смутили его, что в тот вечер он покинул крышу гораздо раньше обычного и невольно, вплоть до ужина, наблюдал за ним. Птицу он ему уже не напоминал — это был просто старый усталый человек. Отец рас-

сказал домашним о втором этаже, и все — жена, дети — стали просить его показать им свою работу непременно. Он сначала отнекивался, обещая пустить их на крышу сразу после окончания работы, и уже почти уговорив обождать, неожиданно согласился:

— Ну, хорошо, пошли...

Дети с радостным визгом ударились о дверь.

Поднимаясь вслед за семьей по лестнице, он никак не мог понять, почему вдруг возникло такое решение. Догадался он об этом уже наверху, когда с напряженным интересом и даже страхом принялся изучать поведение семьи.

Отец вновь сел на табурет и обратился в птицу.

Жена, мягко ступая, обошла все углы, ощупала стены и лишь после этого потерлась о его щеку губами, мурлыкнув: «Какой ты молодец!»...

Подойдя к его кушетке, где он обычно дремал после обеда, она уютно устроилась на ней, поджав голые ноги и даже — ему так показалось — подобрав под себя пушистый хвост. За детьми он наблюдал недолго. Новая комната так возбудила их, что они носились из угла в угол, кидаясь от окна к двери, стараясь допрыгнуть до потолка. Они были похожи на разноцветные скачущие шары, но он почувствовал, что если их не остановить, то эти веселые мячи обратятся в тяжелые чугунные ядра, которые разнесут к чертям не только второй этаж, но и весь дом.

* * *

Ночью он оставил домашних покойно спать, а сам лежал и смотрел в потолок. Пока он обдумывал, что делать со вторым этажом, ему еще удавалось сохранять неподвижность, но вот от одной, еще не ясной мысли, на него повеяло каким-то нездешним холодком, и он сорвался с постели, быстро оделся и, крадучись, вышел во двор. В сарае отыскал керосиновую лампу. Потряс ее, на слух проверив содержимое. Снял с известковой стены осколок зеркала, вскоре показавшийся ему липким. Зажег огонь и, держа лампу на вытянутой руке, стал карабкаться вверх по лестнице на второй этаж. Забравшись, долго прислушивался, не напугал ли домашних. За окном подрагивало звездами ночное небо.

Наконец решившись на задуманное, пристроил на подоконнике зеркало и осторожно заглянул в него, освещая себя фонарем. Но огонь был слишком ярким и жег глаза. Дрожащими пальцами он убавил огонь. Теперь зеркало не изображало ничего, кроме темноты.

Он долго возился меж собой, зеркалом и огнем, пока не понял, что ожидаемого не существует на самом деле. Зеркало ловило лишь смутную перспективу комнаты.

Маргарита ЕРЕМЕНКО

Маргарита Леонидовна Еременко родилась в 1982 году в городе Минусинске Красноярского края. В 1999 году закончила среднюю школу №24 в г. Касли Челябинской области. Учится на четвертом курсе факультета журналистики Уральского Государственного Университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург). Работает журналистом в газете «Красное знамя» города Касли и района.

С 2001 года — участник Литературной Мастерской Челябинской Писательской организации. В 2001 году — участник 3-го литературного конкурса «Стилисты добра», организованного Литературной Мастерской г. Челябинска. В 2002 году — дипломант 4-го областного молодежного литературного конкурса «Стилисты добра» (Организаторы — Управление Культуры Челябинской области, Челябинское отделение Союза Писателей России). Участник второго Всеуральского семинара-совещания молодых литераторов в г. Каменске-Уральском в 2002 году.

В настоящее время живет в г. Касли.

* * *

И будет день. И будет снег
Похрустывать, как хлеб вчерашний.
Ты строишь здание навек,
Но этот Вавилон бумажный.

И будет свет. И будешь ты
Молиться о желанной манне.
Но снег стирает все черты,
И крошки хлеба нет в кармане.

А ты построил Вавилон,
Ты выверил чертеж до точки.
Но будет голос. Это он
Смешает языки и строчки.

Русское

Ручейками вен в теле разлилась
Грусть моя. Тоска запорошилась,
Заметелилась... В сердце теплилось.
И запомнился станом княжеским.

Острой ранкою, красной ниточкой
Все душа болит. Далеко рассвет.
Я по солнышку да за песнями
В хороводный круг — на круги своя.

Чутким остуком, редким окликом,
Снежной заматью, тихой поступью...
Сердце, скрип, тоска... Запорошило.
Ничего. Пройдет. Все прошло уже.

* * *

Будут нитями связаны беды,
Перезеды, обряды, обеды,
Чаепития, встречи, беседы,
Пересуды и груды посуды.

Уезжаю. На восемь успею.
Будет время-звони. Я согрею.
Не забуду задумчивый завтрак.
Я уже написала на завтра.

Это схоже с безумием, милый!
Одиночество в старой квартире.
Там соседи — все те же «слегка».
Тонкой ниточкой судьбы. Пока.

Трехстишия

* * *

Тает снег. Свет глаз-ясно-солнышко.
Скачет конь по земле — сердце стучит.
Так душа просыпается.

* * *

Горсть пшеницы в руке — гость вдали идет.
За кого мне молиться надобно?
Сын растет. Сердце мается.

* * *

С Востока ль звезда? Отчего светло?
Так твоя свеча освещает дом.
Знаешь, путь не кончается...

* * *

В высь улетают птицы,
Падают в травы листья.
Знаю, все возвратится
После тяжелых бурь.
Мне бы кусочек неба,
Дождика, чтоб напиться,
Соли земной и хлеба,
В ладони — реки лазурь.

Голосом бы чудесным
Мне бы твой слух лелеять,
Словом, лишь мне известным,
Благословляя в путь.
Перекрестить в дорогу,
Дать бы водицы пресной.
Если идешь, то с Богом,
Смирненным и мудрым будь.

Знаешь, что очень важно?
Осень осыплет листья,
Небо, чтоб не было страшно,
Впустит птиц в синеву.
Может, ты не осудишь
Хрупкий мой мир однажды,
Смирненным и мудрым будешь,
Вспомнишь, что я живу.

* * *

Мне не сберечь всю нежность твоих рук,
Потерянную навсегда в вагонах.
Пустой перрон. Весна. Синдром разлук.
А путь неблизкий. И огни в салонах.

А поезда идут к тебе в снега,
Соединяющие нас как сходни.
И до тебя каких-то два шага,
Когда звенит звонок междугородний.

Окно

С каких времен, не помню, но в окно
Стучатся птицы. И оно одно
Сквозь выюги, ночи, холод и ветра
Горит. А люди говорят: «Пора

Забуть о тех, кто нищ, убог, гоним...»
Кто каждый вечер мог погаснуть с ним!
И свет тот дальше окон, стен, двора —
Он вспыхнет и осветит города.

И даже сильный враг и хитрый друг
Узнают свет, когда увидят вдруг
Окно мое с мерцанием свечи
И в дом войдут, легко найдя ключи.

Не птицы враз стучатся за окном:
Вновь сто дорог приводят лишь в мой дом.
Мы все тогда наверняка поймем,
Что каждому дано окно с огнем.

* * *

Трепетом, ропотом, шепотом,
Снегом и ветром бережным,
Дрожью, смирением, грохотом,
Вскользь над весенним берегом,

Песней и сказкой, просинью,
Новью, сомнением, святостью,
Верой, слезами... Осенью!
Нежностью, светом, радостью,

Жертвами, болью, кротостью,
Пламенем, стынью, отчаянием,
Горю, вершиной, пропастью
Приходит любовь печальная.

Пока душа спит

Сквозь века
Растерялось золото.
На ветру
Косы стали белыми.
Может быть,
Бездорожье прожито?
Или в нас
Ничего и не было?

Но звенит
Колокол в развалинах
И на все
На четыре стороны.
Значит, свет
Сохранили ангелы,
А с души
Отлетели вороны.

Спит душа:
Тише всех непознанных
Лучших слов,
Что еще не сказаны.
Мы во сне

Встретились — знакомые,
Мы во сне
Оказались разные.

Наталья ТЕРЕХОВА

Родилась в г. Екатеринбурге, окончила факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института. В настоящее время работает на кафедре иностранных языков в сфере экономики и управления в УГТУ-УПИ и заочно учится в Литературном институте имени А.М. Горького в Москве.

Сапоги

Они стояли в витрине, призывно поблескивая лаковой кожей, они привязали Татку своей шнуровкой, приковали пражками, и она решилась на безумство: заманила маман в обувной. Маман — женщина без фантазии, ей — чтоб и каблук и цена пониже, поэтому она сразу ринулась к турецко-китайским полкам. А Татка тем временем успела шепнуть продавщице, чтобы ей сняли с витрины вожде-ленные сапоги-ботфорты.

Боже! Настоящая Италия! И размер ее! И кожа тонкая, как на перчатках! В школу, конечно, в таких не явишься — ступени Таткиной классической гимназии прахом пойдут под каблуками столь дерзкой обувной пары. А вот если прийти на дискотеку или в бар... Татка зажмурилась под воображаемыми слепящими взглядами взрослых мужчин.

Однако реакция маман была как флакон чернил на этот радужный пейзаж. Она не содрогнулась от убийственной цифры на ценнике, не стала сравнивать Татку с малолетними жрицами любви, она расхохоталась:

— Именно про такой случай и говорят «...как корове седло». Снимай скорей, пока никто не видел. Тоже мне — кошка в сапогах!

«Корова», «кошка»... Это ж надо так про собственную дочь! Все-таки мир жесток и несправедлив. Сами отдали Татку в элитную школу, а сами теперь не желают отстегнуть на эксклюзивную вещь. Эти два словечка «отстегнуть» и «эксклюзивный» Татка каждый день слышит в классе. Вот буквально на днях все предки отстегивали на эксклюзивный ремонт. Ни много — ни мало по 800 баксов с носа. Вере Максимовой ее папа, замдирзавода, отстегивает три тысячи на поездку в Лондон на летние каникулы. А Малявину уже отстегнули на мотоцикл, даже результатов экзаменов дожидаться не стали. А ведь Татке тоже надо соответствовать. У них в классе никаких мизальянсов: Перов, сын главы горздрава, дружит с генеральским внуком Ванечкой Сажинным, та же Вера Максимова ходит в гости к «плюшечной королеве» Рите Коган, у ее родителей собственное кондитерское производство.

Татка общается, конечно, со всеми, но, если нужно искать пару для дежурства, или, скажем, в библиотеке брать одну книгу на двоих, то по негласной «табели о рангах» ей достается Алка Сергиенко. Девчонка она ничего, приколь-

ная: зыркнет черными глазками, поведет остреньким мышиным носиком и готово! Уже все знает: кто, с кем и где. Вкус у нее на шмотье неплохой, да и сами шмотки водятся, благо мать работает в том самом магазине, где ботфорты лишили Татку сна и покоя. Один только у подруги недостаток — жаба, которая душит ее, как только Алка видит у других что-нибудь стоящее. В смысле больших денег или большого восхищения. Поэтому Татка не расскажет ей про свой облом в обувном. Слишком уж торжествующе заблестят Алкины глазки-бусинки, ведь ее-то мать тоже не раскошелится на такие шузы. То есть не шузы, а хай-бутсы, — тут же подобрала Татка правильное английское слово, вспомнив Елену Владимировну (или, как звал ее за глаза весь класс, Алену).

Алена была у них классной и хотя вела не английский, а алгебру, «спикала» лучше миссис Хадсон, их англичанки. До прихода в гимназию Алена несколько лет работала в Штагах в некоей крутой компьютерной фирме, чуть ли не у самого Била Гейтса. По крайней мере такой слух запустила Алка. А потом что-то произошло, и Алене пришлось срочным порядком уволиться и вернуться домой. Девчонки долго не спорили — все были едины во мнении: это было не что иное, как сексуальное домогательство. Да, домогаться внимания Алены хотелось: спинка как у балерины, мини-юбочка, натуральные локоны до пояса, а самое главное едва уловимая, но жутко манящая аура тайны, некий блик в зеленых ведьминских глазах, дающий понять, что она уже сейчас знает, что ты скажешь только через минуту. Татка влюбилась в Алену с первого взгляда, и несмотря на довольно преклонный, на этот же первый взгляд, возраст Алены — 28 лет (т.е. целых две Таткиных жизни), они могли свободно говорить на любые, вы понимаете — абсолют-но любые темы. Вот почему на следующее утро Татка выбежала из дома пораньше и заняла выжидательную позицию на перекрестке рядом со школой. От Алки Тата знала, что Алену очень часто доставляет на работу «крендель на иномарке», что он никогда не довозит ее прямо до

ворот, а высаживает у светофора. Это и понятно: ведь «крендель» женат и ему не по приколу светиться перед всеми таким женихом. В глубине души Татка верила, что очень скоро он бросит все, предложит Алене руку и сердце и уж тогда сможет провожать ее через весь школьный двор, а все вокруг будут любоваться красивой парой. А Татка, Татка всегда будет рядом с ними на правах друга семьи, или нет — лучше в качестве самой близкой Алениной подруги.

Но сегодня путь, который Алене предстояло пройти от перекрестка до дверей гимназии был Татке даже на руку, потому что рассказ о бесчувственности маман займет несколько минут, а в школе возможности точно не предоставятся. Сегодня день запарок: их девятый класс пишет алгебру. Решающий экзамен за год.

Золотистая «Ауди» остановилась прямо в Марианской впадине громадной лужи, пассажирская дверь приоткрылась, захлопнулась, и машина, передернувшись, словно нехотя, подалась чуть вперед. Сначала появились каблочки, лайкровые ножки, а потом сама Алена: губы сжаты, между бровей непрошенная складка. Она резко шагнула на тротуар, не обернувшись, оставив позади себя распахнутую дверь. Водитель Ауди, перегнувшись, в бешенстве дернул ручку на себя, и прежде, чем дверца захлопнулась, успел крикнуть Алене вслед:

— Не в трамвае — дверь закрывай!

Ни провалиться сквозь землю, ни раствориться в воздухе Татка не смогла, поэтому уже в следующую секунду попала в поле Алениного вопросительно-недовольного взгляда:

— А ты что тут торчишь, подруга? Там уже экзамен вовсю идет, а она тут околачивается!

— Как идет? Еще же рано! Я просто Вас увидела, думаю: подожду...

— Вообще, ты права, — Алена подмигнула Татке, — без нас с тобой экзамен не начнут! Полезай под зонт.

— Ну? — нетерпеливо заглянула она Татке в лицо. — Говори, что хотела. Что случилось, что стряслось?

У Татки мороз по коже: и как только у Алены всегда получается прочитать ее мысли!

Когда Татка практически добралась до конца своего печального повествования, и ей оставалось лишь поставить точку горестным всхлипом, Алена вдруг вышла из состояния рассеянной задумчивости и окатила Татку с головы до ног зеленым льдом:

— Ты хоть сама-то себя слышишь! Расканючилась — сапоги, сапоги... А ты задумайся, сколько обычному человеку, твоей матери или вот мне, надо вкалывать, чтобы заполучить такие сапоги! И что самое интересное: купи тебе их мама вчера, сегодня бы ты уже и думать о них забыла. Подкарауливаешь меня на углу из-за подобной ерунды! Думаешь, у меня нет своих проблем? своих недостижимых желаний? Мне вот, например, до зарезу нужна собственная машина, так ведь я ж не плачу! Хоть и приходится ездить со всякими козлами...

Последние слова Алена процедила еле слышно, сквозь зубы. Но уже через секунду ее лицо приняло обычное доброжелательное выражение, словно кто-то повернул

трубочку-калейдоскоп, и цветные стеклышки встали на место, образовав привычный узор.

— Чем бездарно страдать, надо думать, как справиться с ситуацией.

Но думать о чем-либо, кроме извлечения корней и построения прогрессий, Татке было уже некогда. Начинался экзамен.

Девятиклассники, как один умытые и гладкопричесанные, словно по всем ним прошла языком одна и та же Буренка, слизав пирсинг, переводные татуировки, косметику, сидели по своим местам. Навстречу Алене, едва та переступила порог класса, ринулась председательша родительского комитета Сажина. От нее к Алене перекочевали огромная корзина цветов («Поздравляем! Будьте снисходительны к нашим оболтусам!»), несколько пачек сока («Душновать здесь у вас. Вдруг попить захотите»), торт и конфеты («Будете проверять, подкрепитесь с коллегами»), пачка бумаги («Ребятам на черновики») и в довершение всего перетянутый агтекарской резиновой внушительный сверток («Заодно и деньги на ремонт, чтоб мне их в другой раз не таскать»).

Несмотря на мрак в душе, голова у Татки оставалась, как у чекиста, холодной и светлой. До окончания положенного времени она успела решить не только первый вариант, но и вариант своего соседа Витьки.

Тот, едва увидев задания, принялся ерзать, вздыхать, пятнадцать раз выкручивал стержень из ручки и устремлял безнадежный, проникнутый сознанием бренности всего сущего взгляд куда-то мимо Татки, вобщем, изображал легендарный Титаник. Татка не могла не протянуть руки утопающему.

После экзамена Витек заговорщически подмигнул ей:

— Пошли это дело перекурим. У меня «Парламент» есть, угощаю!

Они забились под лестницу черного хода, которой мало кто пользовался, и поэтому сюда не простиралась бдительность школьной охраны.

— Татка, если б не ты, мне б кердык! — торжественно начал Витька, вскрывая новенькую сине-белую пачку.

— Да ладно... Всего и делов-то...

— Не, для меня алгебра — решающий этап. Алена и так уже мать вызывала, вместе с директрисой ее обрабатывали: мол не дай Бог низкая оценка на экзамене, мы Вашего мальчишка не смеем больше задерживать в стенах нашей гимназии, поскольку все наши выпускники должны соответствовать... — Витька прошелся по их укромному закутку, изображая голос и повадки директора.

— Да с чего баня пала? Раньше соответствовал, а сейчас вдруг перестал? — Татка судорожно затянулась.

— А ты разве не в курсе? Раньше у меня была крыша — отчим. А теперь он уже год как от нас ушел. И моя мать для них никто — одиночка. Их не знания мои не устраивают, а статус! Да это все фигня. Ну уйду в другую школу... Подумаешь — беда! Только была тут у меня одна задумка. Хотел мать раскрутить на комплект: ролики, шлем, наколенники... Зашибенный! Ну, а если меня выпнут, сама понимаешь, можно будет попрощаться со всеми радостями жизни.

«Вот и у Витьки свои недостижимые желания!» — факт с грустной очевидностью повис перед Таткой облачком дыма.

— Ладно, будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Лично я собираюсь дожидаться, когда вывесят результаты. А там, если что, по обстоятельствам ориентируюсь, как мать подготовить.

— Слушай, ну какие могут быть «если что»? Я же знаю, что все нормально решено, — обиделась Татка.

— Посмотрим. Хочешь, в кино пока смотаемся?

Фильм, который шел в ближайшем кинотеатре, Татка уже видела, поэтому они поиграли немного в автоматы, купили в киоске пиво и булki с изюмом. Булki достались голубям в сквере, а пиво они выпили сами. Когда сырой вечерний воздух притушил хмельные огоньки в глазах, настало время вернуться в гимназию. Результаты экзамена уже висели приклеенные к доске объявлений в вестибюле. Напротив Таткиной фамилии значилось «пять», напротив Витькиной — «два».

На следующий день официально начинались каникулы, но Татка чуть свет уже была в школе. За дверью учительской слышались возмущенные голоса, громче всех трубила Миссис Хадсон:

— Вы подумайте! Какая сволочь! Пригрели, что называется, на груди...

— На Вашем месте я бы немедленно позвонила в милицию, — различила Татка слова химички.

На общем фоне голос Алены прозвучал тихо, но твердо:

— Я не стану этого делать. Доказательств у меня нет. И хотя мне безумно больно получить такой удар в спину от собственного ученика, я считаю, что испортить человеку жизнь легко, гораздо труднее заставить его прочувствовать, что он сделал, и раскаяться. А не раскается, что же: все равно ему у нас уже не учиться.

— Святой Вы, Аленушка, человек! — воскликнула Миссис Хадсон.

Тут Татка приоткрыла дверь и все в учительской замолчали.

— Елена Владимировна, можно Вас на минуточку, — пролепетала она, оробев под перекрестным обстрелом учительских глаз.

Когда они с Аленой оказались одни в коридоре между плотно прикрытой дверью в учительскую и запертой еще с весны школьной радиорубкой, Татка очертя голову начала заготовленную речь:

— Елена Владимировна, у Санникова «двойка», но этого не может быть. Тут, наверное, какая-то ошибка. Я сама проверяла его работу, там все было правильно.

Алена расхохоталась, запрокинув назад роскошные кудри:

— У тебя то одно, то другое! Вчера вместо того, чтобы думать об экзамене мечтала о сапогах, а сегодня наоборот: могла бы примерять сапоги, так нет! — возвращаешься к экзамену.

— Елена Владимировна, я серьезно! Проверьте еще раз работу Вити. Ну, не мог он написать на «два»!

— А если серьезно, — Алена перестала смеяться и

приблизилась к Татке почти вплотную. — Я не знаю, что по тебе плачет: то ли коллегия адвокатов, то ли должность председателя приемной комиссии МГУ. Она, видите ли, сама проверяла! Ты думаешь, я не знаю, что ты решила оба варианта? Считай, что за один ты получила «пять», за другой — «два». Конечно, ты вправе выбирать, какую оценку оставить себе, а какую отдать Санникову... Только учти: для Вити сейчас обстоятельства складываются так, что ему за благо будет покинуть гимназию по причине проваленного экзамена.

— Какое же в этом благо? — оторопела Татка.

— Вчера, когда я после экзамена ненадолго выходила из кабинета, из моей сумки пропали деньги, собранные на ремонт. И я совершенно уверена, чьих рук это дело. Вор имел ключ, т.к. замки не были сломаны. Это значит — он из нашего класса. Сколько раз во время дежурства я оставляла всем вам ключи! К тому же вчера все видели, как Сажина отдавала мне деньги.

— Но Елена Владимировна, вот именно — это было при всех, ключ тоже мог сделать кто угодно. Почему Вы думаете именно на Витьку?

— А потому что остальные после экзамена сразу же ушли домой, и только Санникова охрана видела слоняющимся по школе и вокруг нее.

— Елена Владимировна, — Татка почувствовала, что лицо заливаается краской, — Я тоже была вместе с ним. Все время. Но мы даже близко не подходили к кабинету.

— Да? Любопытно. Что же ты, Таточка, нашла занимательного в обществе Санникова? Да еще настолько занимательного, чтобы полдня не отходить от него ни на шаг. Никогда бы не подумала, что он пользуется у тебя такой популярностью.

— Что Вы, Елена Владимировна, он... он вполне... Вы его просто не знаете. А вчера мы хотели с ним в кино сходить, но потом передумали и просто гуляли, ждали результатов. С ним даже интересно: у него много увлечений... — Татке очень хотелось переубедить заблуждающуюся Алену.

— Надо же, а он хитер! Позвал тебя прогуляться, чтобы в случае чего иметь свидетеля. Но ведь он же наверняка отходил покурить или еще за чем-нибудь... — Алена сделала паузу и явно ждала от Татки подтверждения. Татке было неловко разбивать ее версию об упрямый лоб факта, но она твердо повторила:

— Да нет... Мы все время были вместе...

В Аленином взгляде сверкнули острые льдинки.

— Только не смей говорить, что Санников не курит! Сколько раз я сама его видела с сигаретой в зубах! Уж кого-кого, а тебя, Тата, я всегда считала своим хорошим другом, человечком, которому я могла доверять... Не думала, что ты станешь обманывать меня!

— Но я же ничего такого не говорила, — пролепетала Татка. — Я просто хочу сказать, что он никуда не отлучался.

— Ты хочешь сказать, что вы вместе ходили в мужской туалет, чтобы покурить?! Ты! Ты курила вместе с Санниковым! — казалось, что Алена сейчас задохнется от разочарования и обиды.

— Нет, нет, Вы не то подумали. Я не ходила в мужской туалет...

— Ах, ну вот. Слава Богу! Я и говорю: он ходил один.

Алена решительно взяла Татку за руку и потянула за собой в конец коридора. Не успела Татка осознать, что происходит, как оказалась на ковровой дорожке посреди директорского кабинета. За ее спиной бесшумно закрылась обитая кожей дверь.

— Вот, Вера Афанасьевна, смотрите, наша Тата специально пришла, потому что не смогла замалчивать правду: и экзаменационную работу, как я Вам говорила, Санников сдул у нее. Ведь так, Таточка? — сгорбленная под тяжестью Алениного взгляда Татка не смогла бы сейчас даже сделать маленький желанный шаг, отделявший ее от кожаной двери. — К сожалению, и мои подозрения насчет пропажи денег полностью подтвердились. Тата рассказала мне, что Витя, действительно, вчера весь день крутился вокруг кабинета. И вот в один прекрасный момент он отделяется от ее общества — идет покурить. Вы понимаете, Вера Афанасьевна, что девочка не могла пойти за ним. Так что у него было достаточно времени, чтобы открыть дверь и взять деньги. Хотя доказать что-либо точно сейчас практически невозможно.

Татку предьявили, как улику, просто взяли, показали и выставили за дверь. Может быть школьная техничка заметет ее в угол вместе со смятыми коробочками из-под сока и подсолнечной шелухой. Жалкий выжатый лимон, путивший по желтушной шкурке кислую слезу!

Вечером маман повела Татку в магазин, и они купили сапоги.

— Это тебе подарок за успешное окончание года!

— Но ты же сама говорила, что они мне как кошке седло...

— Как корове. Ну, просто если бы в мое время школьница одела такие сапоги, ей бы ноги поотрывали. Сейчас, конечно, вам больше позволено... Тем более раз сама Елена Владимировна посоветовала...

— Что?! Какая Елена Владимировна?!

— Ну, твоя Алена. Позвонила мне сегодня днем, очень тебя хвалила. Ваша Тата, говорит, мудрый человек, умеющий принимать в критический момент нужные решения. Почему бы Вам, говорит, не поощрить ее за успехи, и пусть это будут сапоги, если девочка так хочет.

На выпускном вечере Татка наблюдала из окна, как Алена припарковала во дворе гимназии до неприличия ослепительный «Фольксваген». На восхищенные вопросы Алки Сергиенко Алена небрежно повела плечиком:

— Это мне жених подарил. Ищите себе, девчонки таких же женихов, чтобы за любой ваш каприз — в лепешку!

Витька попрощаться с одноклассниками так и не пришел. После торжественной части Татка поняла, что должна делать.

Примчавшись домой, она извлекла из-под кровати так и нераспакованную коробку с ботфортами, прилетела в обувной, где получила назад деньги за сапоги, а потом в магазине «Спорт» купила самый дорогой комплект: ролики, шлем, наколенники. Через двадцать минут она уже звонила в Витькину квартиру.

Дверь открылась. Витька смотрел на нее с неприязнью:

— Тебе чего надо?

— Вить, вот я тебе принесла то, что ты хотел. Твой комплект с роликами...

— Ты че, совсем? На фига мне твоя благотворительность? — он хотел захлопнуть дверь, но Татка успела встать в проем.

— Подожди, ты не понимаешь... Эти деньги мне достались неожиданно, просто так, вообще я сама не хотела... Это все связано с твоим исключением из гимназии. Ты же не вор, ты зря пострадал. Пусть эти ролики будут хоть какой-то компенсацией, что ли... Я ведь знаю, кто взял деньги.

— Ах, ты знаешь, — Витька недобро хмыкнул, — тогда слушай сюда: поменяй эти ролики на бейсбольную битку и стукни ей себя по голове, чтобы не знать. Так будет лучше для тебя же.

Он вытолкнул Татку на площадку и захлопнул дверь.

...Все-таки мир жесток и несправедлив. Почему то, от чего мы без ума, то, что нас притягивает, не стоит и выеденного яйца, и в итоге лопается, как мыльный пузырь, больно шелкая по носу и издавая вот такой противный звук: чпок, чпок, — думала Татка, полосуя резину «Фольксвагена». За Витьку, за выжатый лимон, за сапоги.

Рисунок Юлии Меньшиковой.

Надежда ПЕРЕТЯГИНА

Перетягина Надежда Николаевна родилась в 1957 г. в поселке Новый Быт Каменск-Уральского района Свердловской области. Окончила Свердловский государственный педагогический институт. Работает учителем русского языка и литературы в средней школе № 8 г. Верхний Тагил. Стихи пишет с 1993 года. Автор самодеятельных песен. В 2002 году вышел сборник стихов «Небо, вдруг упавшее на землю».

* * *

Я камнем стану,
если Ты велишь,
гранитной
непреклонною
скалою
иль гибкою
травинкой
полевой,
что
кланяется всем,
коль Ты велишь.

* * *

Среди тёмной ночи
и среди бела дня
три сестры живут
в доме у меня.

Я к одной приду,
голову склоня,
и она простит
и поймёт меня.

Я к другой приду,
свет в ночи
храня, —
отведёт беду,
ободрит она.

К третьей я приду,
свет в душе
неся,
и вернёт на путь
та сестра меня.

Матери одной
три сестры дружны,
и на свете всём,
как никто,
нужны.

* * *

Иконы смотрят
в мир.
Своё прошли
земное воплощенье
те, что в тебя
глядятся.
Сколько же печали
в их лицах...
Сколько благодати!..

* * *

«Обратной
дороги нет», —
устало
рельсы поют.
За спиной
километры лет,
впереди —
свет и уют.
За спиною
горечь потерь,
впереди
только
радость
встреч.
Это
я понимаю
теперь.
Вот бы знание
это
сберечь...

***

Пройти,
не обернувшись
на соблазны и плевки.
Пройти,
как будто к Вечности
проник,
но не дошёл ещё
до высоты,
где Жизни бьёт
неиссякаемый родник.

***

Не горюй обо мне,
что уйду.
Может,
буду
росой поутру,
может,
буду
цветком на лугу,
может,
солнцем,
собранным росу
и согревшим цветок на лугу.
Не горюй обо мне,
что уйду.

***

Как воссиянно солнышко взошло,
Лучом открыв мне ранее окошко!..
Душа вбирает мир, спеша в него...
Так лайнер,
В небе затерявшись крошкой
И растворившись,
Синим небом став
В глазах других,
Лишь лёгкой дымкой тает.
Так и душа,
Вбирая мир, не знает,
Что станет небом.

***

Я войду в дом рабой —
Ты украсишь меня.
Я войду в дом сестрой —
Ты полюбишь меня.
Я войду в дом свечой —
Ты погасишь меня.
Я войду в дом слезой,
И ты вытрешь меня.

***

Фея Осень красок не жалела,
Кисточек меняя номера,
Разукрасила всё, как хотела,
И к Зиме ушла. Уже пора.
А Зима ещё не накопила
Белой краски в горних тучах
И, гуляя, в облаках грустила,
Разводя оттенки в небесах.

***

Дух времени
Готовит тлен
И одевает в мягкий саван
Всё, что ему попало в плен,
Не слыша имени и сана.
В миры
Там превратится тлен,
Где дух —
Источник перемен.

***

Расколосось наше время —
Встали мы у баррикад.
Оба — глыбы, оба — кремь,
Хоть никто тому не рад.

Но, раздора бросив семя,
Ты уже неуловим...
Будто канул в свое время.
А что делать мне с моим?..

***

— Ах, эта новая звезда!..
Остра лучами.
— Пожалуй, слишком молода
Для жизни в яме.
— Тревожит плесень и нитьё
И режет глазки...
— И высветляет бытие
Из страшной сказки.

***

Самолётиком лист —
На площадку из снега.
Он из осени в зиму спешил —
Долетел.
Отдышался,
На братьев своих поглядел
И вдруг понял:
Уже не летать и не бегать.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Евгений ТАМПЛОН
«Каменные ворота»
Владимир ЮКЧУБАЕВ
«Непройденный маршрут»
Марина МЕЛЕКА
«Тяжела и неказиста жизнь уральского туриста...»
Александр КРЮКОВ
«Я выбираю спальник и рюкзак»
и другие материалы

Здравствуй, дорогие читатели!

Вот вам очередной маленький путеводитель по нашему разделу.

В рубрике «Уральские тропы» вы вновь встречаетесь с Евгением Тампლოном. Он рассказывает о необычном месте на реке Исети. Оно находится недалеко от города Каменск-Уральского (Свердловская обл.) и связано не только с природными, но и с историческими достопримечательностями.

Особо хочется отметить то, что сегодня на наших страницах опубликовано много авторов-дебютантов.

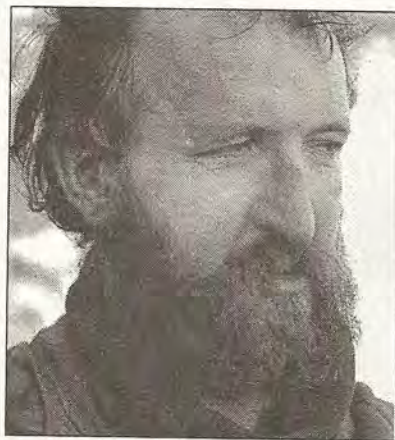
Татьяна Афанасьева рассказывает про осеннее или почти зимнее путешествие на Южный Урал, в район прославленного Таганая.

А вот Марина Моденко, школьница из г. Первоуральска, пишет о детях, занимающихся в секции спелеологии. Там их учат не только безопасно посещать пещеры, но и прививают все необходимые туристские навыки.

Марина Мелека с юмором описывает те стороны туризма, которые обычно замечаются только детьми и подростками, еще не имеющими серьезного опыта походов. Как говорится, «свежим глазом»...

Еще одна точка зрения новичка-туриста — статья студентки Марины Шестаковой о походе на гору Шунут и Азов-Камень. Места эти тоже очень известные, но для людей, впервые пошедших в поход, они являются настоящими открытиями.

Совсем иной характер носит публикация материала «Отортен», которую мы печатаем в новой рубрике «История туризма». Автор рассказа, Влад Ротблют, погиб в 1984 году на пике Победы (хребет Черского). Память об этом замечательном человеке продолжает жить среди его друзей, в турклубе. Думаю, что когда-то написанные им

заметки о походах по-прежнему остаются актуальными, интересными для людей...

А еще мы открываем новую рубрику — «Советы специалиста». Ведь немало туристов еще не имеют достаточно знаний и опыта, а поэтому не могут легко и правильно разобраться в современном изобилии товаров для туристов. Да и чисто технические детали похода (например, способы завязывания надежных узлов на веревках, как вести себя в нештатной ситуации) тоже известны не так уж широко, как хотелось бы. Мы теперь постараемся восполнить этот пробел. И начинаем с краткой информации о том, как правильно выбрать две очень важные в походе вещи: рюкзак и спальник.

Ну и, конечно же, мы продолжаем публикацию очерка Владимира Юкчубаева «Непройденный маршрут». Автор, профессиональный геолог, рассказывает о буднях современной, послеперестроечной научной экспедиции, отправившейся в горы Урала.

*Искренне ваш
Александр Челноков*

Евгений ТАМПЛОН

Каменные ворота

Каменные ворота.

Река Исеть небогата прибрежными скалами-камнями. Не соперница она Чусовой. Но есть и на исетских берегах одно место, которое не оставит равнодушным даже самого взыскательного ценителя красоты уральских рек. Там, где Исеть течет уже в черте города Каменска-Уральского, где к берегам подходят коллективные сады и видна городская застройка, а река замирает, превращаясь в пруд, образованный Волковской плотиной, на правом берегу, среди чистого березового леса поднимаются Каменные ворота. Так называют невысокую скалу, по форме напоминающую арку, сложенную наклонными пластами древних известняков, возраст которых оценивается в 250 миллионов лет.

Вход под своды Каменных ворот начинается прямо от воды; затем — крутой подъем, и вы оказываетесь с обрат-

ной стороны скалы среди березняка, больше напоминающего ухоженный городской парк. За лесом начинается пыльная дорога, потом — село Брод, и ходить туда не стоит. Лучше перебраться на противоположный берег (здесь недалеко есть висячий мост) и, если повезет с погодой (а она должна быть тиха и безветренна), то можно долго любоваться отражением величественного каменного сооружения в неподвижной глади Волковского пруда.

Каменные ворота завораживают, но это только начало. На том же правом берегу Исети, метров через 200-300 отвесной тридцатиметровой стеной поднимается камень Филин. Почему так назвали скалу, сейчас сказать трудно; но местные жители считают, что если смотреть на нее со стороны Каменных ворот, то, подключив воображение, можно среди расщелин, выступов и небольших карстовых ниш разглядеть что-то похожее на очертания ночной птицы.

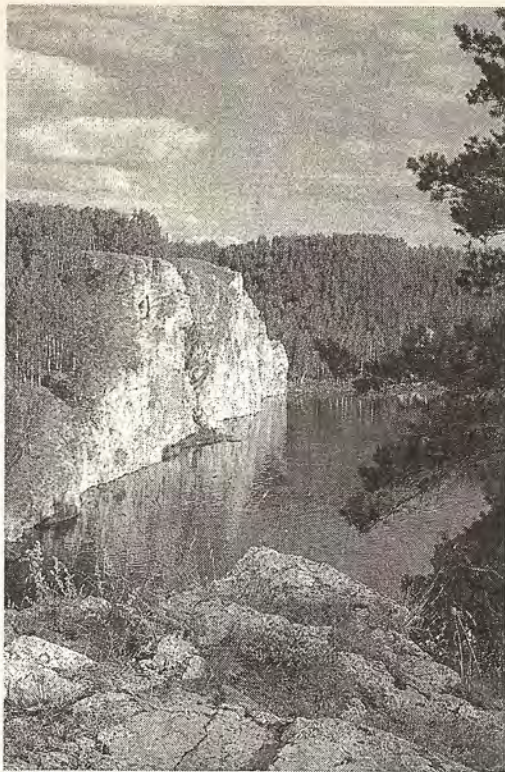
На вершину Филина стоит забраться. Она безлесна, и вид оттуда замечательный. Прямо, на противоположном берегу, среди соснового леса вы увидите пансионат «Металлург». Он хорош только тем, что к нему подходит асфальтированная дорога, и есть автостоянка. Но, если посмотреть вправо, то за глубоким Чировым логом взгляд остановится на еще одной массивной известковой скале — камне Три пещеры. У подножия камня река — точнее, зеркало пруда, — делает крутой разворот на восток. Дальше по берегам идут тоже скалы, но на Три пещеры и лог, по которому бежит небольшой ручеек с сильно заболоченным устьем, следует обратить особое внимание.

Название камня не очень соответствует действительности. В скале есть только одна небольшая пещера, но имеет она три сообщающихся выхода. Любители спелеологии по поводу этого подземелья могут не беспокоиться. Глубина пещеры всего метров 10. Дальше идет завал. Правда, есть предание, что раньше ход вел к Спасо-Преображенскому женскому монастырю, расположенному в 2 км от входа в пещеру, но это только легенда. Естественным путем подземный тоннель такой длины здесь образоваться не мог: слишком мал перепад высот; а копать двухкилометровый подземный ход монашки вряд ли бы сподобились — поскольку от монастыря до Исети по прямой всего 300 метров.

Так что местные рассказы о таинственном подземном ходе от Трех пещер — это байки; но что касается легенд о Чировом лого — то тут замешаны и реальные исторические события.

Когда-то по логу шла дорога к железным рудникам. Она спускалась к реке, а на Исети в этом месте был мост. Здесь же стояла соломопрядильная фабрика, принадлежав-

Камень Филли.

шая Каменскому заводу, и небольшой поселок. Место было бойкое и в стратегическом отношении очень важное, поскольку по Исети, особенно в зимнее время, шел основной транспортный путь в Екатеринбург.

Драматические события разыгрались здесь в конце XVIII века, во времена пугачевского восстания, охватившего Урал и Поволжье. 10 января 1774 года отрядом пугачевцев был взят Каменский завод. Точнее сказать, рабочие и местная гольтьба, взбунтовавшись, сами запустили в поселок разбойничью вагагу во главе с атаманом Чиром (по его имени и назван лог).

«В миру» Чир носил имя Иосип Чебыкин, был он из местных приписных крестьян и бродяжил до этого уже лет десять. В тот памятный январский день Чир со своим отрядом остановился на отдых в логу — для подготовки к решительному штурму. Сюда же пришли беглые с Каменского завода — сообщить, что дорога открыта и атамана ждут с нетерпением.

Но победа была недолгой. Не прошло и двух месяцев, как здесь же, в Чировом логу, двухтысячный отряд разномастного бродячего люда был разгромлен воинской командой из Екатеринбурга, присланной освободить Каменский завод от смутьянов.

Чирово войско разбежалось, сам атаман где-то сгинул, а безымянный ручей и лог стали называть Чировым.

После строительства плотины мост через Исеть был

разрушен. Рудники на правом берегу давным-давно заброшены. В Чировом логу сейчас можно встретить только рыбаков, тщетно пытающихся поймать на удочку чебачка, да отдыхающих из пансионата «Металлург».

Посетить историческое место и взглянуть на величественные исетские камни очень просто. От центра Екатеринбурга до пансионата «Металлург» больше ста километров, но все это хорошее асфальтированное шоссе. По нему можно доехать до Каменска-Уральского. В черте города шоссе становится вначале улицей Лермонтова, затем — улицей Ленина. Вскоре вы увидите указатель поворота направо, к пансионату «Металлург». А очутившись у пансионата, дальше разберетесь самостоятельно: здесь все рядом.

Если у вас нет личного транспорта, то рейсовый автобус доведет вас до Каменска-Уральского. Идет он по той же улице Ленина, и у поворота к пансионату можно сойти. Пройтись придется километра 1,5 пешком.

Обойдя все местные достопримечательности, не забудьте посидеть в тишине несколько минут под сводами Каменных ворот. Говорят, что заветные желания, загаданные здесь, часто сбываются.

Это действительно так. Особенно в тех случаях, когда сила древних камней помогает ваша энергия в достижении целей...

Устье Чирова ручья.

Татьяна АФАНАСЬЕВА

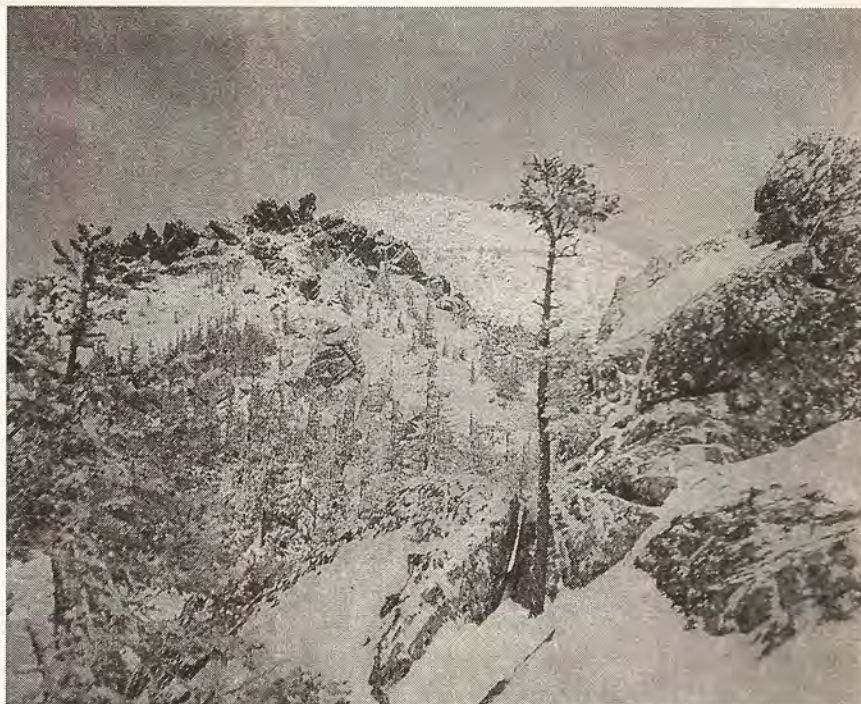
Как мы ходили на Таганай

Все началось с того, что я забежала в турклуб накануне ноябрьских праздников с надеждой пойти в поход выходного дня (сокращенно — ПВД). Как известно, ноябрьские праздники — это и время первых походов для новичков, и открытие нового сезона для тех, кто к ним уже не относится. Провела небольшое исследование (кто идет, куда идет, с какой целью, на какое время и главное: кто готов взять на себя еще одного человека, тем более девушку). Пришлось отсечь пару вариантов и остановиться на походе в горный массив Уральского хребта Таганай. Таганай, как известно туристам и не только им, находится в Челябинской области в окрестностях города Златоуст. Вот туда-то мы и выдвинулись в ночь с 4 на 5 ноября. Собравшись в клубе незадолго до отправления поезда, раскидали раскладку (продукты, палатки, тенты и т. д.) по рюкзакам, а затем пошли пешочком (благо университет находится недалеко от ж/д вокзала). Ночь отъезда вспоминается, как какой-то летний сказочный сон: тепло (шли в одних футболках, что очень необычно для начала ноября), освещенный город, народу на улицах мало (все-таки ночь)...

Погрузились в поезд, немного пообщались, и спать: завтра будет трудный день.

Дорога наша до Таганая проходила следующим образом: поезд Свердловск-Челябинск, затем электричка до г. Златоуста, а там уже и горы начинаются.

Приехав в Челябинск, мы тут же почувствовали, что на улице как-то нашей свердловской летней погоды не ощущается. На вокзале, пока ждали электричку до Златоуста, надели на себя теплые вещи, позавтракали (первый завтрак), прогулялись по Челябинску. Оказалось, что всего в 300 км от Екатеринбурга ходят другие трамвайчики — не такие, как у нас (у них раздвижные двери, узкоколейка... Возникла недоуменная мысль: «А разве такое бывает?»).

Гора Круглица.

Время ожидания пролетело быстро, и мы сели в электричку, которая повезла нас в заветные горы. Ехать до Златоуста надо было 4 часа, поэтому в дороге пели песни, в том числе про Таганай, играли в игры, и в итоге все уснули, так как ночью спали всего пару часов. Проснувшись я от холода, открываю глаза, и первый взгляд за окно. Вот что я там увидела: в лесу лежит снег, и небо все затянуто тучами; а ведь еще недавно, в Челябинске, светило солнце. Чем дальше мы ехали, тем больше снега появлялось за окном. Приехав в Златоуст, мы ощутили не теплую, а промозглую, дождливую (со снегом и обжигающим ветром) осень. Как рассказали нам местные жители, снег выпал в горах уже две недели назад, а на праздники обещают температуру ниже 10 градусов. «Ну, где наша не пропадала», — решили мы и пошли покорять новую для нас вершину — Таганай. На конечной остановке был отдан приказ утепляться (одеть бахилы, толстые свитера, варежки...)

Поскольку на Таганая все были в первый раз и не знали, сколько километров до леса, то решили заказать маши-

ну и на ней добраться до леса. В машину все погрузились (в тесноте да не в обиде) и поехали. В ходе разговора с водителем выяснилось (к тому моменту мы уже проехали примерно половину пути до следующего поселка), что нам от остановки надо было пройти метров 200, свернуть в лес — и вот он, Таганай! Нас благополучно высадили на середине дороги, и мы стали ждать попутную машину в обратную сторону (до конечной остановки автобуса в Златоусте). Водитель второй машины был очень удивлен, увидев толпу молодежи с рюкзаками посреди леса, но все-таки любезно согласился довезти нас до Златоуста. Так закончилась автомобильная часть нашего похода, в результате которой сильно пострадали запасы нашего «горячительного», так как приходилось со всеми расплачиваться именно им.

Наконец, пройдено 200 метров, и мы в лесу, а точнее, в заповеднике с таким необычным и красивым названием — «Таганай». В результате автомобильной эпопеи была потеряна большая часть дня, и поэтому первая ночевка состоялась недалеко от входа в заповедник (на расстоянии пары часов ходьбы), у реки.

Нас было 10 человек (в т. ч. 4 девушки) и 2 палатки. Поскольку о том, что на Таганая наступила зима, мы узнали непосредственно на месте. У нас не было с собой печки, и спали мы в «могилах» по 2-3 человека («могила» — большой спальник или 2 сшитых одноместных спальника, куда помещается 3-4 человека).

На следующий день, благополучно преодолев переправу через реку, мы добрались до горы, называющейся Откликной гребень. В этот день постоянно шел снег (валил хлопьями, как в сказке), видимость была плохая, но все эти факты не помешали нам сделать восхождение на Гребень.

Перед восхождением у подножия Откликного гребня мы повстречали двух мужчин. Впоследствии один из них рассказывал: «Стоим, никого не трогаем, и тут из леса на поляну у подножия горы выходит группа молодежи, одетой кто во что горазд. Судя по всему, им должно быть холодно, но, глядя на их веселые лица и то, как они живо уплетают сало, понимаем, что им не то что не холодно, а даже наоборот — жарко. В ходе разговора выяснилось,

Гора Откликной.

что они ходят также без печки. И это в пятнадцатиградусный мороз!»

Немного пообщавшись с нашими новыми знакомыми, узнаем, что мы не только из одного города, но также: мы учимся (а они учились) в одном учебном заведении, и что они также когда-то были членами славного турклуба УрГУ. На этом наши пути разошлись: мы двинулись на Откликной, а они — в Долину сказок.

Новые знакомые предлагали нам закончить маршрут в Карабаше, а не возвращаться Златоуст (вроде как не спортивно). Им самим идти туда и тропить очень тяжело, а компанией вроде бы веселей. И вообще, если бы кто-либо знал, что здесь столько снега, то все бы взяли лыжи, и не было бы никаких проблем.

Но все мы были без лыж. Руководитель нашей группы сказал, что выход через Карабаш, конечно же, хорошо, но, к сожалению, у нас мало времени, и мы вынуждены отказаться от этого варианта.

После Откликного гребня дорога наша лежала через Долину сказок на гору Круглица (самая высокая точка массива, 1164 м над уровнем моря). Долина сказок — истинного дивное место, в котором все окутано и покрыто снегом. Даже обыкновенные деревья кажутся здесь причудливыми фигурами, а снег разрисован загадочными узорами. А тени, падающие от камней и деревьев, рассказывают свои истории.

Следующая наша стоянка была на развилке (одна дорога шла на Круглицу, а вторая — на какую-то другую

вершину массива). На следующий день также выдалась мрачная погода: снег, ветер.

Но была запланирована радиалка на Круглицу, и ничто нам не могло помешать. Когда поднимались на гору, дул сильный ветер, видимость — не более 10 метров, но все-таки мы дошли до вершины (пики), съели там плитку шоколада «Седьмое небо», и пошли в лагерь, где нас уже ждали горячий обед и песни у костра.

На следующий день выдалась ясная, морозная погода, но мы уже, к сожалению, уходили. Пара часов (как известно, идти назад намного легче, чем двигаться вперед), и мы снова в Златоусте.

Последние фотографии на фоне Таганая, разбор продуктов (часть из них была отдана лесным жителям: птичкам, мышкам), и на поезд.

Дорога домой была легче, нежели вперед, навстречу приключениям. Поскольку, как обычно, когда заканчиваются выходные, билетов на поезд нет, пришлось просить добрых девушек-проводниц приютить (ну надо же как-то ехать домой), пустить в вагон. Мы заняли одно купе и «штабелями» улеглись спать.

Приехав в Екатеринбург, обнаружили, что и здесь наступила зима...

Зима на Таганая.

Еще один вид Таганая.

Фотографии Е. В. Савенко

Марина ШЕСТАКОВА

Главное — дольше и дальше!

(дневник)

*Кому чай, а мне досталась каша.
Я король дороги
Переведи меня через майдан
И теперь ходят люди в лесу
Мы ходим только прямо
И взор наш также прям.
Как можно больше веса
подалее отволочь..*

Снег. Скалы. Человек.

Однажды в студеную, но осеннюю пору 7 ноября 2002 года группа туристов в составе 10 человек (все из турклуба УрГУ) выдвинулась в поход по достаточно известному маршруту г. Полевской — пос. Зюзелка — гора Азов-Камень — гора Шунут — пос. Красный Яр. Роль Сусанина играл Андрей Коротков по прозвищу Красный (в молодости он носил красный комбез, а другой Андрей носил зеленый), решивший, видимо, выяснить: 80% новичков погибают в первом походе или все же 80% выживают!? А заодно и сверить карту с действительностью, что происходило чрезвычайно интересно и увлекательно, особенно для остальных участников мероприятия!

Для меня это был первый поход в осеннее время, так что, хоть и был он всего три дня, зато впечатлений — по самое не хочу.

Шли мы довольно весело в плане темпа и настроения. Подобралась хорошая компания, что в походе, считаю, так же важно, как и хорошая погода.

Кстати, о погоде. Думаю, нам повезло, так как, по рассказам местных, в ноябрьские праздники бывало и -15 и -20 по Цельсию. Нам же достался минус совсем небольшой, когда и нехолодно, и снег не тает.

А начался наш доблестный поход с покорения горы Азов-Камень. Так себе горка. На мой взгляд, довольно невысокая, зато наверху скалки — красивые. Кому как, конечно, но на меня подобные творения природы всегда производят большое впечатление и запоминаются надолго.

Мы немножко полазили по ним без страховки и двинулись дальше. Остальной маршрут в этот день представлял собой простой перенос тяжести из пункта А в пункт «куда унесем».

Сколько мы тогда успели пройти в километрах, я уже не помню, но значительную разницу между летними и осенне-зимними походами я ощутила.

Но вот наконец мы встали на ночевку. Начались все необходимые приготовления: поиск сухарей, разведение костра, установка шатра, заготовка дров для печки, которые должны быть длиной примерно от кисти руки до локтевого сгиба.

Про шатер вообще отдельная песня. Центральный кол был превращен в чудо-дерево. Мы его дружно обвесили мокрыми вещами. Завязывайте шнурки лучше, а то неприятно, когда посреди ночи вам на голову падает связка ботинок!

Утром — всем знакомая процедура подъема. И дальше как на киноплёнке, просматриваемой в обратном по-

Безымянные горки между Шунутом и Азовом

рядке: тушение печки, сбор шатра, снятие вещей с центрального кола и т. д... А после завтрака — «под рюкзаки».

Хождение во второй день было более интересным — во-первых, мы ходили по азимуту, а во-вторых, с препятствиями. Лес да лес кругом, путь далек лежит. Все же поход — это не только переход из пункта А в пункт Б. И потому — маленькое лирическое отступление. Зимние пейзажи, зимний лес — это действительно красиво! У меня иногда создавалось впечатление, что мы просто попали в сказку! Здесь высокие могучие ели, как будто поглощают солнечный свет и создают полумрак. А на полянах снег искрится как-то по-особенному... Но самое забавное приключение этого дня ждало нас впереди. Река Ревда.

«Переправа, переправа, берег левый, берег правый»... Мне доводилось переходить через нечто подобное, но летом! Тогда перспектива искупаться не была настолько нежелательной. Пробежались вдоль берега, но узкого или мелкого места не нашли. Мужская часть группы ушла валить деревья для постройки мостика. На мой взгляд, переправа получилась просто отличная. Переходить, правда, пришлось с шестом — точнее сказать, с дрынком. Это похоже на хождение по канату. Слава Богу, что никто не искупался — а то было бы совсем не весело. Далее пошел перегон без особых приключений.

На третий день мы дошли до заветной цели. Вот он, Шунут! Самая высокая вершина Среднего Урала! Почему-то я считала, что Средний Урал выше Южного, но оказалось наоборот. И вот позади муторный подъем до вершины. Если бы небо было ясным — вид был бы просто замечательный. Но все утонуло в сером облаке — видимо,

не судьба. Скалы и снег, снег и скалы... от них веет чем-то грозным и вечным. Хотя камни меняются гораздо медленнее, чем люди, думаю, что если вернусь сюда еще раз, то Шунут будет несколько другим. Это зависит от времени года, от людей, которые рядом... и от моего настроения.

От Шунута мы бодрым ходом двинулись к Красному Яру, куда вошли под дружный лай местных собак. Минут сорок танцевали в ожидании транспорта.

Наконец явился долгожданный автобус, и это был «Икарус». Полдороги мы развлекали песнями народ в автобусе. Ехали примерно час, поэтому особо надоест, видимо, не успели. Мы пели песни и потихоньку возвращались в цивилизацию. Мы прощались с нашим романтичным и чудесным походом.

А как хорошо, что он был!

Мы на вершине Шунута

Марина МОДЕНКО, г. Первоуральск

«Что нам снег, что нам зной...»

С 1993 года в школе № 15 (п. Динас) г. Первоуральска существовала секция спелеологов. С февраля 1995 года она «переместилась» в Центр Детского Творчества. Руководитель секции — Залесский Александр Владимирович.

Спелеологи — не альпинисты, их не остановят погодные условия. Кроме того, у горно-восходителей снаряжение куда проще. А под землей температура колеблется от +2° до +4°. Представляете картину: мрак, стопроцентная влажность воздуха, грязь, а под ногами — то пустота, то хлещет ледяная вода, (хотя последняя может литься и сверху), а вы ползете по глиняной жиже или как человек-паук поднимаетесь по скальной стенке с огромным количеством специального снаряжения (страховка, различные веревки, карабины, транспортные мешки с провизией, вещами и др.). Плюс на голове — каска с фонариком, как у шахтера. Когда вы все это представите, то можете утверждать, что вы знаете, кто такие спелеологи.

Конечно, не сразу ребята попадают в пещеры. Спелеология требует особой подготовки, так как считается одним из самых сложных видов туризма

Сначала ребят учат самому «малому», как говорится, «основам»: разводить костер, приготавливать пищу — пока наверху, в условиях леса. Ребятам так же обучают, как правильно рассчитать провизию и одежду, как подготовить себя к походу. Когда человек побывал в лесу, то начинается более серьезная подготовка. На невысоких скалах и в маленьких пещерках будущих спелеологов тренируют передвижению по сложному рельефу, показывают, как снаряжаться, как работать с веревкой и специальными приспособлениями для спуска и подъема. Все это доводится до автоматизма.

У спелеологов должен быть высокий уровень физической подготовки, поэтому параллельно ребята занима-

Тренировка на скалах Петра Гронского.

ются в спортзале, тренируя мышцы и легкие.

И когда юный турист достигнет определенного уровня подготовки, он может спускаться в серьезную, сложную пещеру, где у него будет возможность стать настоящим первопроходцем и первооткрывателем. Да, да — именно спелеологи наряду с археологами и геологами каждый год открывают новые пещеры.

В спелеологии важны не только навыки и физическая подготовка, но еще знания теории, которая соприкасается с такими науками, как петрография, минералогия, гидрогеология и даже археология.

Конечно, как и любой другой вид туризма, спелеология связана с очень высокой степенью риска, и при утрачивании освещения шансы выбраться на поверхность приравниваются к нулю. Но спелеолог — энтузиаст, жаждущий путешествий такого рода. Спелеология не экстремальна, потому что кроме обязательной страховки, все рискованные действия сводятся к минимуму. Кроме покорения глубин, спелеологи занимаются еще и спасательным делом, умея оказывать первую медицинскую помощь, и даже способны переносить носилки с товарищем, раненным

Интересно еще и то, что, оказывается, самая длинная пещера в мире — Флинт Мамонтова — достигает 500 км. А на Урале есть пещеры, которые насчитывают десятки километров, например, Тизеловская пещера (более 10 км.) и пещера Дивье (более 14 км.). Они относятся к трехмерным лабиринтам. По глубине мировой рекорд достигли спелеологи в пещере Воронье (в Абхазии) — более 1700 м. На Урале имеются пещеры более сотни метров в глубину.

Но первоуральский спелеоклуб — все-таки детская секция, поэтому их руководитель, А.В. Залесский, имеет свое мнение о клубе спелеологов: «Ребенок должен иметь «выход» на этот огромный мир, заниматься только спелеологией нельзя: это сужает кругозор и даже мировоззрение подрастающего поколения. Поэтому кроме покорения глубин Земли ребят обучают и медицине, и спасательному делу, и даже прыжкам с парашютом. Последнее нам удастся без проблем, так как в ЦЦТ есть еще и парашютно-десантный клуб «Саланг», с которым сотрудничает наш клуб спелеологов. Все это позволяет ребенку расти духовно и развиваться полноценным, здоровым человеком. В команде у нас порядка сорока человек, но основной состав колеблется от 25 до 30 человек. Новички ходят через раз. Но если пришедший в клуб ребенок после года обучения останется, то он останется надолго. Это уже почти что традиция. Кроме того, команда очень дружная. Наверно, поэтому Первоуральский клуб спелеологов — одна из самых сильных команд Урала (среди детских, конечно), добивающаяся рекордных результатов».

Заметно, что ребятам очень нравится в спелеоклубе. Вот мнение одного из них:

Москалев Александр, 16 лет:

«Я в спелеоклубе с 11 лет. Все началось с того, что я пришел сюда вместе с друзьями, потом они ушли, а я остался. Сначала было очень трудно, а потом я привык. Бывал во многих пещерах, среди которых: Смолинская пещера (их там четыре), пещера Сумган, шахта Юшина, первая и вторая пещеры Геологи, пещера Ребристая, пещера Темная. Так как я в спелеосекции 6 лет, то у меня уже третья категория из пяти. В спелеоклубе мне очень нравится. Наверно, любовь к пещерам поселилась во мне навсегда!»

Что ж, с такими ребятами Первоуральский клуб спелеологов имеет неплохое будущее. Кроме того, сейчас, команда еще с ноября готовится к февральской экспедиции вместе с Екатеринбургским клубом спелеологов.

А нам остается только пожелать им удачи и того, чтобы они занимали побольше призовых мест!

Юные спелеологи.

Спуск по веревке.

Владислав РОТБЛЮТ

Отортен

Среди источившихся обломков вдруг, обернувшись, увидели глаорию. Разорванная радуга — точно разведенный мост, точно обрушенный свод вокруг белого пятна. Пятно, расширяясь, прорвалось — и на вертикальном, теряющемся где-то в долине Пурмы луге, как образцовый шарик на пальце, вспыхнуло солнце. И из-за занавеса белой мглы зачернели кукольные крепости: стены и башни, зубцы и бойницы. Пурра-Монит-Ур, знаменитый «разрушенный замок».

А накануне в вязкой мгле целый день спускались по хребту, словно катились внутри снежного кома. Только бугрились иногда неприкрытые снегом гребешки камней, да кристаллами осаждались из сплошного мутного раствора тоже белые — в пудовых снежных латах — склоненные фигуры небольших елей и совсем маленькие елочки, скрученные, как молодой папоротник. Мы спускались к перевалу имени группы Дятлова.

«Их было девять» — выбито на мемориальной плите. «Их было девять, ушедших и не вернувшихся». Их было десять — один вернулся с самого начала маршрута, не дойдя до гольцов. Нас тоже десять, и почти все родились после второго февраля 1959-го. Мы не поднимались, как они, на перевал, а, наоборот, спустились к седловине с вершины Холат-Сяхль, что значит по-русски «Гора Мертвецов». «Однажды здесь погибли девять манси», — объясняет Владимир Константинович Матвеев, известный уральский топонимист.

— Дурное место, — говорил Ильич, самая большая неожиданность нашего похода. Из бесплотного имени, названия на карте он превратился в реально существующего человека. Туристы давно считают его такой же легендой, как тех девять неведомых манси, уточняют по довоенным картам дорогу к «промбазе Ильича, а Ильич сидит в одной из изб промбазы и,

Скальные выходы на вершине Отортена

глядя, как мы пьем чай, рассказывает о человеке без головы, что ходит по перевалу. Оправившись от первого потрясения, понимаем, что Ильич любит и умеет посмеяться и над нами, и над собой, и над легендами; что семьдесят лет для него не старость; и что мы, черт возьми, ему здорово завидуем. Они шли к Отортену, как на главное свое сражение. И по Сульпе — левому притоку Лозьвы — должны были вернуться... А мы возвращались с Отортена. Пришли же к нему по Сульпе...

Нет, наш поход не посвящался им, да и те полчаса, что мы были на перевале, группа не стояла в подавленном молчании: мы и смеялись, и хрустели сухим перекусом.

Память сложнее поминовения. Вновь и вновь вры-

вались они — живые, одетые, во всем похожие на нас: в наши думы и споры ; да и Ильич, прошедший под этими горами не годы — жизнь, относящийся к туристам с иронией, говорил же о мифическом безголовом так: «На Дятловском перевале ходит... На Дятловском перевале... Под горой Мертвецов — девяти безымянных манси...»

Оторген встретил белой мглой и сильным ветром. «Вмордувинд», как говорил капитан Врунгель. Маски быстро заледенели, обмораживая скулы.

Мышцы кажутся чуть окостеневшими, но чувства, напротив, обостряются.

Чудится, что в тебе просыпается детство.

Знакомые по фотографиям останцы преградили путь неожиданно. Повернули к туру, но и его увидели, лишь подойдя вплотную.

Фотографируемся — от улыбающихся, в протуберанцах заиндевевших волос лиц товарищей — на душе заметно посветлело.

И начинается фантастический спуск... Большая скорость в такой мгле опасна, а откуда же на этих склонах возьметесь маленькая? Не так уж широки коридорчики меж камней. И начинается судорожная буффонада дореволюционного синематографа — почему-то смешными считались эти состоящие из одних падений фильмы. Немые? Прекрасно. Говорил же Джек Лондон о белом безмолвии! И мы не зрители — нет, мы сами чернеем на белой, размытой, но не временем, а снегом ленте. И уж, конечно, какие там мысли в подобном фильме! Пожалуй, только одна — не сломать бы лыжи...

Одну лыжу-таки сломали, притом задолго до гор. Снега на бульпе выпало ровно столько, что одинаково тяжело было идти и пешком, и на лыжах, а лес густой, сильно засо-

ренный — настоящий урман! На реку, в которой, как подтвердилось уже и на практике, можно еще купаться, глядим не то что с обидой — с недоумением: вот через две недели по ней можно будет мчаться буюром, но нас-то здесь не окажется...

И у каждого в мыслях: скорей бы безлесье. Скорей бы горы!

И вот мы снова спускаемся к лесу, робкому, прозрачному и чистому; к теряющейся в урмане тропе с катпосами — знаками манси — на затесах; к нартовой, а потом и автомобильно-лесовозной дороге, а там и к людям. К дому, пусть еще и не к своему.

Спускаемся с Пурра-Монит-Ур — последней нашей горы, солнце, расплывшееся белой пылью, качается, точно чертик на пружине...

Траверс склона.

Александр КРЮКОВ

Я выбираю спальник и рюкзак

Спальник

Необходимо прежде всего обратить внимание на то, чтобы слой уплотнителя в спальнике был равномерным, без комков и «пустот».

Молния должна свободно расстегиваться по всей длине. Если Вы планируете состегивать несколько спальников, помните: помимо всего, молния должна быть разъемной.

Молния по всей длине должна быть защищена специальной планкой, чтобы через нее не проникал холодный воздух. Желательно также, чтобы около капюшона была специальная застежка (крючок или кнопка), препятствующая самопроизвольному расстегиванию молнии во сне. Длина и ширина спальника должны соответствовать вашим размерам.

Цвет спальника не имеет большого значения, хотя, на мой взгляд, лучше темные.

Фирмы-изготовители обычно комплектуют спальники упаковочными мешками. Для зимних походов предпочтителен пуховый спальник, а для летних и особенно водных желателен сипроновый (легко поддается просушке в походных условиях).

Рюкзак

Рюкзак — один из важнейших атрибутов любого туриста. Чтобы сделать процесс переноски вещей максимально комфортным, желательно подобрать рюкзак, отвечающий всем необходимым требованиям. Рюкзаки различаются по назначению, объему, подвесной системе, материалу, из которого они сшиты, а также по многообразию различных дополнительных деталей и возможностей.

Сразу определитесь, для какой цели и какого объема вам нужен рюкзак. Выбрав понравившуюся модель, обязательно примерьте ее. В большинстве магазинов вам предложат для примерки плотно набитый рюкзак. В этом случае вы сможете реально оценить, насколько удобно он сидит. Застегнутый поясной ремень должен находиться ниже уровня талии: тогда позвоночник не будет перегружен.

Хорошо бы, чтобы у рюкзака была «плавающая» подвеска — по крайней мере, если ваш рост сильно отличается от понятия «средний».

Лямки должны быть достаточно мягкими, чтобы не давить на плечи, и при этом не слишком тонкими, чтобы не сминаться.

Стягивающие боковые ремни не должны быть короткими, им нужен определенный запас. У большинства современных рюкзаков пластиковая фурнитура (пряжки и т. п.). Хорошие пластиковые пряжки выдерживают нагрузку до 200 кг, а в эксплуатации удобнее металлических... Но лично мне нравятся железные пряжки.

Внимание!

«Майский экстрим»!

«Майский экстрим» — это водный праздник, праздник реки Исети, на берегах которой стоит Екатеринбург. Это напряженная, спортивная гонка на каяках, байдарках, двух— и четырехместных катамаранах. Экстрим проводится при поддержке Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области, Администрации г. Екатеринбурга, Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Организатором гонки выступает журнал «Уральский следопыт» — издание, имеющее огромный, многолетний опыт поддержки и освещения всех видов активного отдыха.

И вот в 2003-ем году проходит очередной, седьмой «Майский экстрим»! Традиции этих соревнований, заложенные в 1997 г. турклубом УрГУ, продолжают развиваться.

Старт — 25 мая на Плотинке, промежуточный финиш спринтерского этапа — после Малышевского слива, финиш — у моста в парке им. Маяковского.

Ожидается участие более 40 экипажей из различных городов Урала.

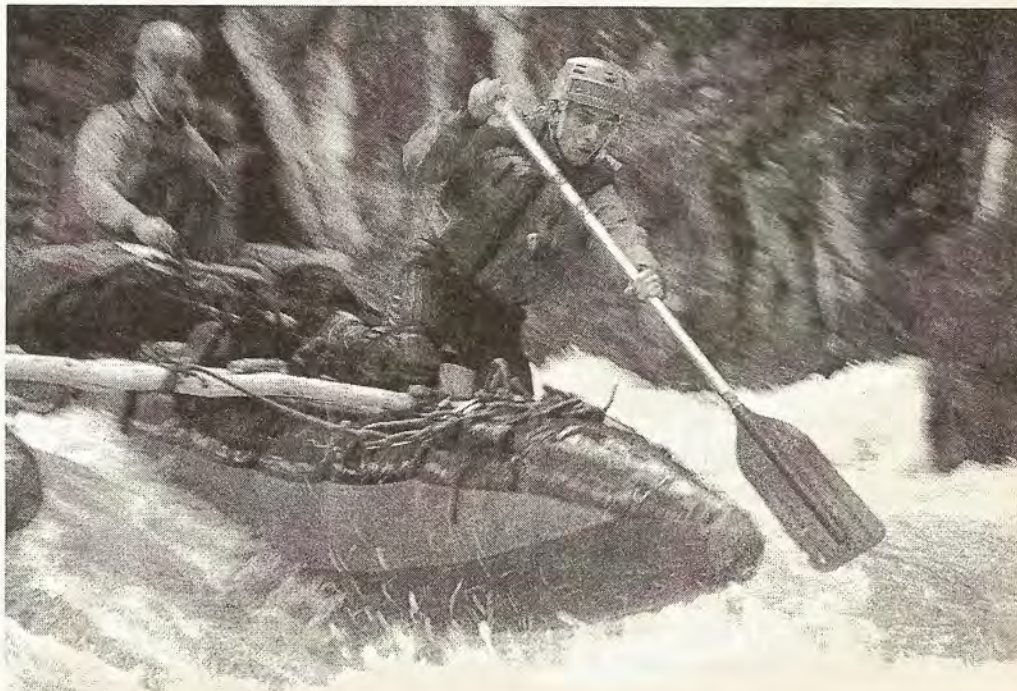
Основная задача «Майского экстрима» — популяризация водных видов спорта. На Среднем Урале проходит немало водных соревнований — по рекам Чусовая, Решетка, под

г. Каменск-Уральский на пороге Ревун. Но только наши состязания идут непосредственно на территории города, и поэтому собирают по-настоя-

щему большое количество зрителей — более 5 тысяч человек. Болельщики стоят не только на Плотинке, но и приветствуют спортсменов на протяжении всей трассы. А она будет проходить по красивейшим местам г. Екатеринбурга: мимо памятников архитектуры и недавно отделанных прекрасных набережных, мимо музеев и цирка.

Город покажет и спортсменам, и болельщикам свою весеннюю красоту: ведь по берегам Исети и вблизи от них раскинулись парки, стоят современные, светлые здания, построенные по индивидуальным проектам. Через воды реки перекинута уникальные старинные мосты. Один из них — Царский — украшает улицу Декабристов вблизи от редакции «Уральского следопыта».

«Майский экстрим» включает в себя и зрелищные, познавательные моменты: показательные спасательные работы, родео на бурной воде, выступления каякеров, эксимосские перевороты, прыжки с берега и с пешеходных мостиков.

Урал флаг

Полноцветная Широкоформатная печать на ткани

Флаги, растяжки, панно,
стойки для флагов:
настольные, напольные,

Екатеринбург, ул. Шевченко, 9
тел./факс (3432) 787 464
uralflag@mail.ur.ru

АВТО + МАСТЕР

10 - 13 июня

Основные разделы

ВЫСТАВКИ:

- Автомобили, мотоциклы
- Тюнинг и аксессуары
- Двигатели, автозапчасти
- Шины и диски
- Автостекло
- Автохимия, средства по уходу за авто
- Аудио и видеосистемы
- Системы охраны и безопасности
- Автосервис, оборудование и инструмент
- Гаражное оборудование
- Страхование и обучение
- Специальная литература

При содействии:

Министерства торговли, питания и
услуг Свердловской области

В программе выставки:

Пресс-конференции, презентации, семинары,
шоу-программы. Награждение участников ме-
далями и дипломами выставки.

Ярмарка товаров и услуг для автомобилистов

КОСК "Россия"

Тел/факс (3432) 48-77-33, 48-77-07

E-mail: Vckosk@infoteck.ru http: Www.vc-kosk.nm.ru

vc-mic@infoteck.ru

Марина МЕЛЕКА

Тяжела и неказиста жизнь уральского туриста...

Вместо того, чтобы написать скучное сочинение на тему «Как я провела летние каникулы», мной был сделан маленький реферат, своего рода научный доклад, который содержит в себе краткое описание жизни туристов, а поскольку эти существа мало изучены наукой, то прежде всего дам определения некоторым непонятным терминам.

(А кстати, вы, наверное, уже догадались, что этим летом я была в походе...)

И так, ТУРИСТ — существо «не из мира сего» — получеловек, полуинопланетянин. Питается чем попало, тяготеет к трудностям и опасностям. Любит поесть!

Далее, КУРКУЛЬ — турист, который больше всех любит поесть и непонятным науке образом объедает всю группу.

ЗАВХОЗ — это чаще всего куркуль, а еще чаще — особь женского пола. Туристки-завхозы отвечают за общественные продукты, поэтому тщательно оберегают их от остальных туристов.

ЗАВСНАР — садист... распределяет групповое снаряжение, всегда подсунет такое, что ни в один рюкзак не влезет, да еще тяжелое, как десять кирпичей.

ЧЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ — походные котелки.

А да, чуть не забыла... еще был РУКОВОДИТЕЛЬ — но он оказался нужен только для того, чтобы заставлять туристов мыть «черных друзей».

За семейством туристов замечены определенные повадки:

Вставая рано утром, дежурные идут «целовать черных друзей», чтобы боги послали им немного еды... а в следующий момент налетает вся стая и съедает все, что «наколдовали» дежурные.

Затем племя туристов начинает ритуальные магические движения вокруг карты и компаса. Это, чтобы не заблудиться.

После этого туристы двигаются в путь. Они идут с целью во чтобы то ни стало добраться до заветной цели. Это, наверное, болезнь, и они все неизлечимо боль-

ны. И у меня есть подозрение, что это заразно.

Туристы пробираются сквозь болота, форсируют реки, лезут в гору по скалам... их непонятным образом влечет к тому месту, которое отмечено на карте крестиком. И только дойдя до цели маршрута, группа поворачивает обратно. Долго бредет по лесам, пока не понимает, что сбилась с тропы и, похоже, заблудилась. И вновь — танцы над картой с компасом в руках. Приходится возвращаться на десять км назад, приговаривая: «Это войскам тренировка» или «10 км для бешеной собаки не крюк...» И только в сумерках они выходят на дорогу. Начинается следующий ритуал: «Ловля попутной машины». Как правило, в кабину к водителю подсаживают самых словоохотливых туристок, которые действуют по определенному плану, пробуя темы разговора: «Поселок, погода, природа и рыбалка» находят отклик в душе скромного «рыцаря дорог». В результате группа успешно добирается до вокзала и временно поселяется в нем, ожидая поезда и приводя в ужас других обитателей этого заведения своими громкими песнями.

Остается только добавить, что турист в неволе начинает болеть, поэтому не рекомендуется забирать их из общей стаи и мест обитания.

Куркуль куркуля всегда поймет.

Фото М. Гусевой.

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Непройденный маршрут

К сумеркам мы успели установить свой небольшой палаточный лагерь: три жилых палатки, столовая, камералка, и одну поставили под баню

Дождь все так же моросит, но хоть нет такого ветра, как поверху. Поставили с Олегом раскладушки, перенесли выючные ящики с топографическими и геологическими картами по участку работ, затопили небольшую печурку, и в палатке стало тепло и уютно.

Я и не заметил, как заснул: видно, постоянное напряжение в дороге сказало так таким образом. Зато проснулся очень рано, бодрым и выпавшимся.

Все так же моросит мелкий дождь, серая мгла туч клубится над понурыми елями и сникшими березками. Балабанты притихло, не плеснется рыба, не вскрикнет печально гагара. Озеро все же большое, около семи километров в длину и два в ширину: есть, где разгуляться волнам в ветреную погоду. А сейчас успокоенное, убаюканное туманами озеро дремлет в своей первозданной тишине.

Тишина царит и в нашем палаточном городке. Пусть поспят от души, спешить никуда не нужно: мы на месте.

Трое суток полоскал дождь наши промокшие палатки, притихшую тайгу и загрузившее озеро. И лишь на третий день к вечеру небо стало проясняться. В разрывах между тучами проблескивают первые звездочки, вселяя надежду, что погода изменится.

И правда, утро было ясное и солнечное, куда подевалась сырость и серость прошедших дней. Изумрудом в таежной оправе сверкало святое озеро Балабанты, на берегу которого под лучами жаркого солнца прямо на глазах обсыхали наши палатки. И именно с этого дня вокруг нас стали происходить странные вещи.

Неожиданно заболел Валерка: температура поднялась под 39; трясет всего. Мы ничего не могли понять, да и наши скромные запасы медикаментов, а тем более наши скудные познания в медицине не оставляли время на размышления. Тут же утром по рации запросили санборт. Вертолет прилетел через три часа, и мы проводили Валерку к «вертушке», которая и увезла его в поселок, в больницу. Унылые, побрели мы в большую палатку, где у нас и столовая, и камералка, и склад, и все остальное. Первым не вынес тягостного молчания Олежка:

— Михалыч, а как мы без водителя останемся?

— А никак, ты в прошлом сезоне управлялся с «газо-

Экспедиционные будни.

ном», и в этом придется. Да и Саня, по-моему, разбирается в технике. А Никола у вас будет инструктором.

— Михалыч, а куда пойдем сегодня?

— Наверное, пойдем по Балабан-шору вверх до истоков, выйдем на вершину, немного там походим, и домой.

— Погода сегодня чудесная, только топай и топай, нет ни мошки, ни комарика.

— Это точно: раннее лето и поздняя осень самое лучшее время в тайге. Смотри, Олег, после ненастья все ожило, забегали букашки всякие, муравьи зашустрили. Не только людей гнетет непогода.

Доели тушенку, запив янтарным купеческим чайком,

(Продолжение. начало в № 1.)

не спеша выкурили по сигаретке и засобирались снова в путь, снова вверх, в горы.

Внимательно осматриваем и простукиваем молотками все встречающиеся на пути скалы и обнажения. Но ничего похожего на эклогиты не встречается, да и наивно было бы предположить, что в первый же день бешено улыбнется удача. Так не бывает в жизни, только в хороших добрых сказках.

Не так уж и далеко оставалось нам подняться в горы, а там чуть-чуть пройдем — и вниз. Через полчаса выбрались на плоскую вершину, покрытую мелким, редким березняком. А впереди засеребрились, засверкали белоснежной голубишной вершины основного хребта Урала. Там, в горах, лежит снег. Странно: здесь лето, а там еще снег.

Снег в горах начнет таять в конце июня, вновь забурлят горные речушки, вздыбится вода и хлынет вниз, затопляя поймы и луга. Половодье будет похлеще, чем весной, большая вода будет долго держаться на одном уровне: в горах снега немеряно, когда все стает? А пока только радуют глаз безмолвные иссиня-белые вершины далеких гор.

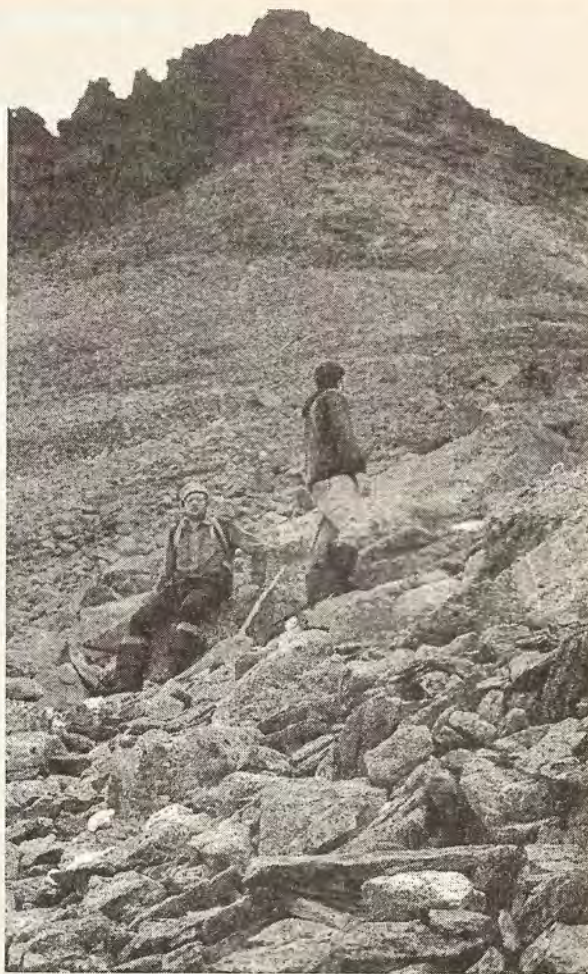
— Пора и спускаться, Олежка. По времени мы и так уже задерживаемся.

По мелкому сосняку спускаюсь вниз, где-то сзади ползет Олег, обшаривая по пути все останцы. Постепенно редкий сосновый бор переходит в темный густой и сумрачный кедрач, ноги сами несут по пологому склону. Дорога одна: только вниз, и думать особенно не о чем.

Думай не думай, но когда поднял глаза от земли — ноги сами затормозили и стали как свинцовые. Передо мной в десяти шагах стоял хозяин тайги, огромный бурый мишка, похоже, также ошарашенный неожиданной встречей. Видно, и он увлекся чем-то, не услышал шагов приближающегося человека. В памяти осталось только то, что я следил за его глазами и огромной головой, которой он медленно поворачивал вправо и влево, а глазки так же пронзительно следили за мной.

На мое счастье, он, видимо, был в хорошем настроении и совсем не хотел кушать. Ему надо-то два прыжка, чтобы снять мой скальп. Вспомнились рассказы бывалых охотников, не раз встречавшихся в тайге с медведями: мол, надо попросить хозяина уступить дорогу, и он уйдет в сторону. Но не тут-то было. Я его просил и по-русски, и по-хантейски, чтобы он топал своей дорогой, чтобы ушел в сторону. А он, зараза, как стоял, так и стоит, только глазки его хитрющие крутятся в разные стороны. Вот тут-то я и запаниковал: не хочет хозяин уходить. Ну, думаю, попробую тихонько стянуть с плеча ружье, а там видно будет. Медленно-медленно левой рукой пытаюсь снять ремень с ружьем, но, как всегда бывает, поверх ружья на плече болтается полевая сумка.

Здесь я и отвлекся на миг от медведя. А когда посмотрел вновь, то увидел лишь удаляющуюся задницу мишки.

Короткий отдых на маршруте.

И только спустя какое-то время понял, что рядом со мной стоит Олег.

— Михалыч, ну ты и даешь. Как тебя угораздило нос к носу с медведем сойтись?

— А что-то задумался. Очухался, а вот и он стоит. Куда бежать?

— Не знаю, меня бы кондрашка хватила.

— Все прошло, Олежка. Хорошо, что ты вовремя подошел. Мишка тебя и испугался. Наверно, решил, что двое слишком много, и ретировался. Пошли, а то нас уже ждали.

К лагерю подходили уже в сумерках. Из столовой вкусно пахло жареной рыбой и луком, и тихо наяривала музыка.

Не выдержав таких запахов, напрямиком, оставив ружья на улице, завалили в столовую.

— Где вы запропали? Второй раз разогреваю ужин, — выговаривает Аннушка. Кратенько пересказываю сегодня

няшнюю встречу. Говорю о том, что вообще больше поодиночке в тайгу ни шагу, и даже рыбачить на озере — только вдвоем.

— Все понятно?

— Угу, — раздается из угла, где Никола и Саня рубятся в шахматы.

Прошло две недели упорных поисков, пунктиры на карте наших маршрутов частым гребешком прошерстили отроги седого Урала на запад от Балабанты. Но результаты, как говорят, нулевые.

— Вот что, орлы, я могу предложить вам: похоже, наши поиски пока не приносят результатов. Давайте неделю еще «побегаем», а затем мы с Олешкой

на одной машине перебросимся к ручью Парус-шор. От этой стоянки мы сможем отработать на север до Тыкотловы.

— Михалыч, а водитель с вами уедет, или как?

— Нет, Саня, Николай будет у вас, да и до Парус-шора всего пятнадцать километров, так что мы еще не один раз прибежим к вам.

— А продукты как будете брать?

— Примерно на месяц, а там видно будет, Аня.

И еще пролетела неделя наших бесплодных поисков. Нет никаких зацепок за алмазоносные породы.

Правда, не совсем поиски были и бесплодны.

Как-то уже вечером, вернувшись из маршрута, Саня торжественно занес в камералку и выложил на столе казачью саблю в ножнах, а Аннушка поставила рядом три огромных металлических банки с чаем.

— Вот это да, — взревел от восторга Никола, выдергивая саблю из ножен, — гляди, не поржавела даже, а, наверно, древняя.

— Древняя не древняя, а с гражданской войны, поди, осталась. Вон смотри, чай байховый «краснодарский» купца Игнатьева, — крутит в руках банку чая Олешка.

Чай и правда выпущен чайной фабрикой купца Игнатьева в 1912 году, но, похоже, вполне пригоден для употребления спустя почти 90 лет. В металлической банке в фольге, вошенной бумаге и еще в чем-то он выглядит вполне съедобно.

— Нет, ребята, не будем экспериментировать. Хватит, Хозумова отравили санрейсом. Он только что вышел из

Изда-приют.

больницы, так что эту тему оставим, а саблей любуйтесь, сколько хотите.

Собрал банки с чаем и унес в палатку: а то кто-нибудь надумает и правда заварит чайку.

Пораньше с утра начали собираться в дорогу. Грузили в машину продукты, спальники и еще кучу всякой мелочевки.

Пришла пора расставаться с чудесным озером Балабанты. Возвращаться, наверняка, придется поздней осенью с мутными осенними дождями, круговертью желтой листвы и жаром багряных рябин.

Каким встретит нас озеро? Таким же пасмурным и угрюмым, каким мы увидели его впервые, или же таким, какое оно сейчас: лазурное, ласковое, так и плавится в лучах яркого июньского солнца, вскипая у берега бисером брызг от стай мелкой рыбешки? Как сложится наша работа, что ждет нас впереди?

— Вот вроде бы и все, ждите нас в гости. Еще раз не забудьте: в 8°° связь с базой, ежедневно. А так же внимательнее с мишкой, он так и бродит где-то рядом. А тебе, Колюня, под охрану лагерь и все остальное.

— Все понятно, счастливо, Михалыч, до встречи, Олег!

— Пока, пока! Трогай, Олешка.

Дорога заняла не так много времени. Через четыре часа мы уже установили палатку на берегу шумного, но неглубокого ручейка Парус-шор. Уютно задымил костерок, разгона первых комаришек.

— Слышь, Олешка, а ты почему в институт не поступаешь, все тянешь? Пора и самостоятельно начинать рабо-

тать. Вон в Свердловском горном в деканате нормальные таежные кореша есть, с поступлением — никаких проблем.

— Даже и не знаю, Михалыч, если только на заочное. Не знаю, может, и попытаюсь.

— Хорошо бы этой зимой поступил, а мы бы тебе подмогли, а, Олежка? А пока плесни-ка мне шулемки, давай поедем, да и спать пора.

Утро на новом месте встретило нас проливным дождем. Холодный ветер порывами гнал с гор тяжелые набухшие грозовые тучи. Тугие струи воды беспрестанно барабанили по брезенту нашей палатки. Хотя еще вчера ничего не обещало непогоды: светило солнышко и закат был чудесный. Но Север есть Север: погода меняется непредсказуемо, быстро. Ничего не остается делать, как вылезать из спальника, растоплять печурку. Сыро, мерзко, брр... Загудела, раскаляясь, печурка вместе с теплом заполняя палатку давным-давно забытым домашним уютом и запахом кофе. Дым сигарет...

Утром пораньше, прихватив ружья, ушли вверх к Тыкотлове, в горы. Потянулись однообразные дни выматывающих маршрутов. Возвращаемся поздно и часто затемно, что-нибудь похлебаем — и спать, чтоб с раннего утра уйти в горы.

И только через пару недель появились обнадеживающие находки. Первые серо-зеленые камушки эклогита, невзрачные, но столь долгожданные, отыскал, конечно, Олежка. Закончив маршрут в истоке ручья в самых горах, мы уже собрались возвращаться, сели на корягу перекурить.

— Смотри, Михалыч, это что такое? — Олежка поддел носком сапога булыжник из-под ног. Камень как камень, таких не счесть на склонах гор и по берегам горных рек. Треснул я его, а он возьми и засверкай изумрудной зеленью на свежем сколе. Я аж ахнул:

— Олежка, так вот он и есть этот эклогит, который мы ищем уже два месяца! Черт подери, под ногами валялся. Завтра придем сюда, вот удача-то. Вынеси на карту место находки, а я пока замаркирую образец и запишу в ликетажке.

— Все готово, — щурится довольный Олежка, — что теперь, домой?

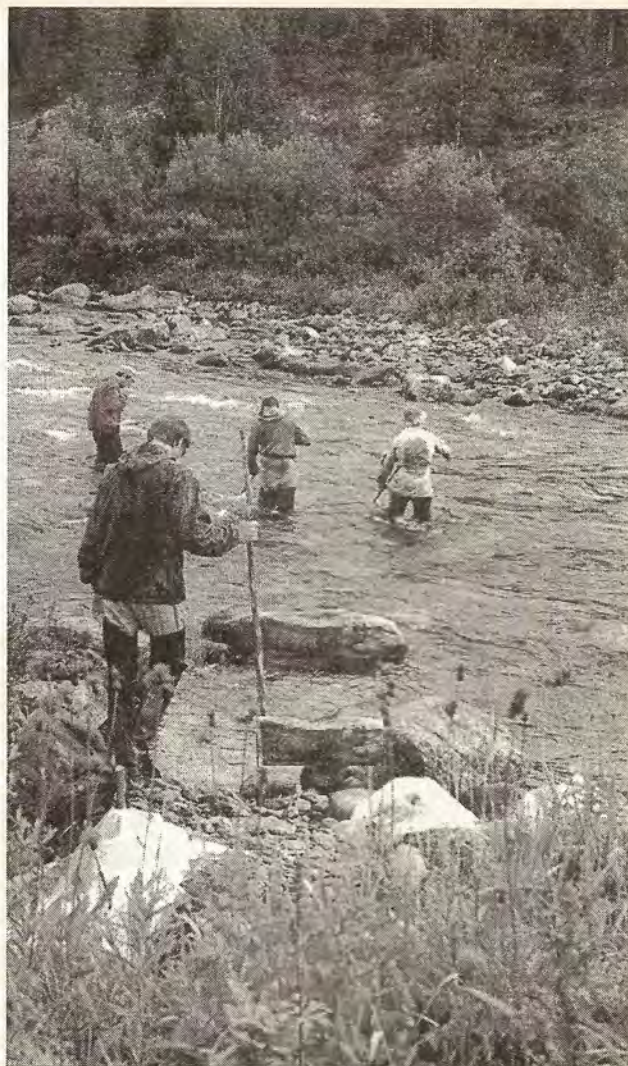
— Да. Сейчас с чистой совестью можно спускаться к палатке.

Не торопясь, вдоль ручья двинули домой. После находки ноги бегут сами, не чувствуя усталости. Еще бы, после двухмесячных бесплодных поисков такая удача!

Удача-то удача, но когда пришли в лагерь, от удивления чуть не сели. На месте не оказалось нашего вездехода!

— Смотри, Олежка, вся палатка разодрана в клочья!

— Нет, кто-то ее ножом исполосовал, видишь, следы порезов на брезенте. А продукты гады пораскидали.

Переправа через таежную речку.

Олежка от возмущения аж начал заикаться, а у меня просто подкосились ноги, и я сел на корягу у так недавно уютного кострища.

— Кому все это нужно, ну, не звери ли? Олежка, и связи нет с Ботвинскими, что делать?

— Смотри-ка, и спальники уперли, и продукты подчистили. Нет, Михалыч, это оставлять так нельзя, нужно их догнать.

— Догнать-то мы их по бездорожью догоним, а что потом, Олежка? И куда они направляются? На Север, но там нет дорог. Ничего не пойму.

(Окончание следует)

В следующем номере: Путь на гору
идолов. Что случается в метро... Из жизни
геологов. Род Демидовых сегодня.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на
"Уральский следопыт"

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
 Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
 Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Ураль-
ский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет
 ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775
 наименование банка
 Корреспондентский счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

Кассир _____

КВИТАНЦИЯ
кассир

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка наиняется со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки "Уральского следопыта".

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 36 руб.

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
½ полосы	130x200;	6 100
	260x100	
¼ полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
½ полосы	130x200;	4 200
	260x100	
¼ полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
½ полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662
E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов
Отдел художественной литературы
Петр Родимов
Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков
Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова
Дизайн 1 и 4 стр. обложки:
Сергей Ивкин
Корректор
Надежда Перетягина

Реклама:
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01
Учредитель: Общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Наблюдательный совет:
Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы
и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Цена по подписке 36 рублей.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 15 апреля 2003 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 887
Отпечатано в ОГУП «Суходоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» 2-2003

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И ВАЙГАЧ

В предыдущем номере мы закончили описание континентальной части Уральской горной страны. Продолжение ее на север очень необычно и крайне интересно, т.к. горная страна переходит на острова Вайгач и Новая земля. О связи Уральских гор с Новой Землей говорили еще в давние времена такие ученые, как В.Н. Татищев, Г. Е. Щуровский и другие.

Новая Земля — это не просто остров, как кажется, когда смотришь на карту, это архипелаг, состоящий из двух огромных островов. Их разделяет очень узкий пролив Маточкин шар, который образовался в результате слияния двух фиордов, находящихся на разных берегах. Если говорить об особенностях Новой Земли, то их несколько. Во-первых, это самый крупный архипелаг в России, длина его более 900км. Во-вторых, северная часть северного острова покрыта самым крупным ледником длиной около 400км. Да и высота его достаточно большая, она приближается к средним высотам Уральского хребта, 1547м — высота главной вершины на северном острове. На южном острове самая высокая вершина — Первоусмотренная — 1292м.

По природным характеристикам южный и северный острова отличаются значительно. Это связано как с большой протяженностью архипелага на север, так и с тем, что южная часть южного острова относится к Вайгачскому (Пай-хойскому) антиклинорию, а северная его часть и северный остров — к Северо-Новоземельскому.

Климат суровый, средняя температура июля, несмотря на солнце, не уходящее за горизонт в течение трех месяцев, составляет всего +5 градусов. Вечная мерзлота достигает глубины 400метров. Природные зоны — от полярных тундр до арктических тундр и пустынь, со скудной растительностью или полным ее отсутствием. И, тем не менее, по западному и южному берегам Новой земли и Вайгача размещаются огромные птичьи базары, лежбища моржей и тюленей, а на островах — белые медведи, дикий северный олень, песцы, лемминги и некоторые другие животные полярного мира.

Вайгач — соединительное звено между континентом и архипелагом. Это небольшой остров длиной 100 и шириной 45 км, по природным особенностям ближе к Югорскому полуострову, с типичными моренными равнинами и приморскими низменностями.

Есть интересная особенность у островов Новой Земли: за последние 300 тысяч лет они поднялись над океаном на 300 метров, так что наши далекие потомки возможно будут путешествовать пешком по всей Уральской Горной Стране.

Желаем приятного путешествия!

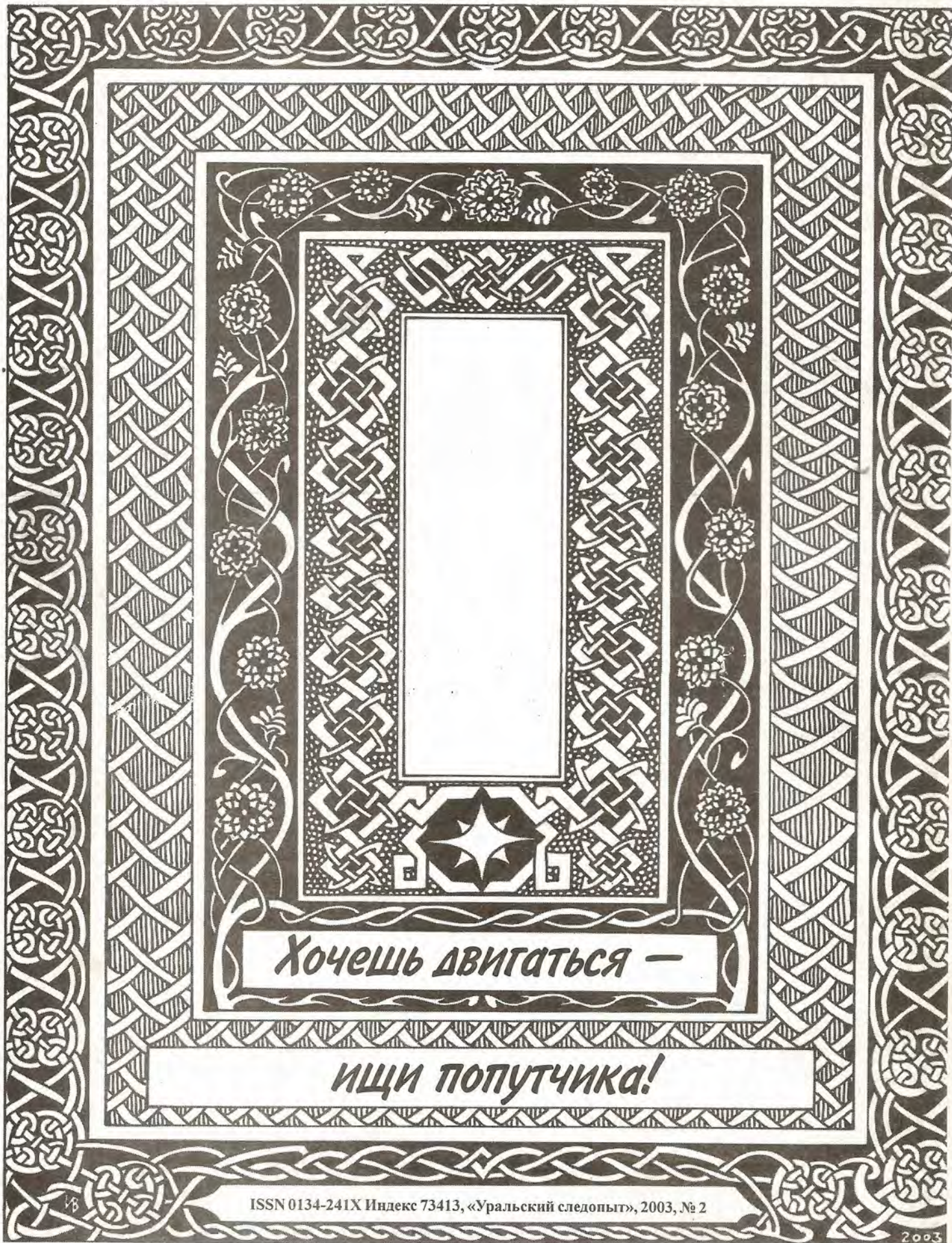
*Южный остров Новой Земли. Берег губы Грибовой.
Фото И. А. Соловьева.*

*Северный остров Новой Земли.
Южный берег пролива Гранта. Фото Т. Н. Тимофеевой.*

Евгений Савенко.

Хочешь двигаться —

ищи попутчика!